

*Илья Баксаляр*



Всадники апокалипсиса  
Сальвадора Дали

# Илья Баксаляр

## Всадники апокалипсиса

### Сальвадора Дали

[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=24395145](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24395145)

#### Аннотация

Роман Ильи Баксаляра «Всадники апокалипсиса Сальвадора Дали» проливает свет на тайны гениальности Сальвадора Дали, остававшиеся неразгаданными многие годы. Маленький мальчик поздним вечером, когда спали родители, заглядывает в запретную комнату. Он прекрасно понимает, что туда входить категорически запрещено. Преодолевая страх, он нарушает запрет и находит нечто такое, что окажет огромное влияние на всю его жизнь. Мальчик вырос, стал успешным человеком и известным художником, покорила мир. Но тайна, которую он обнаружил в детстве, создала в голове художника свой мир – очень сложный, страшный и непонятный большинству людей, которые его окружали.

# Содержание

Отзыв	6
От автора	8
Другие книги автора	9
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	48
Глава 8	54
Глава 9	59
Глава 10	64
Глава 11	67
Глава 12	73
Глава 13	78
Глава 14	81
Глава 15	87
Глава 16	91
Глава 17	93
Глава 18	98
Глава 19	100
Глава 20	105

Глава 21	108
Глава 22	112
Глава 23	115
Глава 24	118
Глава 25	121
Глава 26	123
Глава 27	133
Глава 28	138
Глава 29	146
Глава 30	149
Глава 31	151
Глава 32	156
Глава 33	160
Глава 34	164
Глава 35	170
Глава 36	172
Глава 37	174
Глава 38	182
Глава 39	185
Глава 40	192
Глава 41	196
Глава 42	200
Глава 43	203
Глава 44	208
Глава 45	213
Глава 46	217

Глава 47	221
Глава 48	223
Глава 49	225
Глава 50	230
Глава 51	234
Глава 52	238
Глава 53	242
Глава 54	249
Глава 55	253
Глава 56	258
Глава 57	261

# ОТЗЫВ

Лилия Маслова, литературный редактор

Можно ли сказать что-то новое о биографии и творчестве гениального Сальвадора Дали? Казалось бы, каждый день его жизни изучен вплоть до минуты, а картины рассмотрены самым тщательным образом, да и сам он оставил потомкам автобиографию. Однако его мистическое, абсурдное, грандиозное, неординарное, иррациональное творчество продолжает будоражить умы современников. Пример тому – новый роман Ильи Баксаляра «Всадники апокалипсиса Сальвадора Дали». Автор предлагает читателю прочувствовать этот фантастический, сказочный мир за гранью реальности. Именно почувствовать, отбросив все рациональное, ведь, как заявляет в романе Дали: «Мы не должны видеть! Мы должны чувствовать!» И вот мы вместе с маленьким Сальваторе рассматриваем странную книгу в кабинете отца, которая изменит всю его жизнь; тяжело переживаем смерть матери и знакомимся с поэтом Лоркой и музой Галой; присутствуем в момент создания Дали гениальных картин, слышим его мысли и становимся свидетелями мучительных сомнений. Мы словно второе «Я» художника, которое проживает и чувствует эту жизнь вместе с ним. Поэтому нам так дороги костыли и утесы на его картинах, и мы боимся самого последнего из всадников апокалипсиса – посланника смерти. Мы проника-

ем в самое сердце вселенной Дали и ощущаем удивительную хрупкость мира реального сюрреалиста.

# От автора

Чем интересен Сальвадор Дали? Я длительное время думал над этим вопросом. Почему миллионы людей подолгу смотрят его холсты и пытаются понять зашифрованные послания всем нам. Изучая многие годы картины Дали, в один прекрасный миг я понял секрет этого гениального мастера. Все о чем говорит художник – это не его тайна. Это наши скрытые ужасы, наши спрятанные в глубине души самые заветные грёзы. Мы мечемся между страхами и мечтаниями в поисках своего пути в жизни. Все, что мы хотим понять в самих себе, объясняет Сальвадор Дали через свои картины. Но мир любит тайны и секреты, без них жизнь людей была бы скучной и однообразной. Книга всадники апокалипсиса Сальвадора Дали это попытка поднять занавес секретности великого испанского художника, а заодно и лучше понять скрытые тайники нашего сознания.



## **Другие книги автора**

Бурани для Амина. Трилогия. Возня у трона.

Харизостан.

Спасти Советский Союз.

Тайны кривых зеркал.

Последний романтик Европы. Трилогия. Испания в огне.

Мировая революция.

# Глава 1

Задышающийся от хохота мужчина ворвался в комнату Галы. Слезы выступили на его глазах. Казалось, еще немного – и он умрет от спазмов в животе.

– Моя дорогая, ты знаешь, с кем я сегодня встречался?! – сквозь смех выдавил он из себя, и его опять сразил приступ веселья.

– И с кем же? – удивилась женщина.

– С твоим земляком из России!

– Из России? – ее изящные изогнутые брови приподнялись от удивления. – И что тебя так насмешило?

– Насмешило? – новый бурный поток потехи накрыл испанца. – У вас в России все такие? – он схватился за живот, упал на диван и стал кататься по нему.

– Но, Сальваторе, что случилось? Почему ты веселишься? Чем тебя так рассмешил мой земляк? – мягко поинтересовалась женщина, заинтригованная поведением мужа.

– Этот русский! Охо-хо. Этот русский! – попытался он продолжить, но опять залился безудержным хохотом.

Она подождала немного, пока он успокоится.

– Так что же этот русский?

– Кто-то пригласил его к нам на виллу... – и вновь волна хохота не дала ему закончить предложение, и он схватился за живот. – Этот русский просидел на вилле три часа, пока я

обдумывал, как к нему подобающе выйти. Вдруг он вскочил, засуетился и стал метаться по дому... – и хохот, на этот раз не такой безумный, опять оборвал слова испанца.

– Ну и что было дальше? – поторопила женщина. – Может быть, ему приспичило?

– Угадала! – сквозь безудержный смех продолжил мужчина. – Короче, твой русский не нашел туалета.

– И ты не показал ему, где туалетная комната?

– Я хотел. Но он успел сходить по-маленькому в твою любимую вазу. В ту, что стоит в углу залы.

– Опять этот твой номер! – возмутилась женщина. – Поймай-ка, – спохватилась она, – а этот русский случайно не композитор Хачатурян?

– Он! Он!

– Так это же я пригласила этого великого композитора из Советского Союза. Говорят, он уникальный человек. А ты знаешь, что он самый популярный в мире музыкант?

– Ну и что с того? Этот самый популярный музыкант мира от души напрудил в твою вазочку!

– Сальвадор, ты опять за свое. Опять издеваешься над людьми.

– Нет-нет, ты что! Я знаю, знаю, что он талантливый композитор. Я слышал его музыку из балета «Гаянэ». Но не мог же я войти в дом и просто поздороваться: «Здравствуйте, дорогой Арам!» Он бы просто разочаровался во мне.

Женщина начинала терять терпение, и ее лицо приобре-

ло сосредоточенный вид, сейчас она напоминала терпеливую мать, которая хочет серьезно пообщаться с разбаловавшимся чадом.

– Нельзя так поступать с мировыми известностями, Сальвадор. Ты хоть извинения принес?

– Конечно! – и мужчина опять неистово расхохотался. – Я пролетел перед ним голым на швабре!

– Что? – она пыталась изобразить возмущение, но описываемая картина, как перед маститым русским композитором пролетает на швабре ее абсолютно голый муж, вызвала в ней взрыв хохота. Так от души они не смеялись уже давно.

## Глава 2

Сальвадор родился в обеспеченной семье. Его старший брат умер в возрасте трех лет до рождения Сальвадора, и всю свою теплоту и доброту родители отдали младшему сыну, который стал самой большой ценностью в семье, почти Богом. Родители сильно переживали страшную потерю первого ребенка, но рождение Сальвадора помогло сгладить следы этой трагедии. Самое удивительное, что он как две капли воды был похож на своего умершего брата.

Сальвадору дома позволялось все, кроме одного: родители категорически запрещали ребенку заходить на кухню, где работницы готовили еду. «Ну что же, запрещаете? – решил малыш. – Тогда держитесь!» И Сальвадор приступил к взятию неприступного бастиона.

До обеда было еще далеко, а вкусные запахи уже доносились с кухни и разжигали аппетит. И вот юный боец спрятался за углом комнаты. Не успела кухарка выйти из своей крепости-кухни, как Сальвадор стремительно промчался в запретную зону. Он ловко юркнул на кухню, быстро осмотрелся и решил нанести свой первый удар по кусочку сыра. Он падет первой жертвой его стремительной атаки. Мальчик прокрадывается к столу, где лежит его заветная цель. Еще мгновение... И вдруг как из-под земли вырастает огромная туша кухарки. Сальвадор чувствует, как ее крепкие пальцы

хватают его за ухо. И вот его с позором выпроваживают с поля боя. Он повержен и изгнан с заветной кухни, а кусок сыра, который так манил ребенка, остался красоваться на столе.

«Ладно, держитесь у меня!» – и мальчик, выждав удобный момент, стремительно вбегает обратно в кухню, хватается за кусок сыра и, спасаясь от погони, удирает в свою комнату. Кухарка пытается его догнать, но детская комната – это недоступная для нее территория, и, потоптавшись на месте, она грузно возвращается в свои владения. Сальвадор переводит дыхание и издает свой победный клич «Йяя!». Теперь сыр его, нападение было успешным, правда, горело ухо, но это все мелочи по сравнению с той добычей, которую он достал в условиях жестоких боевых действий и реальных угроз со стороны противника.

На кухне работали две кухарки, и они обе были готовы к любой атаке маленького авантюриста. Впрочем, они были бы не против заключить с ним перемирие даже на его условиях, лишь бы эта маленькая бестия отстала от них. Но отец Сальвадора категорически запретил нарушать территориальную целостность кухни и выдал кухаркам бессрочный мандат на борьбу с нарушителем. И женщины, готовя обед или ужин, все время озирались по сторонам: не зашел ли этот маленький чертенок на их территорию?

Однажды к пришедшему с работы отцу, который не успел опомниться, вихрем подбежал мальчуган и бросился на шею.

– Папа, ты знаешь, кем я решил стать, когда стану взрос-

лым?

– И кем же?

– Буду поваром! И вся кухня будет моей! – безапелляционно заявил малыш. – А кухарок я выгоню, буду сам все готовить.

Отец разразился хохотом.

– Хорошо, сынок! Будешь поваром, когда подрастешь! А пока позволь кухаркам работать на своем месте!

– Но папа! – решительно заявил сын. – Я готов приступить к работе хоть сейчас!

– Хорошо, сынок, – ответил отец, смеясь, – но на ужин нам пусть пока приготовят еду наши кухарки.

– Ладно, папа, – снисходительно заявил Сальвадор, – пусть пока остаются, но завтра хозяином кухни буду я.

Так они разговаривали с отцом каждый вечер, однако наутро поступала новая вводная, что кухня остается запретной зоной. Такие долгие переговоры с отцом продолжались почти год. Наконец, терпение Сальвадора иссякло, и он категорически заявил, что поваром больше не будет. Не успел вздох облегчения прокатиться по дому, как юное создание заявило: «С сегодняшнего дня я буду великим полководцем, я – Наполеон!» Теперь уже смеялись все: отец и мать вместе с кухарками и прислугой, стоявшими в дверях. Мальчуган озорно натянул взятую откуда-то треуголку и вытащил детскую шпагу.

– Я великий полководец Луи Бонапарт Наполеон! Объяв-

ляю свой первый поход! – и он хитро посмотрел на кухарок.  
– Ладно, Сальвадор, хватит уже, садись есть! – мама усадила мальчика за стол.

С этого дня жизнь кухарок превратилась в кромешный ад. Маленький Наполеон организовывал одну военную экспедицию за другой. Когда кухарки чистили картошку или разделывали мясо, незаметно открывалась дверь и в кухню с саблей наперевес вбегал Сальвадор с криками «Ура!». Бедные женщины еле успевали увернуться от игрушечной шпаги и, применяя попавшую под руку кухонную утварь, бросались на грозного полководца, изгоняя его со своей земли. Каждая такая битва требовала от кухарок много усилий, так как юный полководец юрко нырял под стол и проскальзывал под стульями. Закончив битву, они закрывали кухонную дверь, предусмотрительно подперев ее шваброй. Уставшие, сидели, тяжело пыхтя от страшного сражения с вероломным противником.

Вечером кухарки жаловались хозяину дома:

– Ваш сынишка не дает нам работать, скажите хоть вы ему, что кухня не место для игр!

Он слушал жалобы женщин и смеялся.

– Значит, наш Наполеон не может взять неприступный бастион! Не обижайтесь, мои дорогие, он же ребенок!

– Ребенок? Как же, ребенок! Мы больше так работать не можем и будем увольняться! – в их глазах светились обида и решительность.



– Ладно-ладно! Ну потерпите немного, он же еще маленький! Я увеличу вам жалованье.

Они еще долго ворчали, но дополнительные деньги были самым веским аргументом в пользу их благотерпения. Теперь кухарки стали не просто поварами, а превратились в воинов испанской армии, постоянно отражавших вероломные атаки великого полководца и авантюриста Сальвадора Наполеона. И хотя сражения шли с переменным успехом, исход был неизменен – выдворение доблестного Сальвадора. Правда, изгнанный юный полководец уходил не только с прилично накрученным ухом, но иногда и с кусочком ветчины, сыра, яблока, а то и булочки. Часто, поверженный, он уныло брел в свою комнату, вновь строя планы нападения на грозного противника.

Боевые действия продолжались еще какое-то время, пока Сальвадор Наполеон не перебросил свои войска на новое поле битвы. Его младшей сестренке было всего три годика, когда родители пригласили своего семейного доктора, чтобы проколоть ей уши и вставить золотые серьги. Доктору было около семидесяти, он всегда был пунктуален и пришел ровно в десять часов. Доктор аккуратно усадил девочку на стул, достал из своего чемоданчика прибор для прокалывания ушей и уже поднес его к уху малышки, как в комнату с яростным криком «Не дам убивать сестренку!» ворвался Сальвадор. Как гениальный стратег маленький Наполеон понял, что война должна быть короткой и победоносной, а за-

тяжные сражения неэффективны и очень быстро надоедают, особенно с этими упрямыми кухарками. Теперь весь свой полководческий талант он обрушил на доброго престарелого врача. В руках у Сальвадора была пушистая щеточка для уборки пыли, с которой он и бросился атаковать противника. От изумления старый доктор уронил прибор для прокалывания ушей. Мальчик ловко воспользовался его замешательством и с огромным удовольствием атаковал старика, нанося поражающие удары в лицо. Доктор вскочил. Лицо его горело от уколов острого конца щетки.

– Я пришел проколоть уши Вашей сестренке. Зачем Вы нападаете?

– Не смей трогать мою сестру! – завопил в ответ маленький Наполеон и опять набросился на доктора.

На шум прибежал отец. Его взгляду открылась картина великого сражения: уважаемый доктор старается уклониться, а ловкий Сальвадор в очередной раз нападает на старика и пытается уколоть его лицо. Отец сразу же подбежал к полководцу и заслонил доктора.

– Сальвадор, доктор Хуан – наш большой друг, и некрасиво с твоей стороны нападать на человека, который делает нам столько добра.

Но Наполеон вновь взмахнул своей пушистой щеткой и, точно великий воин, уже хотел добить пораженного дракона. Вдруг мальчику стало жаль этого доброго врача. Он мгновенно отбросил в сторону щетку, подбежал к сестренке, по-

целовал ее и быстро ретировался. Ему вдруг захотелось загладить свою вину перед отзывчивым старичком, который так прилежно заботился о всей его семье. Некоторое время он долго ломал голову, что же предпринять такого, и наконец решил напиться ледяной воды.

На следующий день Сальвадор свалился с высокой температурой. Он лежал в своей кровати, когда мать подошла к нему и заботливо потрогала лоб.

– Да ты просто горишь! – воскликнула она и бросилась звонить врачу.

Вскоре явился долгожданный доктор, он вымыл руки и прошел в комнату юного полководца. Сальвадор лежал в кровати, все тело горело, а горло словно перехватило горячими щипцами, голова кружилась, и дикая слабость забирала остатки энергии молодого Наполеона.

– Ну что, юный хулиган, Вы никак заболели?

Сальвадор посмотрел мутным взглядом на врача.

– Извините, доктор! – пробормотал он. Ему нравилось, что теперь доктор заботится о нем, мерит температуру, смотрит горло, слушает дыхание. Как хорошо болеть! Ты сразу попадаешь в центр внимания! И это делает тот самый доктор, который в прошлый раз был очень обижен, а теперь участливо заботится о нем. Врач выписал лекарства и, мягко похлопав Сальвадора по плечу, тепло сказал:

– Поправляйся, юный хулиган.

Что еще нужно было юному Наполеону, сраженному тя-

желой болезнью? Только видеть, как у изголовья кровати великого полководца склонили свои головы врачи и домочадцы в ожидании его выздоровления.

Сальвадор быстро поправлялся, ему оставалось отлежаться несколько дней, когда ночью он проснулся и увидел слабый свет, проникающий из приоткрытой двери его комнаты. Мальчик ощущал, что уже была глубокая ночь, но дух великого полководца рвался вперед навстречу новым сражениям, тем более что этот таинственный поздний свет так и манил к себе. Он вышел из своей комнаты. В доме все спали, только полоска света из кабинета отца в конце коридора освещала темноту. Кабинет был святая святых для главы семейства, и посетителей здесь не жаловали. Но на этот раз это не остановило юного полководца, решившегося на разведывательный маневр. Он осторожно прокрался на цыпочках к запретной комнате и приоткрыл дверь. Ему вдруг стало страшно, когда он представил, как папа будет ругаться, но, вспомнив о перенесенной болезни, мальчик хитро улыбнулся. Папа будет снисходителен к нему.

Сальвадор вошел в кабинет. В нем никого не было. Видимо, отец забыл выключить свет и закрыть дверь. Надо было возвращаться в свою комнату, однако любопытство взяло верх. Мальчик огляделся по сторонам. Комната была отделана красным деревом, красивый резной потолок, небольшая люстра зеленого цвета, массивные шкафы из дорогих пород древесины, огромное количество книг в кожаных переплетах

с красивыми золотыми буквами в шкафах и на полках. Посреди кабинета стоял большой письменный стол с темно-зеленым сукном, рядом располагалось величественное резное кресло. В углу стоял кожаный диван темно-коричневого цвета. Все говорило о солидности и значимости этого помещения, и мальчик уже хотел уходить, но его взгляд упал на большую книгу, небрежно лежавшую на столе. Она привлекла его внимание еще и тем, что это была единственная книга на столе, к тому же открытая. Сальвадор понимал, что нельзя без разрешения входить в кабинет отца, а тем более брать и смотреть книгу, но авантюризм взял верх над страхами. Он подошел к столу, взял книгу и сел на диван. Если бы он только знал, как повлияет на его жизнь и творчество содержание этой книги, он бы, наверное, не только не взглянул на нее, но и держался бы от кабинета отца на почтительном расстоянии.

## Глава 3

Пришло время идти в школу. Мальчик простился со всеми своими образами великих полководцев и отдельно распрощался с Наполеоном. Начались учебные будни. Шли дни, недели, месяцы. Закончился первый год, за ним второй, а потом третий. Мальчик подрос, он уже не гонял по дому несчастных кухарок и всегда приветливо встречал семейного врача, которому было уже далеко за семьдесят. Но дух величия в нем не пропал.

– Мама, ты знаешь, что я родился великим человеком? – часто заявлял он дома.

– Конечно, Сальвадор! Ты будешь великим! – отвечала мать.

– Хм! Что значит буду? – озадачивался мальчуган. – Я уже сейчас великий и непревзойденный!

Мать удивлялась, даже иногда расстраивалась:

– Дорогой, у сына чересчур завышенное самомнение, как бы это потом не переросло в шизофрению? – делилась она своими сомнениями с мужем, на что тот всегда отвечал, ласково обнимая ее:

– Любимая, а что, наш сын действительно великий!

В школе Сальвадор был просто невыносим. Он постоянно спорил с учителями и был главным организатором всех беспорядков. Великий Наполеон вдруг превратился в Робеспье-

ра, готового отправить на гильотину любого, кто не придерживался Хартии справедливости. Доказывая свою правоту, он вступал в яростную перепалку с любым учителем, вне зависимости от возраста и опыта последнего. И когда педагог пытался жестко осадить зарвавшегося ученика и закончить эту своеобразную дискуссию, которая ставила его в столь неловкое положение, в этот самый момент происходила Великая французская революция. Сальвадор вскакивал на стул и начинал декларировать свои лозунги приверженности всеобщим ценностям человечества. А учителю оставалось только в недоумении стоять у своего стола, не понимая, как поступать дальше. Придя в себя, педагог бросал все свои силы на подавление мятежа:

– Сальвадор, ну-ка сядь на место и закрой свой рот!

– Ах мне закрыть рот! – И тут дух свободы начинал еще яростнее заводить юного борца за справедливость. – Мне можно заткнуть рот! А как же свобода слова? Вы подавляете в детях всю инициативу и желание понять предмет глубже! Вы хотите раздавить в нас личность и превратить всех в послушный скот.

Сальвадор опять отправлял учителя в нокдаун, и тот от удивления лишился на некоторое время дара речи.

– Что ты такое говоришь?! Да как ты смеешь так разговаривать с учителем? – придя в себя, начинал кричать педагог.

Юный Робеспьер вновь вскакивал на стул, зовя всех свободолюбивых учеников на баррикады против жестокой дик-

татуры тиранов. Класс начинал громко кричать и шуметь, и в этой буре тонул голос учителя, всячески пытавшегося навести в классе порядок, а затем все в праведном гневе покидали помещение.

Так Сальвадор срывал уроки у многих учителей, которые потом шли жаловаться директору. Наверное, бунтаря отправили бы на остров Святой Елены, как и Наполеона, но отец Сальвадора был известным в городе нотариусом, и только поэтому все эти выходы сходили ему с рук. Но даже это обстоятельство не удержало директора от обращения к родителям Сальвадора с просьбой подыскать своему чада другую школу.

В тринадцать лет отец записал сына в католический колледж, где под строгим надзором церковной братии юному бунтарю предстояло учиться много лет. Утром он ходил в церковь, а затем приступал к учебе. Консерватизм католической церкви не позволял бунтарскому духу Сальвадора выразиться. Он превратился в прилежного ученика. Казалось, наконец-то Сальвадор взялся за ум. Но от скуки, которая частенько одолевала юного бунтаря, не могли спасти ни хвала учителей, ни гордость отца за достижения сына.

В душе подросток оставался Наполеоном и великим бунтарем Робеспьером, жаждущим быть непревзойденным и необыкновенным, хотя железная дисциплина в колледже под присмотром братьев-иезуитов заставила на время умерить весь его бунтарский пыл. Но стремление выделиться про-



должало кипеть внутри Сальвадора, пока в один прекрасный день не вырвалось наружу, как извержение вулкана. Во время перемены, как обычно, все спускались на первый этаж. Толпа ребят шла по длинной лестнице, когда сзади раздался чей-то голос.

– Эй, а вам слабо прыгнуть через эту лестницу?

На миг все застыли, воцарилась тишина. Все обернулись назад и увидели Сальвадора, который стоял в начале лестницы.

– Ты что, с ума сошел?! – выкрикнул кто-то из еще не пришедших в себя от такого вопроса ребят.

– Так вы, значит, трусы! Что, слабо перепрыгнуть?

Кто-то хихикнул, некоторые начали разворачиваться, чтобы продолжить путь, кто-то не успел еще все обдумать, как вдруг Сальвадор отошел назад, разбежался что было силы и рванул вперед с криком: «А ну разойдись!». Он прыгнул очень далеко, перелетел почти через всех ребят, которые от изумления открыли рты, но этого было явно недостаточно, чтобы перепрыгнуть всю лестницу, и он с грохотом обрушился вниз и кубарем скатился по лестнице, пересчитывая ребрами каждую ступеньку. Когда Сальвадор распластался внизу, все ученики собрались вокруг него затаив дыхание. Юный каскадер попытался встать, но все его тело ныло, из-за сильной боли у него получилось только с трудом сесть на пол. Ребята подхватили его и поволокли в кабинет врача, откуда он был переведен в больницу. Триумф Сальвадора наступил

в тот момент, когда почти весь класс появился на пороге его палаты в больнице. Мальчик был на седьмом небе от счастья. Столько внимания! Он был действительно избранным!

Не успели его выписать из больницы, как тут же положили обратно после очередного прыжка с лестницы. И вновь друзья всем классом приходили его проведать. И вновь счастью Сальвадора не было предела. Наверное, все закончилось бы плачевно и он бы когда-нибудь свернул себе шею, если бы случай не свел юного гения с учителем рисования. Сальвадор сидел на уроке рисования и, как всегда, скучал: «Сегодня я попробую перепрыгнуть эту чертову лестницу! Прямо после урока». Он представлял, как будет прыгать, как вдруг голос учителя рисования прервал его мысли.

– Молодой человек, что вы думаете об этой картине? – Хуан Фернандес застал юного авантюриста врасплох.

– Эмм... Ну... Простите, учитель, что вы имели в виду?

– Я спросил вас, как вы оцениваете эту картину. Подойдите к доске и внимательнее посмотрите на копию полотна Веласкеса «Поцелуй Иуды».

Взору Сальвадора предстал Иисус Христос в Гефсиманском саду вместе с его самым любимым учеником Иудой. Взгляд Христа был теплым, хотя он уже знал о предстоящей мучительной смерти. Иуда обнимал своего учителя, но в его глазах светились страх и коварство.

– Учитель! – лицо Сальвадора изменилось. Тонкие брови немного нахмурились, между ними на чувственном лбе по-

явилась морщинка, а во взгляде вспыхнули пронзительность и блеск боли. – Посмотрите на глаза Иуды, по ним сразу видно, что он замышляет что-то неладное. Неужели Иисус не видит этого? – Сальвадор был крайне возбужден.

Наблюдая за учеником, Хуан Фернандес был ошеломлен его чувствительностью.

– Иисус знал, что с поцелуя предателя начнется его мученический путь на Голгофу, и был к этому готов.

– Но почему Иисус ничего не предпринимает, чтобы спастись! – в голосе Сальвадора звучала неподдельная боль.

– Христос знает, что изменить ничего не получится, это его судьба – нести весь грех человечества на себе и умереть мученической смертью во имя всего человечества! Он готов к этому! Посмотрите, ребята, на глаза Иисуса, – обратился Хуан Фернандес ко всем ученикам, – в них тлеет тепло, хотя он знает, что его предаст самый близкий друг и что впереди страшный путь жестоких страданий и мученической смерти. Этот взгляд говорит только об одном: Иисус готов пожертвовать собой ради людей и даже готов простить предавшего его ученика и друга во имя светлого будущего человечества.

Слова учителя потрясли юного Сальвадора. Он представил, что вместо Христа по узким улицам древнего Иерусалима с тяжелым крестом на спине идет он, как римские воины избивают его, а жители города проклинают, плюют в лицо и кидают камни. В страшных муках он бредет, не понимая, куда надо идти, римляне наносят ужасные удары по его телу

хлыстами, камни, брошенные жителями города, рассекают все лицо и тело, а глаза залиты кровью и грязными плевками внезапно озверевших горожан. Вот он буквально доползает до места казни. С него снимают тяжелый груз, двое римлян сильными руками кладут его на крест, а третий палач вбивает в руки толстые ржавые гвозди. Дикая боль пронзает все тело, потом прибивают ноги и в завершение всего надевают терновый венок, жесткие колючки которого вонзаются в голову, вызывая страшную боль и усиливая и так невыносимые страдания. Все это Сальвадор прочитал в глазах Иисуса. Юноша побледнел, а учитель рисования, прочитав мысли ученика, про себя отметил: «Как он умеет чувствовать живопись».

– Спасибо, Сальвадор, садитесь, пожалуйста.

С этого момента учитель стал уделять Сальвадору особое внимание, стараясь развить в нем умение видеть картины в своем уникальном ракурсе.

Хуан Фернандес Нуньеса был родом из Андалузии, южной провинции Испании с яркой и необычной природой. Он стал первым человеком, увидевшим в Сальвадоре незаурядные способности. Теперь Сальвадор забыл про рискованные прыжки через лестницу, его страстью стала живопись. Однажды, когда он сидел за мольбертом и рисовал очередную картину, его внезапно вызвали к директору. Когда недовольный Сальвадор постучался в дверь кабинета директора и вошел внутрь, он увидел отца, сидевшего с опущенной головой.

– Здравствуй, папа! Что-то случилось?

И Сальвадор все понял. Домой они ехали молча. В доме установилась какая-то зловещая тишина. В комнате на кровати лежала мать. Было ощущение, что она просто устала и прилегла отдохнуть.

– Мама! – подбежал к ней Сальвадор, слезы застлали его глаза, и большой горький ком застрял в горле. – Мама! Ну как же так?

Она молчала, юноша попытался ее обнять и укрыться в ее тепле, но от нее исходил ледяной холод, и только сейчас он начинал осознавать, что мамы больше нет. Что-то сломалось в его душе, хрупкий мост между детством и будущим разрушился, унеся с собой в глубокую пропасть все теплые и добрые ощущения, которые связывали его с матерью. И равнодушие, как черный скользкий спрут, расплзлось в его тепле уже пустом сосуде души.

После смерти матери Сальвадор стал просто невыносимым, мальчик презрительно относился ко многим учителям, и только в рисовании он находил успокоение. Обучаясь у Хуана Фернандеса, изучая картины Рембрандта и Веласкеса, Сальвадор писал свои первые полотна. В один прекрасный день отец собрал все картины юного художника и организовал его первую выставку в своем доме.

– Я же говорил, что Сальвадор – необычный мальчик! Он гений! – торжествовал отец, показывая друзьям и родственникам картины сына.

Однажды за завтраком отец спросил его:

– Кем ты планируешь стать?

– Пап, скорее всего, я стану художником! – ответил Сальвадор.

– Художником? И ты хочешь жить на деньги художника?

Но, сынок, посмотри вокруг! Сколько их, этих рисовальщиков! И почти все сводят концы с концами.

– Но, папа, я не рисовальщик, я великий художник. Мои картины будут покупать все, они будут выставляться в лучших музеях мира, – поправил Сальвадор отца.

– Эх, сынок, сынок! Это же просто мечты. Поступай в университет на юриста и продолжишь мое дело.

– Жить как ты? Нет! Это не мое. Я буду великим! Меня будет знать и почитать весь мир! А что твоя нотариальная контора? С утра до вечера только бумаги оформляй! Скучно и неинтересно! Я не хочу тратить на это свою жизнь!

Отец с удивлением посмотрел на отпрыска: «Да, мания величия у него зашкаливает, нотариусом не хочет быть».

Не прошло и двух лет после смерти матери, как отец успел жениться на ее сестре. Все это выглядело в глазах Сальвадора вероломством и предательством и вызвало в его душе разрушающую волну протеста, которая хлынула в колледж и вылилась в оскорбления и унижения учителей, бунты и протесты. Все эти занятия, экзамены, постоянное однообразие и замыленный взгляд на жизнь утомляли молодого Сальвадора. Со своей семьей он стал общаться редко, а от отца отда-

лялся все дальше и дальше, возводя Великую китайскую стену. Многие учителя в колледже попытались настоять на том, чтобы убрать неудобного ученика из их заведения. Но влияние и деньги отца позволили Сальвадору окончить колледж. Молодой человек получил аттестат и почувствовал себя свободным. Однако отец настоял на продолжении учебы в лучшем университете Испании в Мадриде. Когда юноша прощался с домом, старые теплые воспоминания охватили его. Он вспомнил и битвы на бастионах кухни, и доброго доктора, и прекрасную мать, которая сейчас смотрела на него с небес, и сестру, и отца, некогда очень близкого. Постаревшие кухарки, с которыми он когда-то так яростно сражался за кусок сыра, вышли провожать его. Сальвадор окинул все прощальным взглядом. Он уезжал в другой город, но для него это была другая планета, другой мир, где не было родного дома, друзей и милых кухарок, которых он искренне любил. Поезд уносил его вдаль, открывая новые горизонты жизни.

## Глава 4

Богатство и роскошь, красивые и высокие здания, дорогие машины и модные горожане – Мадрид накатил на провинциального юношу своими каменными джунглями. Некогда великий Наполеон и Робеспьер, а ныне замкнутый и стеснительный Сальвадор поселился в резиденции студентов самого престижного в стране университета.

Отец не догадывался, что его сын вместо юридического поступил на факультет живописи. Только живопись пробуждала в юноше интерес к жизни, захватывая его огнем буйства красок, унося в далекий мир непредсказуемости и свободы, и спасала поверженного Наполеона, сосланного на далекий остров Святой Елены, от одиночества.

В университете все только и говорили об одном выдающемся жителе Андалузии, великом поэте, восходящей звезде Испании и всего мира – Федерико Гарсиа Лорке. Сальвадор был крайне заинтригован этим незнакомцем, который, будучи старше его всего на шесть лет, уже успел стать легендой.

В один из дней одиночество Сальвадора буквально втащило его в студенческий клуб, в котором проходила молодежная вечеринка. Зал клуба напоминал пчелиный рой, круживший тучками вокруг разных ульев: кто-то читал стихи, другие пели песни, третьи играли на музыкальных инстру-



ментах. Сальвадор прислонился к стене и стал с интересом наблюдать за веселящимися студентами. Как бы ему сейчас хотелось выйти в центр и заявить во весь голос: «Здравствуйте, друзья! Это я, великий Сальвадор Дали! Пришел сюда к вашей неопишуемой радости!» Вот молодой поэт останавливается на полуслове и, покидая своих слушателей, бросается к нему со словами: «Сальвадор, это ты!» и, не стесняясь никого, обнимает его со всей своей поэтической пылкостью. Рядом музыкант, увидев великого и несравненного художника, застывает перед роялем, его пальцы уже не способны произвести ни единого звука. «Друзья! – восклицает он. – Посмотрите, кто к нам пришел! Это же сам Дали!» И он тоже бросается в объятия художника, предварительно отодвинув поэта от своего божества. Толпа бросается вперед: «Посмотрите, это Дали! Там Дали! Господа, поспешите! Это же Дали!» И все окружают молодого человека, и каждый пытается протянуть к нему руку, обнять, да и просто дотронуться, чтобы потом всю жизнь рассказывать детям и внукам, что собственноручно дотрагивался до самого Дали. Но сейчас, в настоящей реальности, никто не обращал внимания на молодого человека, и он продолжал одиноко стоять в стороне с горькой мыслью, что он здесь просто никто.

Тяжело вздохнув, юноша развернулся, собираясь уходить, как вдруг кто-то дотронулся до его плеча.

– Здравствуй! Ты Сальвадор?

– Да!

Перед молодым художником стоял его ровесник.

– Давай знакомиться. Меня зовут Луис Бунюэль. Я учусь на режиссера. Я видел твои картины. Интересное у тебя восприятие мира и живописи.

– Дааа? Ты действительно видел мои картины? – протянул от удивления Дали.

– Да-да, в Барселоне, на выставке! Мне было интересно посмотреть на новый стиль!

– Это, наверное, мой отец организовал, – смутился юноша. – Но я рад знакомству с тобой, Луис! Так ты будешь снимать кино?

– Именно! – с горящими глазами отчеканил Бунюэль. – За кинематографом будущее! Увидишь, без кино люди не смогут жить.

Так они и познакомились и крепко подружились. Вместе обсуждали новые фильмы, картины Матисса и Пикассо, но чаще всего их разговоры касались молодого поэта Федерико Гарсиа Лорки. Дали только и думал об этом человеке: «Что это за личность, которого никто не видел, но все только о нем и говорят? Наверное, это необычайный человек, своего рода Наполеон в поэзии».

Сальвадор опять улетал в иллюзии. Вот он гуляет по широкому проспекту, и навстречу ему идет великий поэт современности, звезда испанской литературы – сам поэт Лорка, вокруг него толпа поклонников и поклонниц, все стараются подойти поближе к национальному достоянию страны. И

навстречу ему, великому поэту, как Наполеон, идет сам Дали. Лорка внезапно останавливается. «Боже мой! Кто передо мной? Это же великий Дали, друзья! – обращается он к своим поклонникам. – Посмотрите, кто перед нами. Это же Дали», – и, отрываясь от толпы, бросается вперед, чтобы первым обнять величайшего художника современности и потом написать много поэм в честь этого неотразимого человека. Так представлял себя Дали на фоне известного молодого поэта, которым начала восхищаться почти вся Испания.

По субботам Сальвадор вместе с Луисом часто посещал студенческий клуб, где всегда собиралось много народа. Девушки поглядывали на молодого красавца Дали. Он был выше среднего роста, худощавого телосложения с яркими и запоминающимися чертами лица. Но Сальвадор не обращал на них никакого внимания.

– Посмотри, друг! – вздрагивал Луис. – Вон та девушка! Как она тебе? Иди, познакомься! Что ты как рак-отшельник все шарахаешься от женщин?

Дали внимательно осматривал девушку.

– Ну что же, в кухарки я бы мог ее взять! Мне же нужна муза для более высокого, чем просто пофлиртовать.

– Ну и кто же тебе тогда нужен? Все девушки, с которыми я предлагаю тебе познакомиться, не подходят.

Дали глубоко вздохнул.

– Муза – это что-то необычное, воздушное и неземное! А твои девчонки, они, конечно, симпатичные, но обычные,

и понятно, что им надо. А что всем женщинам надо? — и на его лице изобразилась гримаса брезгливости. Луис уже привык к причудам своего друга, и они продолжили искать подходящую компанию на вечер.

В один прекрасный день Дали и Бунюэль решили отдохнуть на берегу озера и насладиться теплым майским солнцем. Сальвадор лежал на раскладном стуле с закрытыми глазами и в полудреме представлял себя в роли Наполеона, который покорял заснеженную Россию. Перед ним расстилается Бородинское поле, впереди стоят русские редуты, и он посылает свои полки один за другим на смертельную битву, которая прославит его на века. Но русские не сдавались, и полководец взмахом посылал все новые и новые войска в бой в надежде побыстрее завершить великую битву. Вот русские дрогнули, и сейчас он опять вскинет руку, и его знаменитая кавалерия сметет оборону противника и сделает его имя бессмертным на века. Как вдруг чья-то рука нежно погладила его по вытянутой ноге. От неожиданности Сальвадор открыл глаза, и его взору предстала прекрасная молодая особа со стройной фигурой, пышным бюстом, симпатичным личиком, довершала картину соблазнительная кокетливая улыбка. Он попытался отстраниться, но девушка, наверное не привыкшая к отказам, попробовала обнять его за ноги, при этом весьма крепко схватившись за тело Дали. Это привело Сальвадора в бешенство, громко крича и топая ногами, он отталкивал назойливую даму, словно ядовитую

змею, вцепившуюся в пятку. Когда ему наконец удалось оторвать от себя прилипчивую девушку, он с брезгливым видом кинулся наутек. Наблюдавший за происходящим Луис остался в полном недоумении.

## Глава 5

Неделю спустя радостный Бунюэль прибежал к Дали.

– Слушай, мой друг, завтра в Мадрид приезжает Лорка.

Он будет в доме моих друзей. Пойдешь со мной?

Сальвадор посмотрел на друга, и у него на душе стало немного печально. «Как он восторгается этим поэтом! Какие у него глаза при одном упоминании этого имени! И как буду выглядеть я в глазах других, когда все только и будут смотреть на этого Гарсию Лорку. Буду стоять в стороне, как обычная дворняга и никому ненужный человек».

– Нет, я не пойду, я не любитель поэзии и тем более не поклонник твоего Лорки.

– Ну давай пойдем! Тебе будет интересно! – упрашивал Луис.

– Нет! – отрезал Сальвадор.

– Хорошо! Ты можешь не ходить, но давай просто зайдем в гости, ты посмотришь на этого человека, и мы уйдем вместе! – Бунюэлю очень хотелось показать другу своего кумира, которого он, правда, еще ни разу не видел.

– Ладно! – не желая обижать товарища, согласился Дали.

Вечером они направились к друзьям Луиса в особняк в центре Мадрида, где собралась вся столичная богема. Они шли по ухоженной вымощенной булыжником улице, по тротуару, освещенному газовыми фонарями, вдоль аллеи высо-

ких деревьев. Впереди светился огнями старинный белый особняк, построенный в мавританском стиле. Во дворе и на улице было много автомобилей и карет. Все говорило о том, что здесь собрались знатные люди столицы, интересующиеся искусством. Поэт Лорка был для многих знатоков поэзии загадкой, и почти всей богеме Мадрида хотелось познакомиться с этим новым явлением в литературе современной Испании. Пробриться в дом было очень трудно, автомобили и экипажи все подъезжали и подъезжали.

– Сальвадор, пойдем быстрее, а то не попадем на вечер.

Дали был в душе возмущен: «Кто такой этот Лорка? И почему к нему такое внимание? Так должны были встречать здесь меня!» Но любопытство взяло верх над личными амбициями и он вошел в дом.

В большом зале яблоку негде было упасть, народ в нетерпении ждал появления нового кумира. И вот в углу помещения возникло какое-то оживление, все бросились в ту сторону.

– Это он! – повторяли все вокруг.

И действительно, взору публики предстал молодой человек лет двадцати пяти с правильными чертами лица, большими голубыми ясными глазами, в которых утопали все взгляды. Эти глаза излучали столько живительной энергии, что от них было невозможно оторвать взгляд. Черные кучерявые волосы обрамляли красивое светлое матовое лицо. Он был среднего роста, строен и привлекателен. Все присут-

ствующие женщины буквально пожирали глазами этого молодого поэта, о котором говорил Мадрид и вся Испания. И чем больше они смотрели на Лорку, тем сильнее им хотелось прижаться к нему, обнять и не отпускать уже никогда. Так манила их исходящая от него магическая сила наравне с силой его проникновенных стихов. Мужчины не менее восторженно приветствовали поэта. В их глазах он был своим малым, который держался просто и был открыт для общения, без грамма снобизма и самовлюбленности.

После первого знакомства публика стала просить Лорку прочитать стихи. Кто-то принес стул, и поэт поднялся на него. Завороженные взгляды устремились на Лорку. И его голос зазвучал:

В глубинах зеленого неба  
зеленой звезды мерцанье.  
Как быть, чтоб любовь не погибла?  
И что с нею станет?

С холодным туманом  
высокие башни слиты.  
Как нам друг друга увидеть?  
Окно закрыто.

Сто звезд зеленых  
плывут над зеленым небом,  
не видя сто белых башен,



покрытых снегом.

И чтобы моя тревога  
казалась живой и страстной,  
я должен ее украсить  
улыбкой красной.

Дали не поддался обаянию кумира публики и, в отличие от всех, с презрением смотрел на молодого поэта. «Подумаешь, поэт. Сколько их было, есть и будет, мода пройдет, и все тебя забудут. Миру нужны более величественные фигуры, такие как Наполеон, которые останутся на века благодаря своей особой избранности». Но когда поэт начал читать, все критические мысли Сальвадора рассеялись при первых же строках.

В глубинах зеленого неба  
зеленой звезды мерцанье.

Как это необычно. Чем-то стихи Лорки напомнили его восприятие мира.

Сто звезд зеленых  
плывут над зеленым небом,  
не видя сто белых башен,  
покрытых снегом.

«Как зеленые звезды могут плыть над зеленым небом, не видя сто белых башен, покрытых снегом?! Как он прекрасно выразил свое видение этого мира!» – уже через мгновение восхищался Сальвадор. Мало кто понимал его живопись, а

тут несколько строк так ясно показали, что этот молодой поэт видит мир таким же, как и он.

И чтобы моя тревога  
казалась живой и страстной,  
я должен ее украсить  
улыбкой красной.

Едва поэт закончил читать, как зал взорвался оглушительными аплодисментами. Публика была заморожена стихами и молодым поэтом, гений и магнетизм которого покорили сердца и души присутствующих.

– Как тебе этот поэт? – сквозь шум услышал Дали восторженный голос Луиса.

В зале все аплодировали, кричали, старались поближе подойти к Лорке и пожать ему руку. Женщины не сводили глаз с молодого красавца, который пробуждал в них затаенные желания.

– Послушай, Луис, познакомь меня с ним! – вдруг резко сказал Дали.

– Тебя? Познакомить с Лоркой? – Бунюэль был крайне удивлен тем, что его немного странноватый друг захотел познакомиться с поэтом. – Ладно! Но это будет трудно сделать.

Они протиснулись сквозь толпу к поэту.

– Извините! – начал Луис. – Разрешите, пожалуйста, познакомить вас с моим другом-художником! – он запинаясь, робея в присутствии такой легендарной личности.

Но тут Дали отодвинул Луиса в сторону:

– Разрешите представиться: Сальвадор Дали, величайший художник современности! – и он бесцеремонно протянул по эту руку.

Бунюэль покраснел и с опаской смотрел, как Лорка отреагирует на такую наглость.

– Ну что же, рад знакомству с гениальным человеком! Художники – это те же поэты, которые умеют выразить слова в красках, – ответил Лорка.

– Хорошо сказал! – Дали сразу перешел на «ты». – Если у тебя будет время, давай об этом потолкуем, мне понравились твои стихи.

Луис, пораженный такой фамильярностью своего друга, не знал, что и делать.

– Хорошо, Сальвадор! Ты где учишься?

– В университете на факультете живописи.

– Я заеду как-нибудь! До свидания, Сальвадор!

Толпа стала оттеснять Дали и его друга от поэта.

– До свидания, друг! – крикнул Дали.

Толпа совсем отодвинула молодых людей в сторону.

– Пойдем отсюда, Луис! – сказал Дали. – Здесь делать уже нечего.

По дороге Бунюэль долго ругал друга:

– Ну разве так можно общаться с великими людьми?

– А что, разве я не такой же великий, как он? – возмутился молодой художник.

Луис хотел рассмеяться, но, посмотрев на друга, решил,

что лучше этого не делать. Дома Сальвадор долго не мог заснуть, находясь во власти стихов Лорки.

В глубинах зеленого неба  
зеленой звезды мерцанье.

## Глава 6

Сестра Дали стала первой моделью для его необычных полотен, однако уловить смысл произведений молодого художника для многих зевак представлялось неразрешимой задачей. Новый стиль живописи был на слуху, но, как всякое новое направление, часто подвергался отторжению и невосприимчивости. Сюрреализм Дали далеко выходил за рамки обычного восприятия, но ничего в картинах гения не писалось просто так.

Покоренный стихами Лорки Дали впитывал смысл каждого слова. Ощущая родственную душу, он раскрывал тайны поэта, его сокровенные мечты и страхи, от которых он пытался избавиться. Дали знал, что он тоже пришел в этот мир не просто так: «Моя жизнь – это миссия, с которой послал меня Бог на эту землю, и что могут эти обычные смертные судить о моих картинах, оценивать все те тайны, в которые посвятили меня высшие силы». И вновь читая стихи Лорки, художник чувствовал мистическую силу, которая должна была связать их.

Проходили дни, а Лорка не появлялся. И Дали перестал ждать. Каждый день он много рисовал у себя в комнате. Однажды он попытался нарисовать один эскиз, но работа не пошла, а мысли разбегались в его голове, как тараканы. Стук в дверь переполнил чашу его терпения. Он отбросил кисточку

в сторону и с негодованием метнулся к двери.

– А, черт, опять кого-то носит! Не дают собраться с мыслями! – Дали открыл дверь, готовый обрушить весь свой гнев на нарушителя спокойствия.

– Здравствуй, художник! – в дверях стоял веселый поэт. – Ты вроде как меня приглашал?

– Гарсиа?! Не может быть! – вот этого Сальвадор точно не ожидал. Он затащил поэта в комнату и обнял его. – Как я рад видеть тебя, дружище!

Их было не остановить, они разговаривали друг с другом так, как будто были лучшими друзьями с самого детства. Сальвадор показал свои картины.

– Дааа! – протянул Лорка. – В них есть что-то манящее и в то же время ускользящее! Слушай, не знаю почему, но они мне очень близки.

Все свободное время они проводили вместе и стали близкими друзьями. Они оценивали поэзию и обсуждали великих писателей и художников, говорили о Франции и осуждали Германию за то, что она часто вторгалась на территорию Франции, и за это оба ненавидели немцев. Сальвадор как-то попросил Гарсию стать моделью для его новой работы, и они начали часто ездить к морю, где так любил писать Дали.

– Почему ты рисуешь такие странные картины? Тебя что-то беспокоит? – спросил однажды Лорка.

– Нет, мой друг. Я не хочу насиловать ту форму, которую я вижу своим ощущением и переживанием, а ползать перед

моделью и повторять все ее очертания, лишь бы это сочеталось с общепризнанными стандартами, – это не мое. В мою душу вползают свои образы тех вещей, которые я ощущаю своим каким-то шестым чувством.

Скоро Мадрид наскучил Дали.

– Что еще могут дать эти профессора?! Я устал от них! Они забивают мою бедную голову своими бредовыми идеями. Ты представляешь, они учат меня, как надо рисовать! Слушай, Гарсиа, а поехали ко мне домой, в мою любимую Каталонию?

И друзья, бросив все, ринулись навстречу новым приключениям.

## Глава 7

Пыльная повозка со скрипом подъехала к дому отца Дали. На шум приближающегося экипажа из дома выбежал старший Дали.

– А, сынок, ты приехал! Как я рад тебя видеть! – отец обнял Сальвадора.

– Вот, папа, мой друг, он приехал к нам погостить! А вообще, это великий поэт Гарсиа Лорка!

– Не может быть! Это Вы?! Я много слышал о Вас и читал Ваши стихи! Пожалуйста, проходите! Будьте как дома!

Не успел он договорить, как из дома с радостным воплем выскочила сестра Сальвадора.

– О, братец, как я рада тебя видеть! – она взглянула на друга брата, и румянец залил ее щеки. Бездна голубых глаз поэта плела свою магию. – Здравствуйте, сеньор! – потупив взор, поздоровалась она.

– Ну что, папа и мои дорогие домочадцы, к вам вернулся великий и ужасный сын, чтобы покорять мир! Представляю вам своего друга – величайшего поэта и страшного любителя живописи! – Сальвадор обнял друга, и они вместе поклонились хозяевам дома.

Для Сальвадора и Гарсиа это было самое беззаботное и счастливое время. Великий Наполеон встретил достойного себя человека в лице Александра Первого, который сверг его



с трона. Но еще не вечер, и Наполеон нанесет свой ответный удар, дурачились они.

Сестра Сальвадора Анна-Мария без ума влюбилась в Лорку. Плененная его красотой и энергетикой, она подолгу сидела на балконе и любовалась Гарсией, не понимая, почему он не обращает на нее внимания. Пробыв несколько дней в доме отца, рано утром Сальвадор разбудил Лорку.

– Слушай, поехали на пару недель в Кадакес! Я там немного поработаю. – Дали больше всего любил писать картины там, где море было на заднем плане. – Только море имеет свои очертания, его не надо загонять в какие-то формы и издеваться над предметами, делая их обычными вещами. Мир всегда движется, и все меняется, и я хочу писать все так, как я чувствую. А море – это свободная стихия, которую не загопишь ни в одни рамки.

Друзья поселились в небольшом рыбацком поселке. Лорка на фоне моря позировал Дали. Поэт то лежал с закрытыми глазами на песке, потеряв свою панаму, то сидел по многу часов в одной позе, глядя в голубую даль моря. А иногда вместо рисования друзья беззаботно дурачились: Дали вскакивал другу на спину, и они неслись по песчаному берегу моря. Подбегали к кучке рыбаков, чинящих снасти у лодки, и Сальвадор, подняв руку, в которой была кисть, кричал: «Здравствуйте, друзья! Это я, Дон Кихот, вернулся к вам, чтобы принести вам свободу! Где те негодники, которые мешают вам жить?»

Рыбаки в изумлении смотрели на двух чудаков, сначала на самозванца в роли Дон Кихота, потом на симпатичного парня, бьющего в нетерпении копытом по песку, потом смущенно показывали на какой-то дом и опять принимались за свою работу. Лорка, как умный конь, мчался вперед, без слов понимая своего хозяина.

– Кто это? – спрашивал кто-нибудь из рыбаков.

– Да кто его знает, чудаки какие-то.

– Нет, – возражал третий, – это художники. Все они немного с чудинкой. Богема! Вот поработали бы с наше – вся дурь и прошла бы.

А Дали уносился вдаль на своем коне по пустынному пляжу в поисках очередных врагов человечества, пока скакун Лорка не падал в изнеможении и оба – поэт и художник – не начинали валяться на песке, судорожно смеясь над очередной забавной выходкой.

Когда в Кадакесе Дали писал Лорку на фоне моря, ему льстило, что такой красавец, любимец богемы, покоритель женских сердец был рядом и позировал, как простой натурщик, именно ему. «Я великий, – думал Дали, – и смог добиться признания того, кого не смогло покорить все это общество со всем своим богатством, развратом, красотой и опытом». Он смотрел на друга и восхищался его чертами. Дали любил его всей душой, заряжаясь той энергией, которой ему так не хватало. Сальвадор не подпускал к своей душе никого, да и кто мог понять этого странного молодого

человека с завышенным самомнением и с диким одиночеством в глазах. Женщины часто бросали взгляды на Дали, но он оставался холоден к ним, какая-то темная стена отраживала его от представительниц прекрасного пола. Ночью Сальвадору часто являлись эротические сны. Они пробуждали в нем плоть, ему снилось что-то воздушное и непонятное. Теплые поцелуи, легкое касание губ, нежные глаза притягивали его к себе, и какое-то неведомое чувство пробуждалось в молодом человеке. Дали никак не мог понять, что с ним происходит. Когда наступал новый день, он вновь садился за холст и продолжал писать прекрасный облик своего друга. А иногда Дали и Лорка прогуливались по вечерам вдоль берега моря, вместе созерцали тепло-оранжевый закат уходящего за горизонт солнца, насыщая свои души новыми ощущениями, столь необходимыми для творческих гениев.

Две недели в маленьком рыбацком поселке Кадакес пролетели как один день. Пришло время возвращаться домой. Отец Дали, очарованный обаянием Лорки, устроил пышный праздник в честь поэта. Все веселились, пели песни, вино лилось рекой. Один только виновник торжества оставался грустным, прощаясь с самыми беззаботными и прекрасными днями в его жизни.

По возвращении в Мадрид друзья продолжали много общаться, обсуждая проблемы современной поэзии и живописи. Казалось, все было по-прежнему, но что-то неуловимое изменилось, что-то дало едва заметную трещинку. Да-

ли впервые охватили сильные творческие муки, новые идеи больше не возникали, даже не маячили на горизонте, а все, что он написал до этого, ему теперь не нравилось. И он впал в глубокую депрессию. Лорка пытался как-то помочь ему, но это только сильнее затягивало Сальвадора в омут безысходности и творческого застоя. Начались недопонимания, которые переросли в ссоры. И Дали вдруг открыл для себя, что, если сейчас он не бросит все, он зайдет в тупик и навсегда останется в этом психологическом болоте.

Рано утром, когда Дали садился в поезд, какое-то неприятное чувство разбудило Лорку, темные ощущения вползали внутрь, как склизкие змеи. Он попытался заснуть, но стук в дверь окончательно разбудил его. На пороге стоял сосед Дали с письмом в руках.

– Это тебе!

– Мне? – внутри Лорки что-то оборвалось и обожгло предчувствием невосполнимой утраты. Он открыл письмо.

«Мой друг! Я очень тебя люблю, ты подарил мне много прекрасных моментов в жизни, зажег во мне новые творческие идеи. Ты питал меня своей энергией, которая выливалась в мои картины. Ты был соавтором многих моих произведений. Я благодарю тебя».

И Лорка понял, что это был конец их дружбы и начало его жуткого одиночества, которое ему уже вряд ли удастся изгнать. Ему, Лорке, придется одному брести по этой огромной пустыне под названием «Земля», и уже никогда не будет

рядом того близкого его сердцу человека, который мог успокоить его душевную боль и мучительные страдания.

Одного только не мог понять поэт: почему все это закончилось? Он винил только себя. Через месяц Лорка покинул Испанию.

## Глава 8

Когда Дали сошел с поезда в Париже, он первым делом отправился на Монмартр и отыскал дом величайшего художника Пабло Пикассо. Перед фигурой этого титана в мире живописи трепетали все, но только не Дали. Он позвонил в дверь, которая через некоторое время распахнулась.

– Добрый день! Вы Пикассо?

На пороге дома стоял мужчина средних лет с чисто выбритой головой.

– Да! А что Вы хотели, молодой человек?

– О, извините, забыл представиться: Сальвадор! Сальвадор Дали! Я из Испании и тоже художник! Думаю, Вы обо мне уже слышали?

– Нет, мне Ваше имя ровным счетом ни о чем не говорит!

– Но это пока не слышали... – Дали равнодушно усмехнулся. – Запомните этот день!

– Зачем? – поинтересовался хозяин дома.

– Этот день останется в истории. И Вы будете рассказывать всем об этой встрече!

– Почему? – удивился родоначальник кубизма.

– Сегодня Вы познакомились с великим художником Дали! – и молодой человек бесцеремонно прошел в дом Пикассо.

Такая беспардонная наглость озадачила мэтра, но в то же

время вызвала в нем любопытство: «Кто же этот самонадеянный наглец с таким завышенным самомнением и своеобразной внешностью?!» Глаза Дали горели, внутри он сильно переживал, станет ли знаменитый художник вообще разговаривать с ним, и решил быстро натянуть свою любимую маску. Сальвадор ходил по зале и рассматривал творения великого художника.

– О, как много у Вас картин! – он с завистью оценивал их, понимая, что таких вершин в творчестве достигнет не скоро.

– А что Вы, молодой человек, можете показать?

Дали оторвался от созерцания картин.

– Я? У меня много творений! – Сальвадор опять надел маску величия, хотя в этот момент он искренне верил в свою избранность. – Но все они остались в Барселоне, на моей персональной выставке! Хотя подождите, у меня с собой есть несколько эскизов будущих работ, – и он протянул Пикассо несколько своих набросков. – Что Вы о них думаете?

Хозяин дома небрежно взял рисунки молодого испанца и взглянул на них. Представить сейчас, что всего секундой ранее на лице Пикассо читались неприязнь и раздражение, было невозможно. На эскизах великий мэтр разглядел затаенную боль и страхи, переживания и трагедию жизни, замаскированную в отдельных деталях рисунков. Но больше всего Пикассо задела глубина восприятия окружающего мира, которая была так ловко выражена через призму абсолютно нового. Родоначальник авангардизма прекрасно понял, что

хотел передать этот молодой художник.

– Вас, кажется, Сальвадор зовут? – на этот раз в голосе Пикассо звучали нотки почтительности. – Извините, у меня плохая память на имена! Вы не могли бы познакомить меня со своими работами, мне было бы крайне интересно.

– Да без проблем, если Вы поможете мне организовать персональную выставку в Париже, там и могли бы увидеть мои лучшие произведения.

Пикассо чуть не сел от такой безграничной наглости молодого испанца, но, бросив пристальный взгляд, он понял состояние Дали и громко расхохотался.

– Хорошо, молодой человек! А почему бы и нет?! Давайте попробуем!

Так они познакомились, став друзьями и соперниками одновременно. Пикассо сразу понял, что Дали – необычный художник, такие неординарные и эксцентричные личности, как юный испанец, ему еще не встречались.

Вскоре в Париже открылась выставка Дали. Поначалу она не привлекла к себе особого внимания, но, когда в журнале «Пари Матч» вышла рецензия признанного гения нового стиля живописи Пикассо, в которой он выразил свое мнение о картинах молодого испанца, публика просто повалила на выставку картин восходящей звезды Испании. Так состоялось первое признание Дали.

Скоро Сальвадора Дали знал уже весь Париж. Каждый причислявший себя к высшему обществу старался посетить



выставку, и Пабло Пикассо не оставалось ничего другого, как продлевать ее уже в который раз. Но, несмотря на первый успех, Сальвадор часто скучал по Гарсие, которого он так коварно бросил. Тогда сердце художника подсказало ему, что нужно идти своим путем, не попадая под влияние других людей. А неистощимый магнетизм Лорки и его непревзойденное обаяние затягивали Дали в глубокую бездонную пропасть, из которой невозможно было вырваться. И Сальвадор решил резко разорвать все отношения и остаться свободным, чтобы творить свои непонятные и загадочные произведения.

Здесь, в Париже, он заводил дружбу не только с художниками, но и с поэтами, к которым относился с большой теплотой, возникшей от воспоминаний прекрасных моментов дружбы с Лоркой. На очередной вечеринке парижской богемы случай свел художника с одним таким поэтом. Дали читал стихотворение своего друга в небольшом кругу.

– О, я знаю эти строки! – возглас одного из слушателей прервал чтение Сальвадора. – Это мой любимый великий испанский поэт Лорка.

Сальвадору польстило, что его друга так высоко ценят в Париже.

– Да, Вы правы, это действительно Лорка, – и он продолжил было читать, как незнакомец подхватил и закончил стихотворение. – Что же, похвально! Вы прекрасно знаете творчество моего друга!

– Вы знакомы с Лоркой?

И начавшийся разговор быстро перерос в оживленную беседу. Незнакомец оказался поэтом, у него была маленькая дочурка и жена. Они много говорили о поэзии, а когда перешли к живописи, поэт стал взахлеб пересказывать Сальвадору свои впечатления от посещения выставки картин Дали.

– Вы смотрели картины этого сумасшедшего Дали? – воскликнул Сальвадор.

– Что Вы, это потрясающие произведения, в них столько таинственности и загадок! – восхищался поэт. – Я долго стоял напротив каждой картины, пытаюсь понять, что хотел сказать всем нам художник.

– И что же Вы там нашли? – лукаво поинтересовался Сальвадор.

– Я до сих пор не могу отойти от их воздействия, они заставляют думать, гадать, рассуждать, и все-таки я до конца не понял смысла всех этих картин, потому и хожу неудовлетворенный. Вы же знаете, как люди любят тайны и стремятся познать загадки, особенно те, что недоступны всем.

– Как Вас зовут? – поинтересовался Дали.

– Поль Элюар! – представился поэт.

– Очень рад знакомству! Сальвадор Дали.

## Глава 9

– А знаете что, Поль, приезжайте ко мне в гости! – неожиданно предложил Дали своему новому другу, когда они встретились на очередной вечеринке. – Я Вам покажу настоящую Каталонию, страну гор, пляжей и моря.

– Но у меня семья и я не могу оставить их одних, – вздохнул Элюар.

– Ну что же, приезжайте с семьей! Места хватит всем! Посмотрите, где творятся мировые шедевры!

– Хорошо, – согласился Поль, – но немного позже, у меня пока много дел. Я обещаю обязательно посетить Ваш чудный уголок Испании.

И Дали уехал в родительский дом, а через несколько месяцев к нему в гости приехал его французский друг со своей женой и трехлетней дочкой. Дали радостно выбежал навстречу выходящему из кареты Полю, и они тепло обнялись.

– Пошли в дом, мой друг!

– Подожди, Сальвадор, я не один. Разреши представить тебе мою супругу!

Из кареты с маленькой девочкой вышла женщина лет тридцати пяти, невероятно ухоженная и одетая по последнему слову моды. Она обладала стройной фигурой, осиной талией и небольшой грудью, однако назвать ее красавицей было трудно: длинный нос и близко посаженные глаза не про-

извели бы впечатления на избалованного ценителя женской красоты. Впрочем, появление этой эффектной дамы повергло Дали в такой глубокий шок, что он едва пришел в себя, услышав слова Поля, которые раздались как во сне:

– Это моя жена Гала, она из России!

«Не может быть, – подумал Дали, – где-то я ее видел, но вот где?!»

– Рад нашему знакомству! – протянул Сальвадор. – Проходите, пожалуйста, в дом! – и Дали галантно проводил своих гостей в их комнату.

Он долго ломал голову, где же мог видеть эту женщину, и вдруг его осенило. В детстве Сальвадору подарили калейдоскоп с рисунком тройки, несущейся по заснеженным русским просторам. В упряжке сидела девушка с темными глазами и смотрела вперед, спасаясь от стаи диких волков. Эти глаза он запомнил на всю жизнь и почему-то все время мечтал именно о них. А вот теперь они явились перед ним. Однако Дали не любил женщин или просто боялся, поэтому и старался сделать все, чтобы произвести на них самое дурное впечатление.

Сальвадор вместе с Полем и его семьей наслаждался атмосферой Испании, гуляя по улицам родного для Дали города, они иногда ездили к морю и часами слонялись по пустынному пляжу. Поль с дочкой бежали к воде и начинали брызгаться и играть, оставляя Дали и Галу вдвоем. Дали становилось неловко наедине с русской дамой, и он спешил на-

тянуть маску самовлюбленного эгоиста.

– Как Вам мои картины? Потрясающие, не правда ли?

– Картины как картины, я не нахожу в них ничего особенного, – равнодушно бросила женщина.

– О, как мне Вас жаль, Вы ничего не понимаете в живописи, хотя Ваш муж и поэт, но Бог обделил Вас тонкостью восприятия мира. Но Вы не расстраивайтесь, все женщины одинаковые. Им не понять художников высокого полета, им подавай портреты, на которых они будут сиять своими накрашенными румянами и изображать из себя неповторимую Мону Лизу, – от страха Дали постарался как можно ядовитее укусить Галу. – А вообще, как Вы меня оцениваете?

Она презрительно окинула его взглядом.

– Я Вам нравлюсь? Не правда ли, я бесподобен?

Гала вновь окинула его своим холодным взглядом и ничего не ответила.

– Я понял, Вы поражены моей красотой и моим гением!

Женщина шла молча. Она смотрела на Дали, который все сильнее вживался в свою роль.

– Да Вы, мадам, никак влюбились в меня, а?!

Женщина хранила молчание.

«Ну что я еще должен сделать, чтобы она упала на колени и призналась мне в любви?» – самонадеянно думал художник.

Где-то вдали у моря его друг весело бегал со своей дочкой. Сальвадор не выдержал:

– Ну скажите, что бы Вы со мной сделали, если бы я разрешил Вам все?

Дали хотел поиздеваться над женой друга, но она не поддавалась на провокации. «Влюбилась, наверное, в меня, поэтому и молчит! – подумал Сальвадор. – Все женщины одинаковые». Но тут Гала остановилась.

– Если бы у меня была возможность, я бы просто Вас убила, – спокойным мягким голосом ответила Гала.

От такого ответа ошарашенный Дали остановился как вкопанный, а дама как ни в чем не бывало продолжала идти вперед. Эта женщина потрясла его до глубины души. «Нет, она просто необыкновенная!» – восхитился художник.

Вскоре Поль с семьей уехал в Париж. Какая-то перемена произошла в душе Дали, суть которой он не мог постигнуть. Не выдержав и двух месяцев, художник помчался во Францию искать новой встречи с той роковой женщиной, которая обещала его убить. «Как она это сказала! – мечтательно вспоминал Дали. – Я бы Вас убила!» И Сальвадор представлял, как эта стройная женщина берет своими холеными, изящными руками, словно выточенными из мрамора древнегреческими скульпторами, его за горло и медленно, спокойно душит. От одного этого ощущения возбуждение дрожью разнеслось по всему телу Дали. «Ах, как я хочу, чтобы она прикоснулась своими руками ко мне и сжимала мне горло! Мне становится трудно дышать, глаза заплывают кровью, а она спокойно смотрит на меня и позволяет умереть

великому дарованию. Весь мир смотрит с замиранием сердца, что будет дальше! Гала сжимает пальцы сильнее и спокойным голосом говорит: «Я убью тебя!»

Сколько раз он проигрывал эту придуманную им сцену и все время оставался в живых, правда каждый раз получая необыкновенное наслаждение от пережитой иллюзии смерти. В Париже Дали часто стал навещать семью поэта и неизменно натыкался на холодный взгляд Галы, который красноречиво говорил: «Я тебя убью!» Такие походы в гости к другу становились все более частыми, и однажды, когда Поля не было дома, Сальвадор опустился на колени перед дамой и тихо попросил: «Выходи за меня замуж!» Женщина, окинув самовлюбленного художника хладнокровным взглядом, процедила сквозь зубы: «Я убью тебя за это!» И они кинулись друг другу в объятия. А утром, после разговора с мужем, Гала отправилась с Сальвадором в его родной дом в Каталонии. Поведение жены потрясло Поля. Она была непреклонна и вверяла ему дочь, к тому же обещала оставаться навсегда его другом, в противном случае он рисковал оказаться в полном одиночестве.

## Глава 10

Гала родилась в российском городе Казань. Ее настоящим именем было Елена – Елена Ивановна Дьякова. Ее мать была творческой личностью и постоянно искала применение своему таланту. В Казани ей наскучило, и она развелась с мужем и перебралась в Москву. В самом большом городе России она развернула кипучую деятельность, выпуская журналы и книги для детей. Мать жила богемной жизнью, а воспитанием ребенка занимался отчим, который очень любил свою приемную дочь. Лена росла в Москве и часто любила рассматривать журналы мод, где ее кумиром стал образ французской модницы Коко. Девочка гуляла по улицам Москвы и понимала, что этот город не для нее, слишком старомодным и отсталым казался он для возвышенной души юной Аленки. Она мечтала всегда одеваться по последнему писку моды, следить за собой в шикарных салонах и будоражить внимание окружающих. А разве можно было развернуться в Москве, в этом хоть и большом, но провинциальном и отсталом от передовых столиц Европы городе?! Но пришла беда. Девочка стала часто как-то странно глубоко кашлять, а однажды, проснувшись утром, обнаружила кровь на подушке. Вызванный врач диагностировал, что у подростка чахотка, или, проще говоря, туберкулез. Жизнь в Москве с такой болезнью вела к неминуемой смерти. Мать была вся в заботах



и не придавала особого значения заболеванию, а вот отчим страшно расстроился и решил отправить любимую Леночку в специальную клинику в Швейцарии, где передовые методы лечения и чистый горный воздух сотворили чудо. Елена избавилась от смертельной болезни после нескольких лет лечения.

В один из летних вечеров в Швейцарии она познакомилась с французским поэтом Полем Элюаром и быстро его покорила. Он пал к ее ногам с большим букетом цветов. Возвращаться на родину Елене не хотелось, да к тому же в России начались смутные времена. Она возвышалась над Полем, стоявшим перед ней на коленях и просившим ее руки: «О, Поль, это так неожиданно! Я даже не знаю, что ответить». Но для себя она уже решила, что Париж – ее заветная мечта и она должна непременно сбыться. Еще несколько месяцев русская девушка изводила поэта, пока в один из прекрасных вечеров не снизошла до принятия решения. Ее согласие прозвучало настолько снисходительно, что оно было воспринято Полем как самый большой и ценный подарок в его жизни. И теперь он благоволил своей будущей жене и был на седьмом небе от счастья.

Покорять Париж Елена решила с именем Гала, в честь древнего названия Франции – Галлия. Прежнее русское имя ее прилично раздражало. Мечта русской девочки начинала сбываться. Она старалась быть лучшей в этой признанной культурной столице мира. Мечтала о всемирной славе, бо-

гатстве и роскоши, о том, как стать самой красивой и желанной, но вскоре поняла, что Поль не может дать ей всего этого. И когда она увидела Сальвадора Дали, то ощутила силу таланта этого молодого испанца. Она увидела все его слабости, страхи и переживания. Перед ней стоял не самовлюбленный статный молодой человек, а беспомощный маленький мальчик в треуголке и с игрушечной саблей в руке, возомнивший себя Наполеоном. Именно в этот момент Гала поняла, как из этого маленького Наполеончика вырастить величайшего полководца, который вскоре покорит весь мир и принесет ей славу, богатство и власть.

# Глава 11

Победоносное наступление на мир началось сразу же после их приезда в дом отца Сальвадора. Первым делом Гала решительно взялась за уборку хлама и мусора из головы гениального художника. У Сальвадора осталось очень много теплых воспоминаний о Лорке. И вскоре картины, которым позировал известный поэт и конкурент Галы, оказались на задворках творчества художника, а из памяти аккуратно, но систематически вытеснялись все воспоминания о друге и тех временах, когда они были вместе.

Со временем предприимчивая дама, которая была на одиннадцать лет старше Дали и в вопросах любви имела большой опыт, обратила внимание на то, что ее новый возлюбленный избегает интимной близости. Поразмыслив немного, Гала решила не спешить ложиться с ним в постель. Пока она еще не понимала, чего боялся Дали, но ее чутье обязательно подскажет, как решить этот сложный ребус. «Может быть, у Сальвадора был негативный опыт с женщинами и теперь он боится опозориться перед ней? – мудрая женщина догадалась, что интимная связь может стать опасной миной, которая при малейшей оплошности рванет так, что разнесет на маленькие осколки все ее мечты. – Нет, нет, я пойду другим путем!»

Гала утром вбегала в комнату художника:

– Ну что, мой гений, сегодня некогда нежиться! Нам надо спешить!

Она стягивала с него одеяло и обливала холодной водой. Сальвадор кричал как сумасшедший:

– Помогите! Убивают! – и, пытаясь отнять одеяло, мчался за Галой.

Она стремительно неслась в другую сторону, и вот великий художник загнал в угол хищницу, покусившуюся на одеяло. Еще миг – и с ней будет покончено, а одеяло торжественно перейдет в его руки. Но Гала уклонилась от охотника и ускользнула из западни. Дали дико вскрикнул: «Ах ты! Я сейчас тебя поймаю!» – и устремился за дамой, подтягивая на ходу свои широкие пижамные штаны. Казалось, еще немного и хищница будет повержена славным охотником, но добыча опять ускользала и одеяло вылетало в окно.

– Что ты наделала? Ах ты несчастная! – вскрикивал Дали, театрально хватаясь за сердце. И в этот момент он набрасывался на Галу, обнимая и целуя ее. Ну что, мой хищник, попалась?! – и они весело смеялись над своей забавной охотой.

– О, мой повелитель, сегодня тебе нужно одеться как можно лучше. Мы отправляемся в Париж!

– В Париж?! Я, конечно, люблю этот город, но что нам там делать?

– Мой повелитель, король ждет Вас в Париже! – и они опять весело засмеялись.

После завтрака пара отправилась в столицу Франции.

– А правда, что мы будем делать в Париже? – художник был заинтригован.

– Как что?! Нас ждет король!

– Послушай, моя дорогая, во Франции уже много лет нет короля.

– О, мой обожаемый Сальвадор, мы идем к королям бизнеса, будем предлагать им свои картины.

– Мои картины? – Дали замер. – Мы будем их продавать?

– Нет, ни в коем случае! Мой повелитель, мы будем их милостиво уступать за небольшую сумму.

– Ты хочешь продать мои картины? – Дали погрузнел.

– Мой повелитель, мы не продадим твои картины, мы сделаем их бессмертными! Поверь, милый Сальвадор, – и она нежно обняла растерявшегося художника.

В Париже они поселились у друзей на окраине города и вскоре совершили несколько визитов в дома богатых парижан. Галя решительно входила в кабинеты воротил бизнеса и безапелляционно заявляла:

– Господин Желуа! Перед Вами самый известный художник мира, его произведения являются национальным достоянием Испании.

В этот момент Дали изображал могучего покровителя ценностей испанского королевства, подперев тело руками и направив целеустремленный взгляд в один из углов комнаты. Его небольшие усы так же стремительно поднимались вверх, а глаза округлялись, придавая художнику необычайный ко-

лорит и подчеркивая, что это не кто иной, как сам Сальвадор Дали, которого в Париже кроме богемы особо еще никто не знал. Но яркая внешность Дали, его напыщенный вид и, главное, усы производили на богачей неизгладимое впечатление.

– Мы любим Францию и, желая выразить ей свое почтение, только из уважения к Вам предлагаем Вам купить вот эту картину, – и Гала показывала полотно. – Это не просто картина и будущее украшение Вашего интерьера, это выгодное вложение в Ваш бизнес, ровно через год она будет стоить в два раза дороже, и только зная Вас, я уговорила великого художника уступить ее Вам за скромную цену, надеясь, что в Вашем лице вся Франция получит бесценный подарок.

Ошалевший от такой сцены богач бросал взгляд то на Галу, то на Дали, не понимая, как себя вести. Но слова о вложении денег в картины производили ожидаемое действие.

– И сколько Вы хотите? – поинтересовался крупный промышленник.

– Всего полмиллиона франков!

– Полмиллиона? – от удивления хозяин кабинета даже присвистнул.

– Вы считаете, это много? – подняв брови, бросила ему Гала.

– Я... я не знаю. Но полмиллиона – это гигантская сумма! – запинаясь, начал было промышленник.

– Ну что же, Вы, я вижу, плохой бизнесмен, ровно через

год эта картина будет стоить миллион франков! Вот увидите! Американцы нам предлагали больше, но мы хотим сделать подарок Франции.

– А, опять американцы, они скупают во Франции все картины, а потом перепродают у себя в Америке втридорога.

– Ну что же, господин Женуа, я думала, что имею дело с солидным человеком, который умеет ценить большое искусство и грамотно вкладывать свои средства. Но, видимо, я ошиблась, – и Гала решительно устремилась к двери, а Дали, не понимая, как ему вести себя дальше, все стоял в творческой позе защитника искусства своей страны.

– Но постойте, мадам! Дайте мне еще раз посмотреть на картину!

Гала снова развернула полотно перед богачом, он хотел потрогать его рукой.

– Вы что! Это достояние нельзя трогать руками! Таких картин в мире больше нет!

Господин Женуа еще раз посмотрел на картину.

– Но я ничего не понимаю в ней!

– А Вам и не надо! – решительно заявила Гала. – Пусть Ваши гости ломают голову, завидуя, какой у Вас глубокий ум, раз Вы смогли понять эту картину и приобрести ее.

Картина действительно манила своей таинственностью и загадочностью. Промышленник про себя подумал: «А что, мои конкуренты долго не смогут разгадать эту загадку, наверное, стоит ее купить, пятьсот тысяч франков, конечно,

деньги большие, но этим полотном я смогу утереть нос многим».

– Хорошо, мадам, я согласен.

Гала со слезами на глазах передала драгоценную картину промышленнику, провожая ее тяжелым грустным взглядом, как будто прощалась с самой большой ценностью в своей жизни, и быстро забрала чек на пятьсот тысяч франков.

Покинув кабинет богача, она устремила по новому адресу, в дом банкира, в уме уже прикидывая, не слишком ли дешево она уступила картину. Из Парижа они возвращались с пятью миллионами франков и могли позволить себе купить приличный домик на берегу моря. Но сейчас нужно было браться за работу.



## Глава 12

– Сальвадор, ты сможешь нарисовать меня на фоне моря, – она прекрасно знала, как Дали любил море.

Они приезжали на пустынный пляж. Гала сбрасывала с себя одежду, и Дали начинал рисовать ее, ему нравились ее небольшие выпуклые груди, тонкая изящная талия, красивые руки, шея, большие ягодицы. Все это возбуждало художника, он закрывал глаза и представлял свою возлюбленную в своем мире. Мазок, еще мазок – и рождались новые, совершенно непредсказуемые полотна, в которых Дали рассказывал и о себе, и о своей жизни, и о скрытых желаниях, и о затаенных в глубине души страхах. Выбрасывая на холст накопившуюся кипящую энергию, своих призраков, демонов и дьявольские страсти, Дали очищал свое замутненное сознание для нового прорыва в своей живописи. Ничто не должно быть загнано в примитивные формы, все должно быть глубже и загадочней. Ведь перед ним предстала не просто женщина, а огромная душа, которую и следовало запечатлеть на картине.

Дали делал наброски Галы, потом они шли домой и, поужинав, расходились по своим комнатам, а ночью в воспаленном подсознании художника рождалась картина, как будто кто-то тихо, незаметно подсказывал идею будущего произведения. Уже утром он вскакивал раньше всех и несся к

мольберту, чтобы нанести те самые важные мазки, которые определяют бессмертное будущее картины.

Проходило несколько недель. Дали страшно мучился, ища решение своей новой картины. Гала сидела на берегу моря, терпеливо позируя художнику, прекрасно понимая, что в этот момент нельзя прерывать творческий процесс. Сальвадор смотрел на любимую женщину, восхищаясь линиями ее тела, кисть искала нужную линию. Художник закрывал глаза и вновь искал необходимый образ. Гала терпеливо ждала, ноги сильно затекали и ныли от однообразной позы, но она не позволяла себе шевельнуться, чтобы не спугнуть музу, которая летала где-то рядом с художником. Холодный ветер с моря совсем заморозил ее, но она знала, что именно в этот момент из маленького Наполеона вырастает величественный полководец, который вскоре покорит весь мир.

После долгих мучений Дали, наконец, показывал Гале свою картину. Нахмутив брови, она долго стояла напротив полотна. Первым делом возлюбленная Дали хотела оценить свою привлекательность, но, к ее большому изумлению, изображение представало в несколько другом ракурсе.

– Эээ, это я?

– Конечно, любимая! – Дали восхищенно посмотрел на нее. Гала долго не могла разгадать предназначение самой себя в этом шедевре, но для себя уяснила, что надо бы очень аккуратно объяснить Сальвадору, чтобы создавал более понятные картины, если уж ей непонятно, то что же говорить

о других.

Самые прекрасные и одновременно самые худшие моменты в жизни Дали возникали, когда он заканчивал работу над картиной. После нанесения финального мазка на очередной шедевр радостный Сальвадор кричал:

– Гала, я закончил картину! Посмотри! Как ты ее оцениваешь?!

Женщина подходила и долго смотрела на завершённое произведение. Она поначалу мало что понимала в его искусстве, но картины Дали поражали своей необычностью. После долгого стояния перед новым шедевром Гала восклицала:

– О, мой дорогой, это потрясающая картина! У меня нет слов, чтобы описать ее!

И у нее действительно не было слов, чтобы объяснить смысл картины, которую художник превратил в сплошную головоломку, решая которую любой здравомыслящий человек просто заходил в тупик. Но с ее губ в адрес Дали слетала вдохновенная симфония восхваления:

– Мой великий Дали, ты опять поднялся на новую высоту в совершенствовании живописи! Эта картина потрясет всех!

Но когда тяжелая работа заканчивалась, к Дали приходили незваные гости – невыносимая пустота и дикая депрессия, и снова начинался мучительный поиск новых идей, тот самый великий поиск, который совершают художники и поэты, композиторы и писатели, ищущие вдохновение для нового произведения, способного затмить все то, что они со-

здали до этого.

А пока душа Сальвадора скиталась в поисках оазиса вдохновения, Галя не теряла времени даром. Втайне от Дали она встречалась с критиками ведущих испанских изданий, которые под ее диктовку сочиняли рецензии на новые произведения великого маэстро сюрреализма, вкладывая в них глубокий таинственный смысл. Оценив очередной отзыв критика, Галя выписывала чек, и вскоре самые крупные газеты Испании и даже Франции трубили о великом, непостижимом творчестве Сальвадора Дали. Читатели газет чувствовали себя опаздывающими за передовым искусством и в сердцах восклицали: «Я не видел картин Дали! Боже, какой стыд! Как я отстал! Все культурные люди Франции восхищаются этими произведениями, а я?!» Какой-нибудь житель Испании, причисляющий себя к среднему классу и претендующий на культурное преимущество над другими, вздыхал: «Надо познакомиться с его картинами!» И поток людей в Испании и Франции устремлялся в картинные галереи или, на худой конец, в магазины, где продавали копии произведений Дали. Ажиотаж вокруг художника Сальвадора Дали неуклонно рос, и некогда маленький Наполеон возвышался на глазах, превращаясь в знаковую фигуру в мире искусства. Не только художники и поэты, музыканты и писатели, но и аристократия проявляла к нему неподдельный интерес. И за всем этим незаметной тенью стояла Галя, внимательно наблюдая, как продвигается их с Сальвадором совместный

проект под брендом «Дали».

## Глава 13

Часто глубокой ночью после завершения очередной картины с угнетающей пустотой в душе Сальвадор Дали бродил по дому, заходил в мастерскую, что-то там перебирал, выходил во двор, надеясь найти хоть какую-то зацепку для новых идей. Раздавленный, он засыпал под утро, когда просыпалась Гала и начинала убирать за своим гением все то величественное, что он оставлял после себя. Она собирала кисти, раскладывала по полочкам разбросанные краски и всякие безделушки, протирала везде пыль, создавала уют и чистоту. «Должно быть, мой Наполеон потерял свое войско и не может начать наступление, – думала она. – Надо срочно произвести призыв в армию». И она напрягала в себе все предпринимательские жилки, чтобы вдохновить своего Сальвадора.

Гала любила ходить по антикварным лавкам и находить там какие-то необыкновенные вещи, будь то старый комод необычной формы, загадочная шкатулка или какая-нибудь статуэтка. Все это приносилось в дом и размещалось там, где художник мог увидеть. Проснувшись, Дали в мрачном, неудовлетворенном настроении выходил утром из своей комнаты с помятым лицом и отвисшими усами и что-то бормотал себе под нос, как вдруг наткнулся на необыкновенный комод с множеством выдвижных ящичков. Он замирал, долго смотрел на новую вещь, обходил ее с разных сто-

рон и радостно восклицал:

– Гала! Гала! Беги скорей сюда! У меня возникла идея!

Этот комод! Посмотри на него!

Женщина прибежала в комнату.

– Что, мой дорогой?

– Посмотри на эту уникальную вещь!

Гала делала вид, что сильно удивлена.

– Откуда эта старая рухлядь появилась здесь?

– Это не рухлядь! Это настоящее произведение искусства! – и образ нового шедевра зарождался в воображении Дали. Через некоторое время Сальвадор ходил гордый по дому, а его усы торчали, как антенны, все говорило об одном: Наполеон готовился к новому сражению и собирал всю свою творческую фантазию, чтобы опять покорить всех своей загадочностью и неподражаемостью. Гала хитро улыбалась, оценивая состояние Дали по кончикам его усов – высокоподнятые, они говорили о том, что великий полководец начал свое наступление и его нельзя тревожить, муза кружилась вокруг Сальвадора, и любая оплошность могла спугнуть эту капризную даму.

Он опять уходил в свою мастерскую и перетаскивал туда старомодный комод, который непонятно как попал в его дом. Дали экспериментировал с комодом, придумывая, как упаковать его в новую форму, он опять бродил по дому, выходил на улицу и в задумчивости придумывал новую загадку для мира, обставляя ее своими тайными символами, по-

нютными только ему самому. Муза летала где-то рядом и тихо шептала на ухо художнику: «Не держи в себе свои страхи и боли, выкинь их из себя. Тебя беспокоят темные мысли? Зачем ты держишь их в себе? У тебя есть затаенная надежда, которую ты хранишь в себе! Зачем? Воплощай ее. Ты можешь довериться мне». Дали возмутился: «Как я могу доверить свои тайны всем?» А муза тихо продолжала шептать: «Тебе не надо рассказывать всем о своей боли, просто намекни, преподнеси ее в виде загадки. Что любят больше всего люди? Они тянутся к тайнам, мистике и скрытым замыслам, непонятным большинству». Муза порхала вокруг, призывая Дали к открытию его сокровенных мыслей, запрятанных в глубине души. Темные демоны периодически выползали из тайных пещер души и делали жизнь Дали невыносимой. Но муза просила только об одном: «Отпусти их на свободу, пусть они беспокоят кого угодно, но только не тебя. А этот комод пока убери, мы его используем позже». Муза еще что-то нашептывала художнику на ухо, но у Дали уже возник план: «Я им всем покажу!» Его усы зашевелились, и муза устремилась к ним в ожидании нового чуда.



## Глава 14

– Гала, дорогая, ты мне нужна! Сегодня едем на пляж!

– Зачем, дорогой?

– Мы будем создавать потрясающую картину! Ты будешь моей музой и предстанешь в главной роли в самом великом моем произведении! – его глаза горели, а на кончик уса села маленькая серебристая мушка. – Вот она, моя муза! – воскликнул Дали, и муха улетела. – Мы едем к морю! Там мы создадим нечто вызывающее и потрясающее!

– Но... – хотела возразить Гала. Она хотела сказать, что уже октябрь и на море прохладно, но вовремя опомнилась. – Да, мой великий повелитель, я готова сидеть на песке столько, сколько ты скажешь.

Утром они уже мчались на пустынный пляж. Гала села на прохладный песок, ей стало очень холодно, но она заставила себя терпеть неудобства.

– Дорогая, сядь, пожалуйста, на колени и смотри вперед. Нет, подними голову чуть выше. Распусти волосы. Представь, что перед тобой висит персик, который ты хочешь съесть. Хорошо! Вот так!

Он любовался ее точеным телом, красивой шеей и тонкими изящными руками. «Какая она красивая!» – восхищался Дали. Он наносил мазки на холст, стараясь уловить каждую линию тела своей возлюбленной. Гала мерзла, но художник

не замечал этого. Он был погружен в свой особый мир представлений – черный демон выползал из души и постепенно вырисовывался в тайных знаках картины. Женщину стало трясти от холода, но она терпеливо переносила все трудности, прекрасно понимая, что творится в душе у Дали. Художник резким движением кисти наносил очередной мазок краски на холст, передавая ему все свои чувства из самых затаенных уголков его огромной души. Мазок, еще один, и вот уже облики новой картины стали проступать на полотне. Дали отошел на два шага назад и закрыл глаза: «То, что меня больше всего пугает в самом себе, стоит показать всем в виде загадки».

Он вспомнил свое детство. В его памяти надолго запечатлелся тот поздний вечер в детстве, когда он болел и, почти выздоровев, решил немного прогуляться по дому. Все спали, и только свет из комнаты отца лился тонким ручейком. Дали вспомнил, как он шел по коридору и со страхом заглянул к отцу в комнату. Это была запретная зона. Никто не имел права входить в рабочий кабинет отца. Но тайное всегда притягивало маленького Сальваторе, и он, преодолев ужасный страх, вошел туда. Вот он берет со стола книгу. Смотрит яркие картинки и ужасается. Эти картинки остались у него в памяти на всю жизнь, посеяв страх и темные предчувствия, которые не покидали его никогда. Он опять открыл глаза, картинка из книги просилась на холст. «Нет, об этом нельзя говорить!» – мысленно рассуждал Дали. Но опять появи-

лась муза: «Сальвадор, не бойся, ведь из любой своей слабости можно сделать спектакль, смеясь над тем, что осуждают другие». Она нашептывала на ухо, и рука художника волей-неволей наносила очередные мазки на холст.

Дали опять отошел назад. Гала вся тряслась от холода, и только сейчас Сальвадор заметил, что его любимая замерзла. Он быстро подбежал к ней с пледом в руках.

– Моя дорогая, ты замерзла! Оденься! – он обнял ее и стал страстно целовать руки, тело, волосы и лицо.

Они приезжали на этот пляж еще много раз, и Гала продолжала позировать, терпеливо перенося все тяготы работы моделью – часами сидела в одной позе, нельзя было пошевелиться, часто хотелось выпить горячего чая или съесть чего-нибудь, но любое нарушение тишины и гармонии могло спугнуть капризную музу.

И вот наконец Дали привел Галу в свою мастерскую и попросил ее закрыть глаза.

– Ты готова, мое сокровище, увидеть картину?!

– Конечно, мой дорогой гений! Но прежде скажи: как ты ее назвал?

– Как, как... – Дали придал лицу загадочный вид, его усы шевельнулись, и он улыбнулся. – «Великий мастурбатор»!

– «Великий мастурбатор»? – Гала от удивления открыла глаза и посмотрела ему прямо в лицо. В ее взгляде читалось смущение, непонимание и даже отвращение.

– Тебя раздражает название картины?! – поинтересовался

Дали.

Ошеломленная Гала понемногу приходила в себя.

– Не-ет, что ты, но, знаешь, это немного необычное название.

– Оно тебя смущает?

– Если честно, то да!

Его усы вздернулись вверх, и он безудержно расхохотался. И ее вдруг осенило, что смеется он над самим собой.

– Ты провокатор! – широко улыбаясь, заметила Гала. – До тебя пока еще никто не осмелился об этом говорить!

– Но ты еще не видела картины! – и Дали стянул накидку с холста. На пустынном берегу лицом вниз, уткнувшись носом в песок лежала огромная голова. На ротовой части сидела огромная отвратительная саранча. Было видно, что лицо искривлено диким страхом перед этим мерзким насекомым. По брюху саранчи ползали муравьи и лезли в рот головы.

– Фуу! – испуганно отпрянула Гала, поначалу не поняв, какое отвращение все это вызывало у Дали.

Рядом с головой стояли ноги, изображенные по пояс. Из головы прорастала прекрасная девушка, она выходила из затылка почти по плечо. Ее красивое лицо тянулось вверх, а грудь украшала белоснежная, потрясающей красоты калла – символ чистоты и неземной любви. Внутри цветка находился большой пестик. Девушка тянулась к ногам, туда, где, едва прикрытые прозрачной накидкой, были видны гениталии мужчины. Женщина страстно тянулась к ним. И в этот мо-

мент по ногам мужчины текла кровь.

Гала жадно разглядывала картину, одновременно испытывая и чудовищное отвращение, и дикое любопытство. «Боже мой, мой великий Наполеон! Как ему тяжело. Он жаждет ее, мечтает о ней, любит ее и в то же время боится. Чего он боится? – думала Гала, рассматривая картину. – Какая ужасная эта саранча, просто отвратительная». Женщину чуть не стошнило, когда она представила, что эта мерзкая тварь лезет к ней в рот. Фуууу! Ее всю перекосило от одного представления такой ситуации. Но в то же время картина как магнит притягивала ее.

– Ты самый настоящий провокатор! До такого еще никто не додумался. Надо же, и меня изобразил в своеобразном ракурсе, – хотя в душе она понимала, как Дали точно подметил ее сексуальную ненасытность. – Но я получилась здесь ничего, – добавила Гала. На полотне она сначала не поняла двух вещей: что обозначают муравьи, хотя по картине ясно, что это не самые лучшие существа для художника, и второе – почему по ногам мужчины течет кровь? И тут она обратила внимание, откуда течет кровь. Вот теперь смысл картины стал ей понятен. Девушка тянется к гениталиям мужчины, и в это время начинает течь кровь – символ кастрации! Вот откуда страшная саранча, которая вызывает отвращение к интимности. Вот чего боится мужчина. Это его главный страх. Муравьи – это символ гниения. Мужчина желает интимности, но избегает ее, потому что боится заболеть страш-

ной болезнью, вызываемой интимной близостью. Теперь Гала знала, как нужно вести себя с Сальвадором Дали.

Через три недели Гала по очереди беседовала с ведущими критиками в уютных ресторанчиках Барселоны и долго с восхищением рассказывала про новые шедевры своего любимого.

– Таких картин больше нет в мире, это сложная головоломка, свойственная гениальным людям. Вы готовы рассказать про тайны художника?

Критик сидел за столом и смотрел на литографию картины. Он то сопел, то кряхтел, лицо его покраснело от напряжения мысли, но было явно видно, что тайны Дали ему не по зубам. По лицу газетчика Гала поняла, что он испытывает двойкие чувства: и отвращение, и восхищение, но стало ясно, что он сильно заинтригован.

– А знаете что, сеньор?! – решила она вдруг немножко поиздеваться над собеседником. – Попробуйте ее описать сами и дайте возможность своим читателям разгадать тайну, которую несет новый гений живописи.

– Интересно! – промычал критик. Было видно, что он уже слегка вспотел. – Я обязательно размещу эту картину в своей газете.

## Глава 15

Через несколько дней Гала отправилась в Париж. Вместе с Дали они ехали в поезде, любуясь приморскими красотами Каталонии, жизнерадостно-зелеными простирающимися вдаль лугами и изумрудными лесами Прованса, старинными замками в долине реки Лауры и уютными, добрыми и почти игрушечными домиками Иль-де-Франс. А потом за окном появился Париж – главный город мира, средоточие всех передовых культурных течений. Сколько здесь родилось художников, поэтов, таких как Артюр Рембо и Поль Верлен, великие писатели Виктор Гюго, Эмиль Золя, Оноре де Бальзак, Гюстав Флобер, Стендаль, Жорж Санд, Александр Дюма, Анатоль Франс, Проспер Мериме, Симона де Бовуар, Шарль Бодлер и многие другие. А сколько художников подарила Франция миру: Аллори, Ренуар, Моне, Гоген. Все это было огромным достоянием великой страны, которая задавала тон всем новым веяниям в культурной жизни мира. Париж всегда манил к себе людей своими авеню, которые стекались со всех сторон к площадям радиальными линиями, больше похожими на солнечные лучи; архитектурными фасадами зданий, образующими единый стиль всех домов и улиц центра города, прекрасными каштанами, под которыми расположились многочисленные летние веранды огромного количества маленьких кафе и ресторанчиков; множеством

повозок и трамвайчиков, которые перевозили людей из одного района в другой. А чего стоила прогулка по набережным Парижа! Вот Сорбонна величественно засверкала своими большими окнами в отражении Сены, а вот и Собор Парижской Богоматери, так ярко воссозданный в одноименном романе Гюго, а вот и Лувр, где разворачивались трагические события Варфоломеевской ночи, описанной в новеллах Мериме и романах Александра Дюма. Вот Дом инвалидов, сияющий своей позолотой на закате и описанный Эмилем Золя, а вот и те особняки, о которых рассказывал Оноре де Бальзак. Это Париж, про него можно еще многое рассказать. Нет в мире больше такого города, каждая улица, каждый собор и дворец которого были бы столько раз описаны великими писателями и отображены в многочисленных картинах знаменитых художников. Как можно было не любить этот город.

Дали смотрел из окна и мечтательно восхищался Парижем, в то время как на лице его возлюбленной теперь застыло выражение лица, обычно свойственное седобородым торговцам-евреям, без малейшего намека на романтическое сочувствие. Она мчалась на встречу с нужными людьми. В то время как ничего не подозревающий Сальвадор наслаждался выставками и музеями Парижа, его возлюбленная назначала одну деловую встречу за другой. Критики из газет и журналов, ведущие популярных радиостанций – все они жаждали получить заветное интервью испанского новатора живописи после рассказов Галы о новых шедеврах Дали. Она так изящ-



но преподносила своего Наполеона, что главные редакторы понимали: им выпал редкий шанс побеседовать с самим Дали. Одновременно Галя вела переговоры с ведущими галереями Парижа о проведении персональных выставок Сальвадора Дали.

Музей Орсе никогда не мог похвастаться длинными очередями посетителей, но только не в день открытия выставки великого испанца. Охранники у входа долго протирали глаза, не понимая, что происходит: толпа буквально штурмом брала билетные кассы, чтобы увидеть экспозицию. И это была не просто толпа обычных любителей живописи. Здесь были маститые художники, пытавшиеся разгадать смысл нововведений, влиятельные коллекционеры из разных стран мира, заинтригованные громогласной рекламной кампанией, известные репортеры и корреспонденты, охотившиеся за горячей новостью, представители всех уголков Франции, желавшие приобщиться к высокому искусству. Все эти счастливики подолгу простаивали напротив картины «Великий мастурбатор». Покидая выставку, они шли сильно озадаченные страшным, чудовищным полотном, от которого не могли оторвать взгляд. А дома страстно обсуждали картину со своими друзьями и знакомыми, осознавая только одно: это провокация, но вот как ответить на брошенный всему обществу вызов, неизвестно, как непонятно значение и самой картины.

Ошеломляющий успех картины «Великий мастурбатор»

вознес Сальвадора Дали на новую ступень олимпа.

## Глава 16

В то время как Гала вела подготовительную работу к выставкам, а ее возлюбленный прогуливался по музеям, женщины буквально объявили охоту на Дали. Увидев желанного художника, прохаживающегося по набережной Сены, прекрасная молодая пассия начинала свою атаку.

– О, Вы Сальвадор Дали! Для меня большая честь познакомиться с Вами!

Но Наполеон не был бы Наполеоном, если бы позволял себе быть застигнутым врасплох.

– Для меня тоже!

– Для Вас большая честь быть знакомым со мной?! – восторженно изумлялась женщина.

– О нет! – поправлял он ее. – Честь быть знакомым с самим собой!

И вот уже первая атака отбита, и дама начинала теряться, пыталась сменить тему.

– Какие у Вас замечательные усы!

– О да! – невозмутимо продолжал художник.

– А как Вам удастся так заворачивать кончики усов вверх?

– О, это не проблема, я люблю мыть финики перед едой и этой водой смачиваю пальцы и потом накручиваю усы.

– О, как бесподобно! – начинала женщина, но Дали ее пе-

ребивал, начиная свою контратаку:

– В воде много сахара, который твердеет при застывании.

Усы приобретают жесткую форму.

– Как это оригинально! – заверещала было дама.

– Но сахар любят мухи, и они с большим удовольствием садятся ко мне на усы.

– Фу! Какая гадость! – дама кривила лицо в омерзении.

– Что вы, мадам, понимаете в насекомых? Это к Вам подлетают толстые жирные мухи с желтым грязным брюхом, которые наелись всякой гнили. У них грязные лапы, которыми они ходили по всяким нечистотам. – От этих слов даму передергивало, и казалось, что ее вот-вот стошнит. – А ко мне прилетают небольшие стройные мушки с серебристым брюшком, которые еще недавно сидели на теплых камнях и ярких цветах, – невинно продолжал Дали. – Мои мушки прилетают ко мне с испанского побережья, неся свежесть моря и вдохновение.

– Мухи?! Какая гадость!

– О, мадам, Вы совсем не разбираетесь в мухах! Очень жаль! Значит, не понимаете ничего и в искусстве! До свидания, моя дорогая.

Победный горн в контратаке Дали, и ошарашенная хищница, не понимающая, как себя вести: обижаться или просто посмеяться, оставалась смотреть вслед удаляющемуся чудакватому художнику.

## Глава 17

С крайне неприятными чувствами Дали возвращался в номер с очередного посещения картинной галереи своих конкурентов. Он который день внимательно изучал шедевры мировой живописи начиная с семнадцатого века по настоящее время. Картины Клода Моне произвели на Дали сильное впечатление: «Какая у него манера письма, сколько оттенков и полутонов он применил в той картине! Как тонко передал момент заката! Казалось, еще немного – и вокруг стемнеет, картина поблекнет, а потом потемнеет! Но нет! Полотно светилось прелестью заходящего солнца! Как только ему удалось поймать этот момент перехода природы из одного состояния в другое?! Какая изумительная техника передачи состояния природы! Как ловко он изобразил легкую дымку тумана! Все было каким-то сказочным и воздушным, возникло ощущение, что легкое дуновение ветра унесет весь пейзаж в далекую даль, оставив на месте картины пустой проем в золоченой рамке!»

Темные давящие мысли напоздали на Дали, и в этот момент он ненавидел себя. «Какие мастера живописи! Как тонко они чувствуют окружающий мир, как подмечают малые детали, которыми передают всю неповторимость этого мира. И тут я со своим кубизмом, а теперь и сюрреализмом!» Его картины большинству людей были малопонятны. Он яв-

но проигрывал великим художникам и в известности, и в авторитете. Но главное – те картины стоили намного дороже его самых лучших произведений. «Ну хорошо, друзья, я все равно стану великим и завалю весь этот мир своими произведениями, разгадывая которые все сломают свой мозг». Опустошенный и униженный, он уже поднимался по лестнице в номер, как вдруг раздался голос Галы:

– Где ты ходишь, дорогой? Нас ждут на «Радио Франц Интернациональ», через два часа мы должны быть в отеле «Ритц», где с нами встречается корреспондент «Монд», затем встреча с журналистами «Либерасьон», и я еще договорилась о твоём интервью американцам из газеты «Нью-Йорк таймс».

– Моя дорогая, я так устал... – простонал поникший Наполеон.

– Мой милый друг, мы успеем еще отдохнуть, но сегодня должны покорить эту прекрасную страну и подняться выше Эйфелевой башни.

Первым было радио. На входе их встретил выпускающий редактор.

– Добрый день, господин Дали! Наслышан, наслышан о Вас!

Усы художника вздернулись вверх. От раздавленного Дали не осталось и следа. С величественным и напыщенным видом, походкой победителя он направился в студию. Гала проследовала за ним. Со стороны казалось, что за величе-

ственным королем следует паж, который несет горностаевую мантию наместника Бога на земле. Ведущий включил микрофон и начал:

– Итак, дорогие радиослушатели, сегодня в нашей студии присутствует один из самых прогрессивных художников Испании Сальвадор Дали!

Усы художника шевельнулись, и он со свойственной ему величественностью короля перебил ведущего:

– Я не просто художник!

Ведущий чуть было не выронил микрофон.

– Извините, а кто же Вы?

– В нашем мире много хороших и известных художников, и мы ими всеми гордимся, но я другой – я единственный в этом мире. Посмотрите на мои картины! И если Вы сможете сравнить их с другими полотнами, то я готов бесплатно нарисовать Ваш портрет, который через несколько лет будет стоить целое состояние, – усы Дали еще сильнее вздернулись, его было просто невозможно остановить. – Передать то, что мы видим, может любой художник, который умеет держать кисть в руках, но раскрыть свои переживания – удел самых гениальных людей. У каждого человека есть свои секреты, тайны и загадки. Я дарю людям не просто живопись и картины, а загадываю загадки, которые они должны разгадывать! Как Вы думаете, – обратился он к ведущему, – что обозначают картины «Время» или «Великий мастурбатор»?

Радиоведущий смутился, про мастурбацию он никак не

хотел говорить в своей передаче, но Дали было трудно остановиться.

– Каждый человек, проживая свою жизнь, сталкивается с различными проблемами. Время в нашем представлении – это нечто однозначное и плоское: в часе столько-то минут, в минуте – шестьдесят секунд. Но мы можем сидеть и ждать, когда почтальон принесет нам письмо, и тогда время растягивается в долгую тягучую смолу, из которой так трудно вырваться. И мы мечтаем, когда же пройдут эти проклятые минуты, часы и дни. В этот момент мы утрачиваем ощущение ценности времени, а оно, как сыр на солнце, растекается и уходит в песок, не принося нам никакого удовольствия и не оставляя после себя никаких воспоминаний. Или наоборот, вы встретили любимую женщину, обнимаете ее, целуете и не замечаете, как пулей пролетает время, и вот уже утро, и надо расставаться, ваше время истекло и ушло, тоже безвозвратно и навсегда. Время не имеет формы, оно полностью зависит только от нас. Но каждый миг нашей жизни поедает время, и под его бременем потихонечку угасает энергия, которую пожирают муравьи, делая нас все слабее и слабее, забирая все лучшее из нас.

Ведущий пытался понять, о чем говорит Дали, но художник так быстро перепрыгивал с одной темы на другую, что ему оставалось только терпеливо слушать и пытаться уловить смысл слов приглашенного гостя.

– Все, что мы видим, – это лишь отражение образов в на-



шем мозге, на самом деле все не так, как мы видим.

Тут ведущий пришел в себя.

– Извините, а что же мы должны видеть?

– Мы не должны видеть! Мы должны чувствовать! – сердито перебил его Дали. – Я пишу свои картины другим, шестым чувством. В этом мое величие, больше никто не может видеть мир таким образом. Если не верите, приходите на мою выставку и убедитесь сами, – он резко вскочил и, не попрощавшись, ринулся к выходу. Гала как настоящий паж бросилась за ним.

Они побывали в отеле «Ритц», поговорили со многими журналистами и провели много других важных встреч, о которых Гала предварительно договорилась. К вечеру уставший художник взмолился:

– Гала, милая, я хочу есть! Я не ел уже почти шесть часов. Ты хочешь, чтобы мир потерял единственного гения и оставил всех без тайн и загадок?

– Хорошо, мой дорогой! Но только одно интервью американцам, и мы свободны!

– Ох уж эта Америка, она добьет меня, – и он театрально схватился за сердце, но думал в это время больше о голодном желудке, который звал великого полководца на привал. Однако поход еще был не завершен, и измотанный Наполеон двинул свое войско дальше, теперь уже покорять Америку.

## Глава 18

Утром Дали встал с тяжелой головой, он сильно устал и хотел только одного – уехать в родную Испанию и умереть у берега теплого моря в тени олеандров, наслаждаясь их запахами и яркими цветами, ибо любимая Каталония была для него раем на этой земле.

Заказав билеты на поезд, они собрались ехать на вокзал, как вдруг Дали неожиданно воскликнул:

– Моя любимая, как же я мог забыть?! Нужно заехать к твоему мужу!

– К Полю?!

– Конечно! Я так виноват перед ним.

И не спрашивая никого, он поймал на улице такси. Сидя на заднем сиденье, Гала сильно нервничала, лихорадочно перебирая в уме, что еще мог выкинуть ее великий провокатор. Не успела машина остановиться у дома поэта, как Дали, словно молодой юноша, взметнулся по лестнице на третий этаж и постучал в дверь. Удивленный и озадаченный Поль стоял на пороге.

– О мой друг, я пришел к тебе! – с этими словами Дали тепло обнял поэта и горячо расцеловал его в обе щеки под ревностным взглядом Галы, которая наблюдала за происходящим с лестницы снизу. – Мой друг, я страшно виноват перед тобой. Я подло и вероломно похитил у тебя самый дра-

гоценный изумруд и понимаю, как много боли принес тебе. Я каюсь, – и он встал на колени перед поэтом.

Тот от смущения не знал, что делать, а Дали обнял Поля за ноги и, рыдая навзрыд, стал вымаливать прощение. Поэт наклонился, чтобы поднять друга с колен, но Сальвадор в один момент уже стоял на ногах. Он вновь обнял друга.

– Я вор, подлый вор, и нет мне прощения, но я хочу хоть чуточку загладить свою вину перед тобой, – и он достал из большого саквояжа картину. – Мой друг, это ничто по сравнению с тем, что я украл у тебя, но я хочу подарить тебе твой портрет, в который я вложил все свое уважение и всю свою любовь к тебе, – и он горячо поцеловал Поля.

Потрясенный Элюар все еще стоял в прихожей, а Дали уже неся по лестнице вниз, спеша на новую встречу, еле поспевая за ним, бежала Гала. Элюар очень аккуратно поставил свой портрет на стол, сделал несколько шагов назад и взглянул на полотно, написанное с большой любовью его лучшим другом, который забрал у него главное сокровище. Но в глубине души Поль осознавал, что эта русская женщина все равно бы ушла от него в поисках красивой жизни, которую он бы никогда не смог ей дать.

## Глава 19

Поезд возвращал влюбленную пару в пока еще спокойную Испанию, в прекрасную страну, не подозревающую о будущих кровавых потрясениях. Счастливая пара беззаботно смотрела в окно, наслаждаясь пейзажами Франции.

Гала делала все, чтобы Сальвадор забыл старые теплые воспоминания о своих друзьях, и художник послушно повиновался своей возлюбленной, так постепенно все картины, не связанные с ней, оказались в дальнем запаснике. Дали оказался в своеобразной пустыне, где единственным оазисом была Гала. Но что бы она ни делала, ей не удавалось стереть из памяти Дали воспоминания о Гарсии Лорке, и друзья тайно переписывались. Поэт рассказывал, как посещал большие города Америки: Нью-Йорк, Чикаго, Даллас, Лос-Анджелес. В письмах Лорка скромно умалчивал, что везде его встречали толпы почитателей и поклонников. Девушки мечтали об этом голубоглазом испанце, который всех поражал своими глубокими всепоглощающими глазами и стихами, трогающими людей до самой глубины души. Дали, в свою очередь, делился с другом своими планами и мечтами и всегда тепло вспоминал те дни, когда они были вместе, как самую лучшую пору яркой и светлой юности. Лорка читал письма, как правило находясь в номере какого-нибудь отеля, и очень часто его глаза становились влажными от нахлынув-

ших воспоминаний. Иной раз он порывался вернуться в родную Испанию, но в последний момент осознавал, что старому уже не вернешь и надо жить тем, что жизнь дает сейчас.

Однажды отец с нахмуренным выражением лица пригласил Сальвадора в свой кабинет.

– Послушай меня, – резко начал отец, – что делает в нашем доме эта женщина?

– Это моя будущая жена! – с вызовом бросил ему художник.

– Ты что, смеешься? Какая она тебе жена? Она замужем, у нее есть ребенок, и ты смеешь с ней жить?! Это страшный грех! Ты забыл, что ты католик?! – отец начинал заводитьсь. – Ты посмотри, она старше тебя больше, чем на десять лет!

– Ну и что? Это мое дело, с кем жить и кого любить! – парировал Сальвадор.

– Самостоятельным, значит, стал? Посмотри на себя! Кто ты? Клоун! Что ты умеешь делать? Только мазюкать и переводить краски! Послушай, что про тебя говорят люди! Тебя все принимают за чудака. Посмотри, что за усы ты отрастил, больше на лупоглазого таракана похож!

– Хватит! Ты на себя посмотри! Всю жизнь просидел в своей конторе. И что ты видел в жизни?! Даже мать не сберег, своей грубостью и равнодушием убил ее.

От этих слов Дали-старший буквально взревел:

– Что? Сопляк! Вон отсюда! Чтобы я тебя больше здесь не

видел с твоей шлюхой! Посмотри на нее, она только и делает, что пожирает глазами всех мужиков вокруг, а ты просто слюняй, которым можно легко управлять.

– Не смей обижать Галу!

Но старика было не остановить:

– Она еще наставит тебе столько рогов, что тебе придется сто усов таких накручивать на своей бездарной физиономии! Ты что, не видишь, как ее плоть тоскует по страсти? Вся так горит, что каждый мужик чувствует это за сто метров от нее.

– Замолчи! – и Сальвадор замахнулся на отца.

– Что? – побагровел Дали-старший. – Вон отсюда! Вместе со своей подстилкой! Воон! – орал он во всю мощь. – И не возвращайся сюда больше никогда! Никакого наследства ты не получишь и сдохнешь, как последняя собака, на помойке с голоду в диком одиночестве.

Отец весь побагровел, накопившаяся обида на сына и на собственную жизнь вырвалась наружу, снося все на своем пути и убивая то, чем он больше всего дорожил в жизни. Дали, схватив Галу, выскочил из дома и вместе с ней умчался в другой город, оставив в доме отца все свои вещи, но ничто не могло заставить его вернуться.

Как только они сняли номер в гостинице, Дали ушел в отдельную комнату и рухнул на диван. Стычка с отцом причинила ему едкую боль, растеребив старые раны, про которые никто не догадывался. Гала, чувствуя состояние своего возлюбленного, тихо последовала за Сальвадором, села ря-

дом на диване и обняла его так нежно, как заботливая мать прижимает своего маленького мальчика к теплой груди. Он уткнулся в ее грудь, и ему показалось, что он обнимает родную мать, слезы хлынули из его глаз.

Конкурент отец всегда подавлял свободолюбивый дух Наполеона. Шторм эмоций, которые пережил Сальвадор Дали после ссоры, послужил источником вдохновения для создания нового шедевра – «Загадка Вильгельма Телля», своеобразной смеси иронии, провокации и аполитичности. В большой темной комнате перед белым гробиком стоит Ленин, вождь мирового пролетариата, с огромной ягодицей, которую подпирает старый костыль. В руках у Владимира Ильича ребенок, которого он успокаивает прямо перед гробом, тень от длинной кепки накрывает малыша. Прообразом Ленина стал отец Сальвадора: жестокий деспот, который навязывает свое мнение о жизни. Вчерашние друзья – художники-сюрреалисты, занимавшие левые позиции в политике и признававшие великий гений Дали, вмиг обрушились на него с резким осуждением: «Да как он смеет трогать Ленина!» Яростная критика последовала из Франции, Испании, Бельгии, Англии и даже Америки. А лидер Ассоциации сюрреалистов, друг Дали, счел поведение Сальвадора слишком наглым. На очередном заседании решением большинства членов испанского провокатора исключили из рядов ассоциации.

– Гала, ты слышала? Они исключили меня! – и Дали гром-

ко рассмеялся, заливая хохотом весь дом, в котором они теперь жили вместе. – Кто они такие? – весело кричал Сальвадор. – И кто я? Сюрреализм – это я, и пусть запомнят это навсегда! – его усы опять зашевелились.

Узнав, что Поль Элюар дал развод Гале и женился на другой, Дали тут же побежал в муниципалитет и оформил брак со своей возлюбленной.

– Давай по католической традиции повенчаемся в церкви, – предложил Сальвадор с горящими глазами, ему очень хотелось предстать со своей женой перед Богом и получить высшее благословение, поскольку отец был категорически против брака.

– Сальвадор, я не могу, – мягко ответила Гала. – Я все время буду твоей, но, пока жив Поль, я не могу пойти с тобой в церковь. Перед Богом я обручена только с ним.

– Ну что же, подождем, пока освободится место, – и он рассмеялся, обнимая Галу.



## Глава 20

Вскоре Дали вместе с Галой перебрался в Мадрид. В один из вечеров Сальвадор, предоставленный самому себе, бесцельно прогуливался по улицам старинного города, его Гала куда-то исчезла по своим делам, и он решил насладиться архитектурой столицы. Он проходил мимо доски объявлений и ненароком бросил на нее блуждающий взгляд. И тут Дали застыл, увидев афишу, которая призывала провести поэтический вечер с великим поэтом Гарсией Лоркой здесь, в Мадриде. Теплые воспоминания сразу охватили душу Сальвадора, а его трепетное сердце забилось чаще. Его друг здесь, он приехал из Америки обратно в Испанию! Дали нашел адрес, где будет выступать Лорка, и помчался на встречу с другом. Он вбежал в большой зал, где было не протолкнуться, жители Мадрида жаждали увидеть своего кумира после его долгого отсутствия в стране. Сальвадор, не дожидаясь начала вечера, ворвался в примерную комнату, застав своего друга там, он радостно закричал:

– Гарсиа, это ты?!

Поэт застыл в изумлении, перед ним стоял его лучший друг, он не мог поверить глазам.

– Сальвадор! Но как ты меня нашел?

– Я недавно перебрался в Мадрид, шел по городу и увидел объявление о твоём поэтическом вечере. И вот я здесь. –

Они крепко обнялись. – Гарсиа, мой дорогой Гарсиа! Как я соскучился по тебе! Дай я посмотрю на тебя! – Дали то отходил от друга, разглядывая его со всех сторон, то опять крепко обнимал. – Как ты? – Лорка молчал. – Гарсиа, ты, наверное, обиделся на меня, что я тогда так сбежал от тебя?!

– Брось, мой друг! Ты же знаешь, как я тебя люблю!

Поэт продолжал молчать, а по его щекам потекли слезы.

– Послушай, а давай сбежим отсюда и проведем этот вечер вместе! – глаза Дали заблестели. – Побежали, мой друг! – и Сальвадор потащил своего друга за руку к служебному выходу.

– Постой, но там же мои почитатели! – опомнился поэт.

– К черту всех! Мой друг, быть может, это последняя наша встреча! Давай проведем ее так же весело и бесшабашно, как в юности! – и пришедший в себя Лорка бросился прочь из зала, в который стремились все любители поэзии Мадрида.

Друзья сидели в ресторане, весело разговаривали и смеялись, а их глаза ярко светились.

– Куда ты теперь, Гарсиа?

– Поеду на родину в Гранаду.

– Ты едешь в Андалузию?! – в голосе Дали прозвучала тревога. – Может, не стоит ехать туда сейчас? В стране беспокойно. Ты же видишь, что сейчас происходит. Коммунисты пришли к власти, и в провинции опасно.

– Ничего со мной не случится, Сальвадор! Ты же знаешь, я поддерживаю новую власть! Она принесет свободу народу.

– Не знаю, не знаю... – задумчиво произнес Дали.

Они долго еще гуляли по ночному городу, рассказывая друг другу о своем творчестве и мечтах, к которым они так стремились. Утром при расставании Дали взглянул своему другу в глаза и вдруг ясно увидел смерть. Он внезапно осознал, что видит своего лучшего друга в последний раз, ему отчаянно захотелось крикнуть: «Постой! Останься! Не надо туда ехать!», но Дали почему-то этого не сделал. С тяжелым сердцем он вернулся в отель, пытаясь прогнать страшные мысли. В номере его ждала Гала.

– Где ты был, дорогой?

– Прощался с другом, – с болью в душе произнес Дали.

Поняв его состояние, она сразу решила сменить тему:

– А ты знаешь, мой великий император, что мы едем в Англию?

– Зачем?

– В Лондоне состоится твоя выставка, я договорилась! Мы выставляем там тридцать твоих работ.

– Когда ты все успеваешь, моя Гала? – Дали нежно поцеловал жену.

– Завтра мы едем в Лондон! – тихо сказала она, мягко освобождаясь из его объятий. Они отправились покорять Лондон.

## Глава 21

В Испании на всеобщих выборах с небольшим преимуществом победил блок левых. Страна раскололась на два лагеря, и в результате такое равновесие сил привело к бунту против левого правительства. Одним из руководителей восстания стал генерал Франко, и первой вспыхнула Андалузия. Мятежники запустили в большие города, где были сильны позиции коммунистов, отряды вооруженных марокканских берберов, самых воинствующих и беспощадных воинов Сахары. Неожиданно врываясь в города Андалузии, они истребляли всех, кто поддерживал новую власть. Их жестокости не было предела, они не жалели никого, ни мужчин, ни женщин, стариков и детей. Кровь потекла по мостовым старинных испанских городов. Рабочие и крестьяне пытались сопротивляться, но силы были не равны. Андалузия оказалась в руках генерала Франко.

В это время в Лондоне с успехом проходила выставка Дали. Толпы людей осаждали галерею, где были представлены картины испанского художника. Сальвадор пришел на открытие выставки в водолажном скафандре, желая придать ей особую пикантность.

– Дорогие господа, я приветствую вас из глубин своего подсознания! – и он стал изображать глубинного водолаза, который только что всплыл из самой темной бездны. Все ста-

ли аплодировать. Дали был в восторге от своей шутки. Он прошелся среди собравшихся гостей и попытался снять с головы скафандр, но что-то заело и большой металлический шар никак не хотел сниматься. Дышать в скафандре становилось все тяжелее. От нехватки воздуха глаза художника стали наливаться кровью и выпучиваться, он судорожно метался, ища своих помощников. В это время публика в восторге аплодировала.

– Посмотрите, как он натурально играет, ведь почти по-настоящему задыхается.

Дали сильнее охватила паника. Он стал махать руками и прыгать, привлекая к себе внимание помощников. Народ вопил от восторга: «Вот это да! Такого мы еще нигде не видели!» Художник упал, предсмертные судороги начали сводить все его тело. А гости падали от смеха, наблюдая столь эпатажную выходку Дали. Он лежал в своем скафандре на полу и крутился от нестерпимой боли. «Вот это художник! Посмотрите, как он натурально изображает смерть». И вдруг один из наблюдавших издали за всем этим помощников, поняв в чем дело, ринулся к Дали, расталкивая ликовавшую толпу. На ходу он выхватил нож и ловким движением вспорол водолазный костюм. Хватая ртом спасительный воздух, с выпученными от пережитого ужаса глазами, которые стали в два раза больше, маэстро сюрреализма с большим трудом вылезал из скафандра. Публика обступила его со всех сторон, громко аплодируя и восхищаясь его актерским ма-

стерством. Фотографы ведущих газет кружили вокруг Дали, снимая его со всех ракурсов. Вскоре передовые английские средства массовой информации, смакуя все детали, рассказывали не столько о выставке, сколько об актерском мастерстве и неординарной выходке известного испанского художника. Из без того популярная выставка на следующий день собрала столько посетителей, что яблоку негде было упасть. В номере Гала пыталась успокоить мужа, все еще пребывающего в возбужденном состоянии.

– Сальвадор, мой милый, но все же обошлось.

Дали прижался к теплой груди жены, он то успокаивался, то опять вскакивал.

– Гала, ведь я мог умереть! Я чуть не задохнулся! Еще чуть-чуть – и меня можно было использовать вместо экспоната! – он опять мысленно вспоминал тот ужасный момент, и мурашки пробегали по коже.

Следующим утром крупнейшая радиостанция мира Би-би-си пригласила Сальвадора Дали для интервью. Он сидел в студии и накручивал усы, когда ведущий эфира объявил:

– У нас в гостях крупнейший представитель сюрреализма, нового течения в современной живописи, известный испанский художник... – диктор хотел продолжить дальше, но в эфире слушатели неожиданно услышали другой прилично возмущенный голос, явно отличающийся от голоса ведущего:

– Да что Вы говорите! Что Вы себе позволяете?! Извест-

ный испанский... Я Дали! И не просто художник и испанец. Я человек мира! И не просто человек, а лучший в этом мире художник!

Образовалась весьма длинная пауза. Можно было подумать, что в студии все сразу умерли. Немного придя в себя от оцепенения, ведущий попытался продолжить:

– Итак, эээ у нас в гостях эээ известный эээ... – Дали решительно взглянул на своего собеседника, и тот, несколько запинаясь, сказал: – У нас в гостях известный эээ, нет, пожалуй, лучший современный художник Сальвадор Дали. – И он обратился к Дали: – Вы вчера пришли на выставку своих картин в скафандре водолаза. Что это обозначало?

– Это не просто картинки, которые висят на стене, – художник покрутил свои усы, – это загадки для самых изысканных умов. Все картины имеют свой глубокий смысл, который я черпаю в безднах собственного подсознания. Все эти тайны я, как глубоководный водолаз, ищу там. Мне нравится создавать не просто произведения, а загадки, которые способны решить только творческие и неординарные люди.

– Bravo, мастер! – зааплодировал ведущий. – Вы еще к тому же прекрасный актер: так естественно вчера изобразили гибель водолаза, что все в это поверили!

– О да! – ответил Дали на этот раз без лишних комментариев.

## Глава 22

Новости из Испании приходили страшные. Войска генерала Франко сконцентрировались на юге страны и готовы были броситься на север, чтобы разгромить коммунистов и всех, кто их поддерживал. Все замерли в ожидании финала страшных событий, которые стремительно разворачивались в Испании. «Милая моя Испания, что тебя ждет?» – сокрушался Дали. Из Англии он хотел возвратиться в Барселону, но этот город стал оплотом марксистов.

По пути во Францию ему встречались многочисленные отряды добровольцев, направлявшихся для поддержки испанских республиканцев, готовых до последней капли крови воевать за свои идеалы. У Пиренейских гор он остановил машину и долго смотрел в сторону родины, его сердце обливалось кровью. Рука потянулась за мольбертом и кистями, и он начал писать невероятно пронзительную картину «Предчувствие гражданской войны». Гала сидела в машине и старалась не тревожить своего гения.

Великий художник стоял перед чистым холстом и смотрел в горы, где-то там расстилается его прекрасная страна. Боль пронзила его грудь: «Испания, Испания, что с тобой случилось? Почему испанец пошел на испанца? Брат убивает брата, заливая кровью их общую землю». Он закрыл глаза, неприятные видения вышли из его подсознания, рисуя



страшный кошмар, который начинался в Испании. В его воображении появилось огромное небо, которое хмурилось в преддверии страшной бури, кругом расстилалась скалистая пустыня как символ опустошения прекрасной земли. Дали увидел родную Испанию поделенной на две части. Одно тело, разрываемое противоречиями. Здесь уже не было лиц. Одна голова, сделанная из камня, и решительное лицо, которое готово ко всему, даже погибнуть, но не уступить. От головы идет шея и две ноги. Они наступают на собственное тело, которое лежит внизу на каменистой земле. Мощная рука железной хваткой вцепилась в одну из ног. Она готова раздавить часть своего же тела. Мощная рука впивается в кость, разламывая ее своими железными пальцами. Другая рука уже оторвала часть ноги и бросила останки на камни. Страшную картину завершали вареные бобы, которые были разбросаны на земле. Где-то внизу стоял маленький домик, символизирующий небольшие городки его страны. Дали смотрел на картину и видел, как прекрасный образ благородного испанца разваливается и вместо него появляются мутанты. Две части одной страны, готовые с особой злобой и ненавистью уничтожить сами себя.

Он отошел от картины. Все тело тряслось от страшной боли, которая не отпускала его еще долгое время. Прекрасная страна, потрясающая Испания, родина Сервантеса и Веласкеса, разрывается на части, превращаясь в страшных монстров, готовых рвать и пожирать друг друга, уничтожая в

первую очередь Испанию. Его усы опустились, а боль продолжала разрывать его сердце на части.

## Глава 23

Трагическое сообщение об убийстве в Гранаде великого испанского поэта Федерико Гарсии Лорки застало Дали уже в Париже. Невосполнимая боль утраты накатила на Дали. Он подолгу простаивал у окна и смотрел невидящим взглядом вдаль... Где-то там, в горах Сьерра-Невада, в каком-то овраге лежит бездыханное тело Лорки. «Эх, мой друг, почему ты меня не послушал? – комок боли, подкативший к горлу, перекрыл ему дыхание. – Я знал, что больше не увижу его. Почему я не остановил его? Почему? Я мог это сделать! Мог спасти его. Но я его отпустил. Я ведь знал, что он умрет. Я видел смерть в его глазах». Его душа рвалась на части, казалось, еще чуть-чуть – и монстр с картины «Предчувствие гражданской войны» материализуется в этом мире. Страшные руки рвали и ломали все на своем пути, уничтожая самых лучших людей Испании. Дали, стоя у окна, уже рыдал, не в силах сдерживать эмоции, которые, чтобы облегчить душу художника, рвались наружу, как злые собаки.

Позже генерал Франко заявил: поэт Лорка погиб от рук крестьян, которым коммунисты выдали оружие, они ненавидят всех культурных и успешных людей и поэтому уничтожают их. «Это ложь, – сразу заявил Дали, – мой друг был человеком левых убеждений, сторонником республиканцев». Позже выяснилось, что военизированные бригады фаланги-

стов генерала Франко устроили террор против мирного населения в Андалузии. Они два раза врывались в дом родителей Лорки. Друзья поэта предупредили его, и он спрятался в доме своего друга, тоже поэта Рамона Луиса Алонсо. Он верил ему и был спокоен, надо было переждать всего несколько дней, а затем пробиваться на север к своим. Но рано утром в дом ворвались фалангисты, они перевернули все вверх дном и на чердаке сарая в стог сена нашли Лорку.

– Ну что, голубчик, попался! А ну иди сюда! – они схватили его за волосы и поволокли вниз. – Федерико Гарсиа Лорка?

– Да, – со страхом еле слышно пробормотал поэт.

– Вы арестованы!

– За что?

– Пойдем, там тебе все объяснят!

Великий испанский поэт, прославивший свою страну на весь мир, шел в сопровождении пяти вооруженных фалангистов. Горная дорога пролегала вдоль величественных скал, сосны весело шумели своими зелеными иголками, приветствуя лучшего из испанцев, своего земляка, гордясь тем, что они растут на той же земле, на которой вырос и он. Солнце сияло, согревая испуганного Лорку своим теплом, а ветер тихо шептал: «Не бойся ничего, мы с тобой. Ты наша гордость, достояние страны, и с тобой никто не посмеет ничего сделать». Пожелтевшая трава приветствовала поэта, который столько раз прославлял родную землю во всем мире.

Дорога подошла к оврагу.

– Стоять, – раздался голос фалангиста.

Лорка остановился, он смотрел в голубое небо своими большими глазами, в которых сейчас тонуло все бесконечное небо, так любившее его. Пять дул винтовок смотрели на него.

– Прощай, моя бедная Испания, которую я так любил! Прощай, солнце, которое всегда дарило моей стране тепло, прощай, Андалузия!

Он хотел сказать что-то еще, но залпы выстрелов остановили его последнюю речь, пули пробивали его грудь, разрывая свободолюбивое сердце на мелкие клочки.

Картина Дали зашевелилась, страшные пальцы на рисунке вонзились в кость, что-то сильно хрустнуло, содрогнулось. Где-то в тени заплакала иволга.

Прорытые временем лабиринты исчезли – пустыня осталась. Неумное сердце, источник желаний, иссякло – пустыня осталась. Закатное марево и поцелуи пропали – пустыня осталась. Умолкло, заглохло, остыло, иссякло, исчезло – пустыня осталась.

## Глава 24

Уже неделю Дали никого не хотел видеть, заперся в своей мастерской. Гала, понимая, что не в силах ничем помочь мужу, терпеливо ждала, когда боль вытечет из него сама. Сальвадор сидел в одиночестве, лицо его осунулось, он уже несколько дней не ел, душа его горела. И в этот момент к нему незаметно подкралась на цыпочках муза, она легким касание руки закрыла ему глаза. Сальвадор увидел ранний рассвет. Ночь не ушла, а день еще не вступил в свои права. Появилась кромка голубого неба как предвестник света, но темная ночь еще не сдает свои позиции в этом пограничном временном промежутке. В ожидании будущего вся земля начинает приобретать красный оттенок, но еще находится в черном отблеске от уходящего ночного сумрака. Появляется темный жираф, пылающий огнем.

– Что это?! – Дали вскакивает.

– Не волнуйся, – тихо шепчет ему муза, – ты слышишь тайные позывы твоего подсознания. Твой страх вырывается наружу. И темный монстр выходит из твоей души. Он стоит в виде жирафа и горит огнем.

– Но как жираф может гореть? – возмутился Дали.

– Это же не настоящий жираф – это твое воображение, твои мысли, твое настроение, – тихо продолжает шептать муза. – Твой демон начинает понемногу загораться. Это не

огонь – это ненависть, злость и агрессия, которые постепенно накапливаются в каждом из нас. Еще немного – и все это вырвется наружу, и тогда жираф вспыхнет всепоглощающим огнем. Монстр еще не вырос, осталось совсем немного, и он взлетит до неба и вспыхнет таким пламенем, что сожжет все вокруг. Теперь представь, что перед тобой стоит дама с изящной фигурой, тонкая и чувствительная натура, она красива и привлекательна. Но что происходит? Посмотри!

На темно-голубом фоне появилась женщина с очень красивой фигурой...

– Что это? – испугался Дали.

Но муза была спокойна.

– У нее нет лица, его сорвали. Посмотри, позади тоже стоит женщина, в руках у нее кусок мяса. Это лицо первой дамы. С нее сорвали кожу, и с головы, и с рук, и теперь она без лица с окровавленными руками ищет свою дорогу.

Посмотри, дамы не могут самостоятельно стоять на ногах, сзади много подпорок. Что это значит?! – муза тихо прошептала: – Это нетерпимость, самовлюбленность и эгоизм, которые ослепляют нас и превращают в послушных и слабых людей. Все это подпитывает наших дьяволов, и, вымещая свою озлобленность на других, мы вскармливаем жирафа. Еще немного, и он понесется в новый день, жестоким огнем сжигая людей заживо.

По коже Дали пробежали мурашки. Он прекрасно представил себе эту картину: жирафа, женщин и панораму вре-

мени между ночью и днем.

– Гала! Моя Гала! Иди ко мне! Надевай это платье. Мы будем писать новую картину.



## Глава 25

Почти вся Испания пылала в огне, пали Валенсия, Мадрид, осталась только мятежная Каталония, которая еще сопротивлялась Франко, однако силы республиканцев таяли. И вот последний марш интернациональных бригад по центральным улицам Барселоны. Они прощались с Испанией, покидая ее навсегда. Самые горячие сердца со всего мира по призыву совести, бросив свои семьи, работу, учебу, отправились воевать в Испанию на стороне республиканцев, многие из них положили свои головы за свободу этой прекрасной страны, про которую они узнали из книг и картин. Последний парад героев-романтиков, готовых пожертвовать собой за чужую свободу. Вся Барселона вышла провожать их. Многие плакали, понимая, как страшно терять те завоевания республиканцев, которые дали таким трудом. Вместе с интернационалистами уходили миллионы испанцев, спасаясь от жестокости Франко.

Дали жил в Париже и видел, какое огромное количество беженцев прибыло в город. Среди них было много его друзей и знакомых. Он часто останавливал земляков:

– Ну как там в Испании?

– Как, как, нет больше той Испании, которую мы знали.

Есть только насилие и жестокость.

Дали пытался объяснить, что скоро все успокоится и их

страна вновь станет прежней.

– Нет, прежней она уже никогда не станет! – и люди уезжали в поисках новой родины.

Через некоторое время немцы начали войну. Перепуганная Гала прибежала к Дали.

– Сальвадор, дорогой, надо уезжать! Война скоро придет сюда! Я это чувствую и знаю! Пока не поздно, поедem в Америку!

Дали понимал, как его жена права. Он бежал из любимой Испании, теперь вынужден покинуть дорогую его сердцу Францию. Предусмотрительная супруга уже успела купить билеты на теплоход, отправляющийся утром в новый мир в поисках другой жизни.

## Глава 26

Впереди транспортно-пассажирского судна, следовавшего из Испании, замаячили очертания далекого города, огромные небоскребы больше напоминали силуэты плоских гор. Первые лучи солнца отражались в больших окнах величественных зданий, и город вырастал на глазах у изумленных пассажиров, уже успевших высыпаться на палубу. Теплоход подходил к Нью-Йорку, проплывая рядом со знаменитой статуей Свободы, подаренной когда-то Америке правительством Франции. В то время как судно медленно причаливало, скопившиеся на палубе пассажиры с изумлением рассматривали панораму большого города, поражаясь той разнице с Европой, которая сразу бросалась в глаза. Казалось, все жили на одной планете, но насколько иначе все здесь выглядело. В Европе шла война, а здесь жизнь была ключом. Там под бомбами немецких самолетов горели города и деревни, а здесь веселые и беззаботные люди ходили в рестораны, кафе и театры. Там кровь, страдание, голод и смерть, а тут беззаботная мирная жизнь, которую Европа не смогла уберечь и теперь погружалась в руины, ожидая самого худшего, что приходилось ей переживать за всю свою многовековую историю.

– Вот, мой дорогой, мы и в Америке! – вздохнула Гала, по виду которой нельзя было определить, радовалась она или

сожалела.

– Да... – с тоской посмотрел на новую родину художник, сильно переживая, что пришлось покинуть любимую Францию. Там, в Париже, все было другим: дома, улицы, сама атмосфера взывала к духу творчества. А что его ждало здесь, в этой чужой стране? С грустью по прошлому и со страхом перед будущим Дали смотрел на Нью-Йорк.

– Все придется начинать с нуля! – пробормотал художник.

– Не волнуйся, мой дорогой! Мы не пропадем, твой талант изменит эту страну, и ты обогатишь ее своими способностями и своей гениальностью. Вот увидишь, мы покорим Америку, – ободряюще заметила Гала.

Через час они уже ехали на такси в гостиницу. Потрясенный Дали гулял по оживленным улицам Нью-Йорка, закидывая голову, чтобы увидеть вершины огромных небоскребов. Множество людей на Таймс-сквере и бесконечный поток автомобилей спешили по своим делам. Жизнь здесь кипела и зажигала всех своей энергией, затягивая в бурный поток. «Ну что же, Америка, к тебе приехал великий гений, который покорит тебя вновь, как когда-то Христофор Колумб! Но знай, что я не буду таким глупцом, как твой первооткрыватель и мой земляк! Великий мореплаватель умер в нищете! Подумать только! – обращался мысленно сразу ко всей Америке Дали. – Я тоже испанец и тоже покорю тебя, Америка. Но умирать в неизвестности и голоде – не мое призвание».

Окидывая оценочным взглядом дорогие витрины магазинов, фасады крупных банков, центральные входы величественных музеев и театров, Сальвадор Дали понимал: здесь он может развернуться! И не откладывая в долгий ящик, они с Галой начали восхождение на очередной Олимп. Дали организовал много выставок в городах Соединенных Штатов Америки, но они не принесли ему того успеха, который был у него в Европе.

– Какие они черствые и грубые и не могут понять глубоких мыслей, – возмущался художник.

– Мой дорогой, им нужно время, чтобы понять тебя! – успокаивала его жена. – А давай попробуем удивить Америку не картинами, а более практичными вещами.

– Как это? – усы Дали зашевелились.

– Здесь есть большой спрос на дизайнеров. Ты великий художник и можешь все изменить в мире дизайна!

– Но я не знаю, с чего начать.

– Мы вчера с тобой гуляли по Манхэттену, и я обратила внимание на объявление, что требуется оформитель витрины в одном из дорогих магазинов. Он находится в деловой части города, и я думаю, стоит начать с этого, конечно, это не твой масштаб, но пусть это будет первый шаг к покорению Америки.

Дали покрутил усы.

– А что, давай рискнем!

Утром Гала куда-то убежала, пока художник нежился в

теплой мягкой постели. Уже днем она тащила его в магазин показывать его будущий объект творчества. Это был очень дорогой бутик с громадной витриной. Хозяин магазина, мужчина пятидесяти лет, с большой гордостью рассказывал про свое заведение:

– Это один из самых дорогих бутиков Америки. Здесь бывают звезды театра, кино, известные музыканты и певцы, к нам заходят самые состоятельные жители города. Но в последнее время популярность магазина стала падать, конкуренты начали оттягивать клиентов к себе. Попробуйте оформить витрину так, чтобы привлечь новых клиентов и вернуть старых.

– Нет проблем! – ответил Дали и прошагал по витрине, разглядывая объект своего предстоящего творчества. – Через пару дней Вы не узнаете свой магазин.

И художник принялся за новую деятельность по оформлению витрины магазина. «Глупец! Он даже не знает, кто будет оформлять ему витрину! Здесь будет музей! Вся Америка будет приходить сюда и восхищаться моим произведением!» – Дали закрыл глаза и представил толпы людей, осаждающих витрину и жаждущих хоть чуть-чуть прикоснуться к магии его творчества. Он работал как одержимый, не покладая рук, придумывая своим изощренным умом такое, чего еще никто не видел.

Через несколько дней Сальвадор Дали стоял вместе с хозяином бутика перед витриной.

– Ну что, Вы готовы увидеть новое произведение искусства?

Мужчина кивнул в знак согласия. Сальвадор махнул рабочим, и они сняли занавеску. Их взору предстали две композиции.

– Что это? – удивленно спросил хозяин бутика.

– Это день в ванной! – торжественным голосом заявил Дали.

Витрина была обтянута черным каракулем, посередине стояла большая белая ванна, а в ней плавал голый манекен с ярким макияжем и странным париком на голове. Мужчина долго старался понять, в чем тут смысл, но ему ничто не приходило в голову. Хозяин только недавно узнал, что его витрину оформляет известный художник. Он боялся выглядеть малообразованным, поэтому постарался придать своему лицу умный вид. Обойдя витрину несколько раз, он с глубокой задумчивостью проговорил:

– Даааа! В этом что-то есть!

– Вы еще говорите, что в этом что-то есть?! – поразился Дали. – Да это мое самое выдающееся творение!

Мужчина несколько озадаченно посмотрел опять на витрину.

– Ну да, это действительно шедевр! – хотя в душе вообще никак не мог понять, что хотел передать художник этой ванной и странным манекеном с непонятным париком.

Вторая витрина просто обескуражила хозяина магазина.

Он открыл рот от удивления и не мог вообще ничего сказать. В его глубоком коммерческом уме боролись два настолько противоречивых чувства, что он оказался не в состоянии вообще понять, о чем говорить и как оценивать увиденное. Дали стоял рядом, его усы шевелились, и он торжественно объявил:

– Мой самый большой шедевр! И принадлежит он только Вам!

Коммерсант на некоторое время полностью потерял дар речи. В центре витрины стояла кровать, на которой лежал такой же манекен под черным дорогим атласным покрывалом, а во рту он держал окровавленного голубя.

– Что это? – еле промычал хозяин магазина.

– Это ночь! – Дали встал в позу великого полководца, как бы наблюдая с высоты за передвижением своих войск.

На лице мужчины выразилось отвращение, он хотел было сказать: «Фу ты!», но вовремя опомнился. Все-таки это было творение великого художника. «Наверное, я совсем не разбираюсь в искусстве этих европейцев», – подумал он про себя. Но Европа была авторитетом для американцев, поэтому, преодолевая отвращение, он проговорил:

– Прекрасно! Сколько я Вам должен?

И тут в разговор вмешалась Гала:

– Вы очень тонкий знаток современного искусства. Мой муж – великий художник! Его работы бесценны! – Хозяин магазина заметно занервничал. – В Париже картины Дали



купить невозможно ни за какие деньги. – Мужчина совсем побледнел. – Эти произведения стоят сотни тысяч долларов. – Коммерсант чуть не подскочил, но Гала продолжила мягким голосом: – Учитывая, что Вы истинный ценитель высокого и прогрессивного, я постараюсь уговорить мужа всего на пять тысяч долларов.

Мужчина облегченно выдохнул. Дали продолжал торжественно смотреть на свое творение. Супруги забрали деньги и решили посмотреть, как жители Нью-Йорка оценят новый шедевр. Дали представлял толпы восхищенных почитателей его бессмертного творчества, вздохи восхищения, обмороки женщин от одного того, что они прикоснулись к творениям самого Дали. Они прошлись вдоль улицы, а потом вернулись к магазину и стали наблюдать за реакцией людей. Магазин располагался на пересечении оживленных центральных улиц, и вскоре действительно много людей скопилось у витрины.

– Это успех, – предвкушал Дали. – Теперь вся Америка будет у моих ног! Да, кстати, сколько этот торгош заплатил за мой труд?

– Пять тысяч! – ответила Гала.

– Мы не продешевили? Эта работа стоит гораздо дороже! Эх! Не умею я себя ценить.

Они подошли поближе к витрине и услышали непонятное негодование толпы: «Кто вообще придумал это уродство? Это издевательство над людьми!» Одна из женщин в норко-

вой шубке возмущалась: «Что это за уродский манекен лежит в ванной? Посмотрите! Разве такое можно показывать?» Солидный мужчина в дорогом костюме закипал: «А это что? В кровати лежит какое-то пугало, да еще и пожирает голубя. Какая гадость, меня сейчас стошнит». Толпа шумела и возмущалась все громче и громче. На шум выбежал хозяин магазина, и праведный гнев толпы обрушился на него. «Что Вы себе такое позволяете? Разве можно так издеваться над людьми? Вы что выставили здесь? От этого людям становится плохо, а детям вообще показывать нельзя! Убирайте все к черту! – вопила толпа. – Мы подадим в суд за оскорбление наших чувств и разорим Ваш мерзкий магазинчик».

Хозяин испуганно озирался, бормоча извинения:

– Извините, господа! Сейчас мы все уберем. Просто произошло недоразумение.

Он попытался успокоить толпу, но собравшиеся решительно требовали демонтажа витрины, принижающей их чувство собственного достоинства. И владелец бросился в магазин и сам лично полез на витрину, дабы все убрать.

Глупость неотесанных американцев поразила Дали, наблюдавшего со стороны. Вдруг он заметил, что хозяин магазина пытается разрушить его композицию в витрине. Этого он стерпеть уже не мог и рванул в магазин. Через мгновение Дали стоял перед владельцем, широко расставив ноги и раскинув руки в стороны, и вопил: «Не смей трогать это бессмертное произведение! Ты рушишь не творчество, ты уни-

ваешь меня!» Но было уже поздно, хозяин рвал и метал, проклиная все эти европейские веяния и мировое искусство. Дали попытался его остановить, как вдруг мужчина резко рванул каракулевую обивку и толкнул художника. От сильного толчка Сальвадор Дали отлетел в сторону, споткнулся и упал в ванную. «Ах так!» – вскричал гений сюрреализма и бросился к выходу из магазина, со всей силы оттолкнув в сторону ванну, которая перевернулась и спустя мгновение с грохотом упала на толстое стекло. Тысячами осколков разбитая витрина стала оседать вниз. Буквально через миг громадный кусок стекла рухнул на тротуар.

На улице Дали ждала полиция, которую вызвали сотрудники магазина. Рядом оказался фотокорреспондент газеты «Дейли телеграф». Полицейские взяли художника под руки и проводили в участок, где он провел всю ночь вместе с Галой, которая ждала мужа по другую сторону решетки.

Утром все американские газеты пестрели заголовком: «Великого художника арестовали прямо у витрины, которую он создал». Тысячи зевак ринулись в злополучный магазин, чтобы прихватить на память какой-нибудь оставшийся кусочек витрины. А через несколько часов бутик обступила толпа, требующая восстановить витрину. Прибывающие люди навели такой страх на владельца, что тот опрометью кинулся на поиски Галы и Дали. После принесенных извинений и компенсации в двадцать тысяч долларов витрина была восстановлена гением сюрреализма, а магазин теперь являлся

одной из самых известных достопримечательностей города.

## Глава 27

Дали снова становился большим любимцем ее величества популярности. Он много снимался в рекламе, писал свои книги, был частым гостем на радио и телевидении и даже создал свою дизайнерскую студию. Гала летала на самолете из одного города в другой, договариваясь о выставках картин, подписывая контракты на рекламу и изделия под брендом своего мужа. Америка широко раскрыла перед ним свои объятия, и слава и деньги обрушились на Сальвадора Дали.

Бывало назойливый американец заставлял Сальвадора ужинающим в ресторане. Не веря своим глазам, счастливчик подбегал к столику великого художника: «О, Вы тот самый Дали?! Неужели это Вы?!» Раньше бы Сальвадор в такой ситуации мило кланялся, покручивая усы. Теперь же такое излишнее внимание его просто раздражало, и он равнодушно отвечал:

– О, я тоже Вас знаю! Вы хотите со мной поужинать?

– Да-да! – говорил кто-нибудь из поклонников или поклонниц.

– Кладите на стол пять тысяч долларов, и мы можем продолжить ужин.

Большинство в панике бежало, боясь, что теперь Дали потребует деньги даже за то, чтобы постоять рядом с ним. Но находились и те, кто выкладывал указанную сумму на стол, и

тогда Дали приходилось коротать вечер в компании щедрого незнакомца.

Дали в Америке погрузился в бизнес. Иногда он мысленно возвращался в любимый Париж и вспоминал свою родину, все еще раздираемую последствиями гражданской войны. Францию топтали начищенные до блеска немецкие сапоги, в Европе полыхала война, и только русские еще сопротивлялись диктату Гитлера. Казалось, еще немного – и фашизм победит в Европе навсегда. Эти переживания нестерпимой болью отзывались в душе великого художника, он глубоко осознал, какой ужас сейчас творится везде.

Поздней ночью ему вдруг приснился его любимый рыбацкий поселок в Каталонии, прекрасный уголок Испании: большой песчаный пляж, утопающие в изумрудной зелени берега, красивые белые домики и счастливые лица людей. Но вдруг все вокруг потемнело, темно-красное пятно залило окрестности. Постепенно пятно стало растворяться, и вместо живописных берегов появилась холодная бесконечная пустыня, на голубом небе где-то вдали вспыхивали зарницы бури, бушующей где-то там, в бесконечности, за далеким горизонтом, куда тянулась всепоглощающая пустыня. Людей нигде не было видно. Посреди пустыни вдруг появилось огромное лицо с деформированными чертами, а может быть, это был череп, на котором застыл ужас, в его пустых глазницах зияла темнота. От страха лоб его был наморщен. Лицо в ужасе перекосилось от всего того, что оно наблюда-

ло. Открытый рот пытался кричать и звать на помощь, но искривленные губы давали понять, что уже поздно и смерть настигла человека. В больших глазницах отображались такие же искаженные лица смерти, в их кричащих ртах тоже стоял лик смерти. На лицо со скул ползли черви, желая уничтожить все, что не успела погубить смерть.

В холодном поту художник вскочил посреди ночи и с диким криком позвал Галу. Не прошло и минуты, как заботливая супруга была рядом с ним: «Мой дорогой, что случилось?» Трясущийся и бледный Дали скомандовал: «Принеси мне бумагу и карандаши!» Через месяц самая трагическая картина о войне – «Лицо войны» – была завершена.

Внутри Дали все похолодело, огонь в душе иссяк, опустошенность заполнила весь его внутренний мир, и нужно было время, чтобы жизнь вновь вернулась к нему. Он бесцельно слонялся по дому. Гала предпочитала сидеть на кухне и не показываться на глаза мужу. Она как никто другой прекрасно знала своего Сальвадора, знала, что через некоторое время все будет хорошо, просто сейчас ему необходимо было побыть одному посреди огромной пустыни своего подсознания, очищенного кистью от тайных глубинных ужасов, мешавших жить. Монстр невыносимых терзаний Дали исчез, оставив опустошенность, и уже новые тайны и загадки извилистыми ручейками вползали в уставший мозг, воскрешая нового монстра, через некоторое время готового опять вырваться наружу в виде нового бессмертного произведения.

Дали вдруг вспомнил свой визит в сказочную Италию, родину гениальных художников периода Ренессанса. Он был потрясен этой страной: живописными горами, белыми песками Неаполя, величественными соборами Флоренции. Когда-то дикие племена почти уничтожили Рим, жемчужину мировой культуры, и поселилась тьма на итальянской земле. Все многовековое наследие было разграблено или поругано варварами. И вот когда казалось, что итальянская культура навсегда погребена под пепелищем и мировая цивилизация понесла невосполнимую утрату, наступила новая эпоха расцвета, подарившая миру шедевры, которые возрождали все лучшее, что было в человеке.

Сальвадор Дали ходил по музеям Италии. В картинах бессмертного Леонардо да Винчи он подмечал, как тонко автор передавал лица людей, их взгляды, улыбки, казалось, еще немного, и они заговорят с ним. В Ватикане Сальвадор, подолгу лежа на полу величественного собора, изучал внутреннее убранство купола храма Святого Петра и рассматривал фрески Микеланджело. На потолке был изображен Бог, витающий на облаке. Он только что создал по своему подобию прекрасного юношу, но пока без божественной энергии. И Всевышний тянется к нему, чтобы передать свою энергию и подарить жизнь. Адам тоже тянется к Господу Богу как к своему отцу, еще мгновение – и их руки встретятся, и первый человек начнет свою жизнь. Сальвадор смотрел на фрески часами, пытаясь понять секрет великого художника. Он



старался осознать, как такое вообще возможно было создать: настолько воздушным и чувствительным казалось это произведение. Микеланджело начал создавать свои фрески, будучи здоровым и красивым молодым человеком, а закончил двадцать лет спустя больным, ослепшим и сгорбленным стариком. Такую цену он заплатил за успех.

Дали покинул Италию не в лучшем расположении духа, сравнивая себя с великими итальянскими гениями: Рафаэлем, Тицианом, Микеланджело и Леонардо, он честно признавался себе, что стать таким же знаменитым ему вряд ли удастся. Но проходило время, и он смотрел на все это с юмором: «Ну что же, мои учителя, догнать в мастерстве я вас, конечно, не смогу, но я гений другой живописи. Мой конек – это мой потрясающий ум. Мой гений позволяет достать из глубин моего подсознания такие шедевры, что мастера Возрождения сняли бы передо мной свои шляпы». И уже в приподнятом настроении Дали продолжал шагать по жизни.

## Глава 28

Слава и богатство сыпались на Дали из рога изобилия Америки, многие с нетерпением ждали следующей выходки неординарного художника, жадно выцеживая информацию из СМИ. Вскоре Дали объявил, что каждый желающий может поменять у него один доллар на два. Тысячи людей откликнулись на заманчивое предложение чудаковатого испанского гения и получили свои заветные два доллара, правда, зачем-то пришлось оставить свои фото и отпечаток руки. «Ты слышал? Этот Дали совсем из ума выжил: меняет два доллара на один», – говорил один предприимчивый американец другому, радуясь полученному доллару. Не прошло и несколько недель, как газеты раструбили о выходе книги под названием «Как я был причастен к Великому Сальвадору Дали», в которой были размещены фотографии и отпечатки рук людей, приходивших к художнику с долларом. Тридцать долларов – такова была цена книги, которая стала бестселлером прямо с печатного станка. Сальвадор заработал скромные четверть миллиона долларов, что по тем временам являлось весьма внушительной суммой. Вдохновленный своим успехом, Дали выпустил новую книгу – «Тайная жизнь Сальвадора Дали», черновые рукописи которой он никому не показывал, даже своей любимой супруге. Гала была первой, кто получил печатный экземпляр. Когда она открыла

книгу и стала читать, ее волосы встали дыбом:

– Зачем ты рассказал свои интимные тайны? – негодуяше воскликнула она.

– Тебя это смущает?

– Нет, но зачем посвящать чужих людей в наши отношения и рассказывать про свои не самые лучшие предпочтения?

– Моя Гала, людям нравится копаться в чужом грязном белье, пусть они хорошенечко промоют его в своих пересудах, а мы немного разбогатеем.

– Но можно было хоть меня не вовлекать во все эти пересуды?

– Что ты, моя дорогая, ты – стержень всего этого! Ни у кого нет такой прекрасной жены, которая вышла замуж за девственника.

Настроение Галы оставалось крайне удручающим, и все ненастные тучи и маленькие облачка не рассеялись до того момента, пока ее взору не предстал чек с шестью нулями.

Дали лично презентовал свое издание в одном из больших центральных книжных магазинов Америки и раздавал автографы. Не переваривая заурядные вещи, он разместил рядом со своим столом в магазине кардиограф, который показывал, как билось его сердце при виде читателей, и вместе с книгой и автографом дарил покупателям кусочек своей кардиограммы, толпа просто ломилась в магазин, сметая книги Дали.

В погоне за деньгами он успевал снимать фильмы, гото-

вить декорации для спектаклей, выпускать свою линию различных безделушек. Но картин он писал мало. Все творческое вдохновение растрачивалось на мелочи, приносящие деньги «мистеру доллару», так прозвали его друзья за коммерческие способности. Гала всячески поощряла его предпринимательские идеи, превращавшиеся в одну огромную жилу, которая выжимала деньги из всего, на чем только можно было заработать. Дали богател и уже не стремился совершенствоваться.

– Зачем? Я известен, богат, у меня все есть! – приводил он железные аргументы своей совести.

Но внутренний голос тихо подсказывал: «Сальвадор, очнись! Твое предназначение – не книги и кино, не дизайн и бизнес, ты художник – это твое призвание. Береги его, без картин ты очень скоро сойдешь с пьедестала великого художника».

– Я гений! Я непревзойденный мастер своего дела!

Но внутренний голос тихо, не пытаясь спорить и переубеждать, шептал: «Сальвадор, ты гений, но не распыляй себя! Твое призвание – живопись, следуй своим путем».

Сколько ни пытался Дали запереть свои свободолюбивые мысли в надежную камеру, они все-таки находили ключик от ворот его сознания и преданно стояли на страже его истинного предназначения.

Однажды художника подкосила депрессия, возникшая от осознания бессцельности его долларовой суеты. Он стал ча-

сами бродить по городу и искать путь назад, к земле обетованной внутри себя. Но преданная муза, казалось, покинула художника раз и навсегда. Дали вдруг понял: он изменил себе, и страх, что он больше не сможет писать, охватил его.

Проходили недели, месяц. В диком отчаянии он уже не мог спать ночью. Страдая от своего предательства, он безнадежно смотрел в темное небо с балкона дома. Простояв не один час, Дали хотел было развернуться и пойти спать, но заметил первый пробивающийся легкий лучик восходящего солнца, который сквозь стекло окна впивался в раздетую Галу, спящую на кровати. Она была голая, руки лежали у нее за головой, красивое тело манило к себе своими тонкими чертами и мягкими изгибами, рядом на столе лежал гранат, который кто-то не доел ночью, где-то жужжала пчела. Он подумал о том, что могло бы сниться его Гале, и закрыл глаза, по его телу прошла сильная дрожь. В его воображении возникла будущая картина. Пчела летала над гранатом, желая поживиться вкусным соком красных ягод. Появилось голубое море. Пчела шумела все громче и громче. И вдруг из граната выпрыгивает огромная рыба, которая пытается наброситься на прекрасное тело Галы. Казалось, сейчас она сделает рывок и проглотит красавицу, как внезапно из открытой пасти рыбы выпрыгивают голодные тигры, еще немного – и они разорвут ничего не подозревающую женщину, которая нежится во сне, наслаждаясь последними минутами сна, на куски. Но впереди всех вылетает штык винтовки, он уже

почти прикоснулся к телу Галы. В это время там, на горизонте, идет слон на тонких длинных ногах, символ папской власти, демонстрируя свое полное равнодушие к судьбе прекрасной женщины. Сейчас случится трагедия, если красавица не успеет проснуться.

Очнувшийся Дали стоял над женой и любовался ее телом. Она потягивалась, начиная просыпаться от яркого света, светившего ей в лицо. Художник осторожно сел на кровать и нежно обнял Галу. Она прижалась к его груди, и он долго гладил ее по волосам, наслаждаясь теплотой прекрасного тела. А ожившая муза уже тихо нашептывала: «Ну давай! Начинай! Торопись!»

– Гала, я придумал сюжет новой картины! Это будет что-то потрясающее! Весь мир будет восхищаться твоей красотой.

Она непонимающим взглядом посмотрела на мужа, зевая.

– Ты опять что-то задумал?

– Нет! Я просто хочу показать всему миру, какая ты у меня красивая!

Гале уже было за пятьдесят, но она тщательно следила за собой, стремясь сохранить свой стройный изящный стан.

– Ты хочешь опять выставить меня на всеобщее обсуждение?

– Нет, моя дорогая! Я хочу, чтобы все запомнили твою красоту и спустя много лет по достоинству оценили тебя, – он опять притянул жену к себе и нежно стал осыпать поце-

луями ее волосы, шею и руки. – Ты у меня одна такая красивая и неповторимая! – После принес в комнату мольберт. – Гала, а теперь ложись! Закинь руки за голову! Вот так! – он немного поправил правую ногу. – Хорошо! Закинь голову назад! Представь, что ты спишь и через минуту проснешься! Сейчас у тебя самый сладкий момент сна. – Волосы Галы спускались вниз с кровати. Он еще несколько раз поправил руки жены. – Теперь оставайся в этом положении.

Дали начал творить одну из своих самых знаменитых картин. Женщина лежала на каменном утесе, больше похожем на карту Европы. Она даже не лежала, а парила в воздухе над импровизированной частью Старого Света. Ее точеное тело, осиная талия, прекрасные руки, манящая к себе грудь, красивые ноги пленили взгляд. Дали посмотрел на лицо Галы и бережно повернул его вправо. На картине спала сладким сном красивая молодая девушка, чистая и прекрасная, она отвернулась в сторону, и была видна вся безмятежность ее сна. Художник постарался передать легкость девушки, которой снится сладкий сон. Он быстро сделал набросок граната, который лежал рядом с кроватью, и маленькой пчелы, кружившей вокруг граната. Девушка сквозь сон слышит жужжание насекомого. Художник сделал набросок большого и сочного граната, висящего в воздухе, из которого текут капли сока. Сладкий нектар манит пчелу, которая своим приближающимся жужжанием провоцирует ассоциативную память, порождающую подсознательные страхи. Дали

еще раз вспомнил свой сон и набросал силуэт большой рыбы, которая выскакивает из граната и пытается проглотить красивую женщину. Образ тигров Дали позаимствовал из афиши цирка, на которой они прыгали через обруч. По памяти он набросал хищников, готовых вцепиться острыми когтями в обнаженное тело женщины. Ассоциативная цепочка страхов понеслась дальше, и вот девушке снятся голодные тигры. Женщина еще не испытывает страх от звериных когтей и острых клыков, и тут Дали осенило, чего еще боится женщина. Конечно, укуса пчелы. И он тут же нарисовал ружье с приложенным к нему штыком. Его героиня боится жала насекомого, и вся картина предстала перед ней за секунду до пробуждения. Случайное открытие, сделанное им, заставило его подпрыгнуть от неожиданности: как много страхов может породить лишь небольшой испуг. Дали вспомнил про слона и закончил набросок картины. Папа Римский символизировал веру, но, когда одолевает страх, все надежды на Всевышнего оказываются напрасными. Теперь осталось только довести картину до совершенства, и очередная психологическая тайна от Сальвадора Дали будет готова вновь покорить общество. Дикий страх от жужжания пчелы, а точнее от предстоящего укуса, на самом деле не так страшен.

И довольный собой Дали стал накручивать свои усы.

– Гала, как ты оцениваешь мой самый великий шедевр?

Женщина встала.

– О, я здесь неплохо выгляжу!



– Конечно, моя дорогая, тебе здесь не дать и двадцати лет. Ты у меня просто потрясающая, и такой красотой должны любоваться все. Нельзя такую утонченную фигуру держать в тайне. Великий Микеланджело был бы потрясен, увидев тебя, я уже не говорю про древнегреческих скульпторов.

Гала смущенно отвела глаза, ей очень нравилось, когда муж так восхищался ею. Муза тихо порхала рядом с Дали. Художник поблагодарил ее, мысленно помахав ей рукой. «Нам надо отдохнуть, но мы опять с тобой встретимся. Спасибо тебе за все, что ты делаешь для меня». Вдохновение покидало комнату и еле слышно прошептало: «Спасибо тебе, мне всегда нравится, что ты точно отображаешь все мои идеи. До встречи!» И муза отправилась за новыми ощущениями и впечатлениями, а художник смотрел на картину с большим удовольствием и гордостью, задавая себе лишь один вопрос: «Смогу ли я хотя бы повторить подобное?»

## Глава 29

Война в Европе подходила к концу. Где-то на берегах Волги далекой России Красная армия нанесла сильнейшее поражение непобедимой Германии, и теперь русские гнали немцев назад на запад. Союзники высадились в Нормандии и двинулись на фашистов с запада. У Германии еще оставались силы, но Дали знал, что судьба фашизма предрешена. Когда художник только приехал в Америку, его как-то спросили: «А почему Вы уехали из Европы? Ведь Вы же симпатизировали фюреру». Дали усмехнулся: «Гитлер тоже был художником, очень чувственной и противоречивой натурой, в какой-то степени таким же, как я. Но только мои комплексы и страхи находят выход в картинах, а у Гитлера все это выливается в войнах, насилии, крови, газовых камерах и крематориях. Неудовлетворенная собой личность будет крушить все на своем пути. А виноваты во всем преподаватели Венской школы искусств. Не оценили талант молодого человека, вот и получили результат». Но назойливый корреспондент не унимался:

– Так все-таки скажите, почему Вы покинули Европу?

– Почему, почему... Если бы Гитлер пришел к власти во всем мире, он истребил бы всех истериков вроде меня.

Больше вопросов не возникало.

Уже шли кровопролитные бои в Польше, союзники осво-

бождали любимую Францию, на Тихом океане американцы сражались с японцами. Дали переехал в Лос-Анджелес, приморский город, напоминающий ему родную Испанию теплым морем, белыми песками, пальмами и живописной природой. Когда он прогуливался с женой по набережной и мечтательно вдыхал теплый морской воздух, Гала вдруг вздохнула:

– Сальвадор, а может, мы купим домик и останемся здесь навсегда?

– Мой ангел, ты же знаешь, я терпеть не могу большие города.

– Мы можем поселиться где-нибудь за городом и жить в тиши, наслаждаясь природой, ты мог бы творить свои картины на этих пляжах.

– Гала, что ты такое говоришь?! – Дали остановился. – Как я могу жить без своей Каталонии и без моего пляжа? Там прошли все мое детство и юность! Там мы полюбили друг друга! Ты, наверное, забыла запах олеандров и вкус персиков из садов Фигераса. Ты же знаешь, я каждый день мечтаю побыстрее вернуться домой.

– А чем плохо здесь, в Америке? – взмолилась Гала. Испанию она, конечно, любила, но для нее она была одной из европейских, пусть даже и красивых стран.

– Гала, моя Гала! Америка – чудная страна, но здесь я задыхаюсь. Мне не хватает простора и той энергии, которую щедро давала мне моя любимая Жирона<sup>1</sup>.

– Сальвадор, ты не забыл, что завтра твоя выставка? Ты опять, наверное, что-нибудь придумаешь? – нежно улыбаясь, сказала Гала. Одним из ее достоинств было наитончайшее чувство такта, она тонко чувствовала своего Наполеона.

– Даже не сомневайся! – заговорщически накрутив ус, ответил Дали, и они пошли дальше по набережной, любуясь закатом калифорнийского солнца.

## Глава 30

К центральному входу выставки Сальвадора Дали во время торжественного открытия подкатил черный дорогой лимузин, из которого вышел статный мужчина, одетый в золотой пиджак, мятые штаны цвета шкуры жирафа и туфли из крокодиловой кожи, в руках гость держал королевский посох, а на его голове возвышалась корона. Свита из нескольких карликов крутилась вокруг него, а в начале процессии шествовал дворецкий в ливрее, который громовым голосом объявлял, что на выставку пожаловал сам король живописи! Высокий гость в сопровождении карликов величественно вошел в здание галереи. Толпа расступилась. Король степенно посещал один зал за другим, красочно опираясь о свой монарший посох. Любопытная толпа следовала за ним, обступая со всех сторон. Люди кругом перешептывались.

– Кто это? – спрашивали одни.

– Это, по-моему, монарх из Монако или Швеции! – отвечали другие.

В это время таинственный незнакомец, выделявшийся своим громадным ростом на фоне карликов, торжественно обошел залы галереи и, презрительно глянув на всё свысока, сел в лимузин и уехал так же быстро, как и появился, оставив любопытных зевак смотреть ему вслед. На следующий день все газеты пестрели заголовками и фотографиями: «Сальва-

дор Дали, король живописи, посетил собственную выставку в сопровождении своих подданных». На фотографиях были запечатлены Дали в золотом пиджаке и с короной на голове и маленькие шуты с игрушечными шпагами наперевес, сопровождавшие короля.

Когда Дали вернулся домой после открытия выставки, он с хохотом ввалился в комнату жены.

– Дорогая, ты просто не представляешь, как прошло открытие выставки!

– Милый, дай догадаюсь! Наверное, ты опять устроил очередное шоу?! – и она мягко улыбнулась.

– О, нет, моя дорогая! Что там шоу, это было грандиозное представление! Сам король, да еще и в сопровождении бесподобной свиты, торжественно прошелся по моей галерее. В золотом пиджаке, представляешь?! И даже с короной на голове!

– Там был король, а меня там не было? – с досадой воскликнула Гала, одновременно подпрыгнув от удивления.

– Да, там был король живописи в сопровождении десяти карликов.

Женщина рассмеялась.

– А где ты взял карликов, дорогой?

– В цирке лилипутов, конечно. Я заплатил им целых тридцать долларов каждому, и, знаешь, милая, они были просто молодцами.

## Глава 31

Война в Европе подходила к концу. И хотя выставки Дали следовали одна за другой, теперь Америка превращалась для него в тюрьму, а живительная свобода находилась там, где маленькие улочки Парижа, Булонский лес, уютные ресторанички на бульваре Капуцинок и, конечно, родные дорожки, лужайки, песчаный пляж и море Каталонии, подобного которому больше нет нигде в мире. Дали дико не хватало того воздуха, наполненного романтическим духом, что витал в единственном городе на Земле.

Несмотря на то что ураган войны, пронесшийся по Европе, оставил много руин и превратил многие дома в пепелища, беженцы уже начали возвращаться в родные края, где царил голод и нищета. Парижу повезло, он не сильно пострадал от войны, но там все еще было беспокойно. Гала уговорила Дали немного подождать: «Пусть все успокоится, пройдет время, наладится мирная жизнь, и мы обязательно вернемся домой».

Дали, покинутый музой, на некоторое время остался жить в Америке. Однажды утром он получил письмо от своего друга Пабло Пикассо. Молодой почтальон принес его вместе с газетами и весело сказал: «Сеньор Дали, Вам письмо из Европы». «Кто же мог мне написать?» – удивился Дали. Он взял конверт, на котором был указан обратный адрес: Фран-

ция, Париж.

– О, да это же сам Пикассо соизволил вспомнить меня! Вот, возьми, голубчик! – и Дали протянул доллар молодому человеку. Заинтригованный, он начал читать письмо.

«Сальвадор! Друг мой! Война закончилась, и все патриоты страны начали трудиться на ее благо! Мы разгромили фашизм, и теперь начнется новая эра в жизни прекрасной Франции. Мы, коммунисты, стараемся построить новую жизнь, где будут счастливы все люди. А потом мы вернемся в Испанию и свергнем угнетателя народа генерала Франко. Мой друг, приезжай скорей! Америка – не твоя стихия. Наша родина там, где мы родились и выросли. Наше Отечество там, где мы стали теми, кем являемся сейчас».

«О, как красочно заявил! Я тобой восхищаюсь! – подумал Дали, накручивая ус. – Возвращайся, значит?! А что он мне прикажет делать в Европе, наводненной коммунистами? Да, Пикассо – великий испанец! И я тоже! Пикассо – великий художник, и я тоже! Пикассо – коммунист! И я... О нет! Я не коммунист. Хотя мог бы стать и великим коммунистом... Но это не мое! Таких чокнутых, как я, коммунисты долго терпеть не будут. И потом, я люблю деньги, комфорт, роскошь... А коммунисты меня быстро отучат от моих хороших привычек. Нет, я как-нибудь останусь просто великим гением, мне так удобнее!» Дали вспомнил Пикассо – это был настоящий исполин в искусстве, и ему становилось не по себе, когда его сравнивали с соотечественником. «Ох, он



еще предлагает мне свергнуть Франко! И для чего? Чтобы коммунисты пришли в Испании к власти? Какой ужас! Ну нет, я на такое точно не пойду! – и тут Дали осенило: – А отошло-ка я своему другу его портрет, написанный мною. Пусть гордится, что удостоен кисти великого гения!»

Всю ночь Дали не спал и думал только о портрете: «Как же мне его нарисовать? От сюрреализма я отошел и сейчас нахожусь под влиянием картин великих классиков эпохи Возрождения». Сальвадор ходил по комнате и призывал на помощь музу, но было поздно и вдохновение отдыхало, видя уже третий сон. Дали начинал злиться: «Ох уж этот Пикассо со своим коммунизмом! Не дает мне покоя!» В душе он уважал своего коллегу по творческому цеху, но в то же время боялся выглядеть блеклым на его фоне. Только Пикассо мог сравниться с его гением, и это Дали очень не нравилось. «Ладно, а отошло-ка я ему телеграмму: «Дорогой друг, готов вернуться в Европу, если ты откажешься от своих коммунистических идей! Так мне будет спокойнее находиться рядом с тобой!»». Посреди ночи он вызвал посыльного, и срочное сообщение полетело в Париж. Утром Дали торжественно объявил:

– Гала, товарищ Пикассо должен выйти из компартии! Я его уговорил!

– Ты уверен, что он согласится? – Гала с удивлением взглянула на мужа.

– Конечно! Куда же он денется?! Это же сам я его попро-

сил!

Днем от почти уговоренного Пикассо пришло сообщение. Ответ был весьма кратким: «А не пошел бы ты!»

Возмущению Дали не было предела, его усы дергались, как при нервном тике, и он в гневе бросился в мастерскую, разбрасывая все в разные стороны. Он выхватил мольберт и кисточки и в ярости стал наносить мазки на чистый холст. Дали набросился на полотно с энергией взбешенного зверя, и вскоре на нем стала вырисовываться своеобразная фигура или бюст, чем-то отдаленно напоминающий Пикассо. Вместо головы был изображен мозг в виде ракушки улитки, из которой не спеша выползали мысли, на голове водружено нечто вроде лаврового венка, которым покрывали свои головы древнегреческие императоры, поверх него сияла корона. Венок, символ высокомерия и надменности, прорастал через заднюю часть шеи и выходил через рот в виде длинной ложки. Глаз на голове не было. Дали ухмыльнулся: «Ты не способен видеть реальность, лавровый венок лишил тебя возможности реально оценивать себя. Лавры – вот твой главный бич! Лавры, которые ты вознес на себя сам. Ты потерял дар чувствовать окружающих и потому поднялся над всеми». Но вскоре появилась долгожданная муза, порхающая за ухом Дали.

– Ты не прав! – возразила она. – Пикассо – очень чувствительный и сентиментальный человек, а ты сделал из него высокомерного и надменного императора, лишённого челове-

ческих чувств.

– Но он слишком высокого мнения о себе, – возразил Дали.

– Но ты тоже!

– Я – это я! Таких талантов, как я, больше нет на нашей планете! Я покори́л мир благодаря гениальности своего ума!

– О, Дали, будь скромнее! – пропищала муза и тихо удалилась.

– Ладно, уговорила! Пририсую ему немного цветов, он все-таки обладает определенным чувством вкуса, – и художник набросал два цветка. – Пожалуй, Пикассо также сентиментален, – и Сальвадор добавил на ложке маленькую деталь. – Все! Этого достаточно. – И ответная телеграмма-портрет полетела молнией в Париж.

## Глава 32

В Испании тем временем генерал Франко полностью уничтожил левое движение, но это не спасло страну от разделения на две части. Миллионы людей эмигрировали за границу, и многие из поддерживавших республиканцев томились в тюрьмах и концлагерях. Жестокая цензура Франко запрещала все партии, общественные организации и оппозиционные издания. Вскоре генерал осознал необходимость воссоединения испанского народа, и в тысяча девятьсот сорок восьмом году была объявлена программа национального примирения. Всех сторонников республиканцев амнистировали, а в страну стали возвращаться беженцы. Постепенно разные части общества стали находить то общее, что могло их объединить, и этим общим являлась сама Испания, когда-то самая могущественная держава мира с огромным историческим и культурным наследием.

Картина Дали «Предчувствие гражданской войны» могла бы сейчас иметь продолжение. Две части прекрасного образа Испании, некогда превратившиеся в монстров и разрывавшие друг друга на куски, постепенно стали снижать свою агрессивность, пальцы ослабили железную хватку, жестокость уходила в прошлое. Изображенные на этой картине бобы – символ голода – не устраивали уже никого. Испания, воспроизведенная на фоне пустыни, не принесла ни-

кому пользы, нужно было восстанавливать страну и объединять людей. Монстры успокоились, их время прошло. Незаметно, осторожно, с большим недоверием две части одного человека воссоединялись, постепенно принимая человеческий облик. Испания после долгих мук гражданской войны, последовавших за ней сведений счетов начала мирный диалог, два враждебных лагеря протягивали друг другу руки в знак примирения. Война существует до тех пор, пока в сознании людей кипят ненависть, жестокость и агрессия. Но долго жить в состоянии обреченности на вымирание человек не способен. Картина «Предчувствие гражданской войны» пророчила единственный выход из состояния ненависти.

Генерал Франко часто смотрел на картину Сальвадора Дали, понимая глубокое послание, которое предназначалось в первую очередь для него: «Генерал, ты захватил власть в стране, ты уничтожил многих испанцев, ты стал тираном, но долго так продолжаться не может. Ты отвечаешь за всю страну, и твой следующий шаг – это воссоединение страны». Жесткий и бескомпромиссный человек вдруг понял, что нельзя больше оставаться монстром, преодолевая свои эмоции, он начал очищение самого себя от злобы и ненависти, показывая пример всем остальным испанцам. Одна картина великого Дали обладала гораздо большей силой убеждения, чем миллионы веских слов, слетающих с языков тысяч политиков. Эта картина кричала: «Будущее Испании – только в единстве!»

– Дорогая, мы возвращаемся в Испанию! Я получил разрешение! – с огромной радостью в голосе вбежал Дали в дом. – Моя милая Гала, мы отправляемся домой! Собирай скорей вещи! Прекрасный Фигерас уже ждет нас.

– А как же Америка? – обреченно вздохнула супруга.

– К черту Америку! Если будет нужно, мы в любой момент вернемся. Мы будем жить в Каталонии!

Гала не спеша ходила по дому, собирая и упаковывая нужные и ненужные вещи. Ей очень не хотелось покинуть эту страну, где они нашли пристанище, где стали популярны и богаты. Но она прекрасно понимала, что без Дали ей здесь делать нечего. В последний вечер перед отъездом они как всегда прогуливались по набережной, наслаждаясь последним закатом их американской жизни. Утром чета отправилась в Европу. Теплоход уходил в открытый океан, и Америка постепенно удалялась все дальше и дальше.

– Вот и закрыта еще одна страница нашей жизни, – тихо прошептала Гала. – Что нас ждет впереди?! Пока не ясно.

Богатая Америка уходила в прошлое, а впереди все было в тумане и неизвестности. Женщина стояла на палубе и смотрела на сизые волны бесконечного океана, которые с таким печальным шумом накатывались друг на друга. А рядом стоял Дали в совершенно ином расположении духа. Он был возбужден и нетерпелив, ему хотелось скорее попасть на родную землю, чтобы опять начать творить. Америка осталась в прошлом. Это было хорошее время, но родина манила его

своими пейзажами, людьми и, главное, духом, которым так заряжался великий художник.

## Глава 33

После прибытия в Бордо они сразу же отправились в Барселону на поезде, следовавшем вдоль моря. Сидевший у открытого окна Дали впитывал в себя запахи родной Испании. Наконец за окном стали проноситься пригороды Барселоны, и скоро поезд, сбавив скорость, прибыл на вокзал. Когда состав остановился и проводник открыл дверь, Дали и Гала направились к выходу из вагона. Толпа, стоявшая возле вагона, замерла. С поезда сходили люди, и наконец в проходе появился сам Дали! Грянул оркестр. И тысячи воодушевленных людей восторженно приветствовали своего кумира. Дали посмотрел вокруг: вся платформа была заполнена его поклонниками. Он помахал рукой и радостно воскликнул:

– Здравствуй, моя Испания! Здравствуйте, мои друзья!

Он долго пробирался сквозь плотную толпу людей, все кричали, протягивали руки, дарили цветы. На глазах Дали выступили слезы, такой теплый прием тронул его чувствительную душу. Море людей бушевало вокруг вокзала, приветствуя возвращение своего знаменитого земляка. Супружеская пара Дали отправилась на машине в небольшой городок Фигерас, где для них был куплен дом, в котором им предстояло прожить еще много лет.

Во время прогулок по узким улочкам родного города на Сальвадора Дали накатывали воспоминания о детстве, весе-



лой юности и лучших годах жизни. Все ему теперь напоминало о тех днях, когда можно было беззаботно бегать, играть, строить планы на будущее и надеяться на судьбу, что она принесет счастье и успех. Все это подарил Дали Фигерас.

Как-то раз поутру он с Галой решил навестить Кадакес, родину его первых картин. По приезде в этот небольшой рыбацкий поселок мысли, воспоминания и тоска охватили Сальвадора. Как много времени он проводил здесь. Эти скалы! Они прошли через все творчество великого художника, присутствовали на всех его картинах. Этот песчаный пляж сопровождал его всегда, где бы Дали ни находился. Он вспомнил детские годы, первые зарисовки, свою сестру Анну-Марию, которая была его первой моделью. Сюда он приезжал из Мадрида со своим другом Гарсией Лоркой. Грусть заполнила душу Сальвадора. «Где ты, мой друг, сейчас? Никто не знает, где ты похоронен. Даже прийти на твою могилу, постоять рядом и побыть с тобой нет возможности. Жестокость отняла у него жизнь, как и жизни сотен тысяч людей...» Он вспомнил, как весело они с Лоркой развлекались именно здесь. На этом берегу он познакомился с Галой и проводил время с ней, это были самые теплые романтические вечера.

Дали прошелся по каменистому берегу моря, детские воспоминания лавиной нахлынули на него. Вот он шестилетним мальчиком бежит по этому утесу, поднимается на высокие скалы, рядом его мать, еще молодой отец и маленькая сест-

ренка... Все это ушло. На душе, словно большое пятно, разрасталась печаль. Он осознал, как быстро пролетело время, и перед глазами возникло его произведение «Постоянство времени»: карманные часы, которые лежат на столе вниз циферблатом, и муравьи, насекомые, которых Дали всегда боялся. Они олицетворяли процесс гниения и уничтожения плоти. Те же муравьи ползали по часам, уничтожая молодость и красоту, поедая каждую секунду, минуту, час, день, месяц, год нашей жизни, в конечном счете превращая наше тело в пепел.

– Сальвадор, а ты помнишь это здание? – возглас Галы вывел его из унылого состояния. Она смотрела вверх на возвышающуюся вышку.

– Ах да! Это та самая башня, на которую я постоянно залезал в детстве. Тогда она казалась мне такой громадной! – задумавшись, он добавил: – А ты знаешь, моя дорогая, что именно это здание стало прототипом всех костылей на моих картинах?

– Не могу поверить, дорогой! Где ты здесь увидел костыль?

– Милая, а ты взгляни вон туда, – и он указал на тень от здания.

Гала посмотрела на двор перед башней и в лучах заходящего солнца увидела длинную тень от здания, которая удивительным образом напоминала необычную клюку-костыль, которая так часто встречалась на картинах ее мужа. Она

нередко задавалась вопросом, откуда Сальвадор взял этот костыль и что он хотел этим сказать, но никогда его об этом не спрашивала. И вот только теперь, осененная подсказкой Дали, она разгадала, что Сальвадор хотел этим сказать. Костыль символизировал опору, помогающую удержать равновесие в тех случаях, когда человек не верил в свои силы. На фоне вспыхивающего молочно-оранжевыми красками заката она неожиданно для себя поняла, как дороги были Дали этот пляж и каменный утес, на который они раньше так часто взбирались. Присмотревшись, она увидела, что именно тень от башни подпирает импровизированной клюкой-костылем эту чудную панораму. Этот уголок мира вместе с тенью от башни был сердцем вселенной Сальвадора Дали, и именно клюка-костыль удерживала его от всевозможных потрясений. И глубокое осознание хрупкости его мира волной бирюзовой меланхолии омыло каждый уголок ее души.

## Глава 34

Непостижимое преображение Дали на родине не могло оставить стиль его живописи без изменений. Семена, посеянные работами итальянских мастеров Возрождения, давали свои всходы. А произведение Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» пленило сердце Сальвадора и не отпускало его пытливый ум. За большим столом сидел Иисус с двенадцатью учениками-апостолами. Дали усердно пытался разгадать замысел да Винчи. Сальвадор прекрасно видел и Иуду, сжимающего мешочек с монетами и другой рукой тянущегося к еде, и Петра с ножом. «Так что же говорит им Иисус на этой картине?» – мучил себя вопросом Дали. Он прекрасно знал, что маститые критики творчества Леонардо считали, что Иисус говорит следующее: «Истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня». Но что-то здесь не сходилось. И тут испанец заметил, как от Иисуса исходит своеобразная волна. Апостолы один за другим начинают возмущаться: «Что ты! Мы не предатели!» И каждый из них жестом показывает свою непричастность к измене. И тут Дали замечает, что по левую сторону от Иисуса только один человек не возмущается, он показывает палец и спрашивает Христа: «Один предатель?» Этот вопрос задал апостол Фома. И в этот момент проницательный Дали разгадал «Тайную вечерю». Иисус спокойно говорит: «Все вы меня предадите!»

Дали прекрасно помнил, чем закончилась история с Иисусом. Но сейчас за столом шла трапеза, и только Христос знал свою судьбу и то, что все его ученики не заступятся за своего Учителя и будут смотреть со стороны, как, мучаясь, погибает Иисус. Дали стоял в Санта-Мария-делле-Грацие в Милане потрясенный. Он не мог оторвать глаз от лика Иисуса, знающего свое ужасное будущее и сознательно идущего на мучительную смерть. Смог бы кто-нибудь из апостолов совершить такой подвиг и взять страдания человечества на себя?

Мысли Дали вернулись в настоящее время. «Тайная вечеря» как будто преследовала его здесь, в Испании. В один из вечеров, когда супруга в одиннадцать часов укладывала его спать, произведение да Винчи настигло свою жертву – Сальвадор не выдержал, тихо встал и пошел в мастерскую. Там он достал мольберт и чистый холст. Дали долго смотрел на чистое полотно, мысленно проецируя картину да Винчи на него, но пропустив через свое воображение и чувства. Где-то рядом слышалось легкое порхание музыки, которая летала позади художника и тоже смотрела на холст. Она желала помочь ему сотворить нечто потрясающее и загадочное, что вызывало бы в людях боль, подобную той, что испытывал Иисус, когда он угощал своих учеников яствами.

Под щебетание музыки Дали начал наносить первые мазки. Это была уже не классическая картина. Все переносилось в настоящее время. Большой каменный стол, за которым сидят апостолы. Дали загадал первую загадку, изображая их с

опущенными головами: то ли они почтительно слушают, то ли усыпленные мягким тоном учителя заснули прямо за столом. Образ Иисуса не должен быть классическим. Дали трудился день и ночь, и муза не покидала его, картина продвигалась с большим трудом. Творческие мысли художника, пробиваясь сквозь непроходимые завалы подсознания, формировали свой взгляд на великую работу Леонардо да Винчи. На картине Дали не было стен и окон – только безжизненное море и далекие скалы, которые окружают водную гладь. Спаситель изображен как белокурый молодой человек с длинными волосами, чистым открытым лицом. Дали долго мучился, размышлял о том, как создать необычный образ Иисуса, и мысли подтолкнули его к нестандартному решению. Все сидят за столом, опустив головы. Созданные из плоти персонажи заняли свои места за столом, и только Иисус тонкой кистью изображен воздушным и неземным. Художник не усаживает учителя на скамью за стол вместе со всеми, он витает над водой.

– Послушай, Сальвадор, – не выдержав, спросила заинтригованная муза, – а почему Иисус расположен над водой?

– Понимаешь, в раннем христианстве Иисуса звали Ихтис, что переводилось как «рыба». Тайная вечеря и последовавшие за ней события проходили в исторический период под знаком зодиака Рыбы, поэтому символом христианства в то время были рыбы. А стихия рыб – это вода.

– Как все многозначительно! Сама бы я до этого не доду-

малась. А почему апостолы сидят такие понурые?

Дали улыбнулся.

– Здесь Христос не ужинает со всеми в свободной обстановке. Он дает установки своим подопечным. Ведь завтра его поведут на мучительную казнь, и он прекрасно знает, что никто из них ему не поможет остаться в живых. Поэтому сейчас он дает указания, что надо делать после его смерти и как нести учение в массы. Апостолам страшно и стыдно, что они, по сути, предадут своего учителя, поэтому и выслушивают наставления в подавленном настроении. Иисус спокоен и жизнерадостен, хотя впереди его ждет мучительная смерть, но он знает: это путь к бессмертию, что и придает ему силы.

Муза задумалась.

– Да, такое надо еще понять!

– Конечно, муза! Эта картина бессмертна, потому что люди будут долго разгадывать тайный смысл этого произведения и у каждого будет свой ответ.

– А что обозначает этот пятигранник, в который заключено все полотно? – не успокаивалась муза.

Дали тяжело вздохнул.

– Это своего рода алмаз, в который заключены все участники картины. Все в ней реальное: люди, стол, вино, хлеб, море, горы и небо. Только Иисус воздушен и готов подняться в небо, чтобы сиять оттуда в виде эфира, как алмазная грань бриллианта. Ты видишь парящее там тело, оно прозрачно и не имеет уже практически человеческой оболочки.

ки. – Муза посмотрела на потолок, там действительно был прообраз Иисуса, взлетевшего на небо в бессмертие и оттуда несущего духовный свет и тепло всему миру. – После смерти Христа апостолы будут возносить Иисуса на небо своими проповедями и учениями о христианстве. Посмотри, муза, как меняется небо на картине от кровавого заката, символа великой трагедии, к чистому, голубому пространству, символизирующему процветание и мир. Небо – это знак очищения душ людей, ради которых Иисус пожертвовал собой, взяв все их грехи на себя.

Гала постоянно заходила к мужу в мастерскую и кормила его с ложки то супом, то кашницей. Дали ни на минуту не мог оторваться от работы над картиной. Поздно вечером, уговорив его лечь спать, она заботливо убирала за ним краски и мыла кисти. Идея новой картины полностью охватила Дали, он заново переживал все те чувства, что испытал, стоя перед произведением да Винчи, но сейчас его захлестывал вулкан переживаний и обостренной чувствительности, так как его понимание картины было куда сильнее и трагичнее.

Наступил день, когда был нанесен последний мазок на полотно и измученный, похудевший художник взглянул на свою законченную работу. Потерянный, он рухнул на стул посреди своей мастерской. Почему-то картина получилась яркой, и в ней, на первый взгляд, не было того предчувствия трагедии, которое передавал да Винчи, но при более глубоком проникновении в идею произведение описывало



страшную трагедию. В самом расцвете сил человек осознанно шел на смерть, очень мучительную и страшную гибель. Спокойный, чистый, с доброй улыбкой и надеждой на будущее при полном равнодушии своих учеников, которым ничего не останется делать, как нести его учение в народ. Дали с теплотой рассматривал Иисуса, понимая, что у него, художника, даже такого гениального, никогда не будет возможности так же парить в небесах и нести частичку своей энергии людям. «Да и будет ли мне вообще место на небесах. О нет, я не буду думать о будущем, мне надо прожить эту жизнь весело и беззаботно, и как можно дольше, чтобы и дальше удивлять людей».

## Глава 35

Опустошенный после создания новой картины Дали вскоре решил затеять вечеринку. Но Дали не был бы Дали, если бы это была обыкновенная тусовка. Стоял август, и страшная жара порядком утомляла людей. Во дворе было поставлено барбекю, столы ломились от яств, вина, и многочисленные гости, наевшись досыта, захотели искупаться в большом прохладном бассейне. Несколько человек уже разделись и приготовились прыгнуть в воду, как вдруг истошный крик девушки, стоявшей рядом с бассейном, остановил ныряльщиков: «О боже! Ядовитые ежи! Ужас! Они кругом!» И действительно, все дно было завалено морскими ежами. Повисла тишина, и все собравшиеся устремили на Дали непонимающие взгляды. Не говоря ни слова, Сальвадор скинул с себя верхнюю одежду, ринулся к воде, по пути прихватив взбужденную Галу, и нырнул в бассейн вместе с ней! От страха ее крик превратился в визг. Когда волны брызг улеглись, изумленные гости увидели гогочущего Дали, перемещающегося по бассейну.

– Ну что, боитесь?! Какие вы трусы! А ну-ка давайте сюда! – художник выскочил из бассейна и стал сталкивать в него одного гостя за другим, которые с ужасом пробовали разбежаться в разные стороны, однако большинство оказывалось в бассейне, полном ежей с ядовитыми иголками. Под

безумный хохот Дали собравшиеся, падая в воду, прижимали ноги к себе, боясь наступить на проклятых морских тварей. Все с диким недоумением смотрели на хозяина вечеринки, сомневаясь в его умственном здоровье. И тут Дали снова прыгнул в воду вслед за всеми и стал ходить по дну. Только сейчас гости заметили, что дно бассейна покрывало специальное стекло, которое защищало людей от ядовитых иголок. Дружный взрыв смеха собравшихся украсил эту сумасшедшую вечеринку. Уходили все в приподнятом настроении, долго обсуждая очередную выходку экстравагантного художника.

## Глава 36

Одним ярким солнечным днем, когда художник охотился за вдохновением, мечтательно глядя в окно, в комнату вошла Гала:

– Мой дорогой, я договорилась, что ты придешь на одно очень важное светское собрание. Там соберутся самые известные люди Испании, Италии и Франции, аристократы, банкиры, издатели крупнейших газет, самые богатые люди. Они заплатили по несколько тысяч долларов за возможность присутствовать на твоём мастер-классе.

– И что я должен буду там делать? – недовольный тем, что его оторвали от важного занятия, мрачно произнес Дали.

– Мой милый, попробуй что-нибудь сделать такое, чтобы все были очарованы тобой!

– Хорошо, моя дорогая!

Он позвонил в особняк, в котором должен был состояться мастер-класс, и дал указание хозяйевам вечера:

– Я приеду и сделаю композицию из жвачки.

– Извините, не совсем поняли, сеньор Дали, Вы сказали из жвачки?

– Да, именно так! Выдайте, пожалуйста, всем жевательную резинку, я приеду и сделаю из нее композицию.

Солидные бизнесмены, графы и графини, маркизы и бароны вместе со своими баронессами, банкиры и весь свет

общества трех стран ходили и жевали жвачку, которую они просто не переносили на дух. Но интрига, что великий художник придет через полчаса и сотворит из этого материала что-то необыкновенное, заставляла их жевать эту противную гадость, ну никак не свойственную их социальному статусу. Наконец дворецкий громко объявил: «Величайший художник мира сеньор Сальвадор Дали с супругой», и официанты бросились собирать жвачку у всех гостей.

Появился долгожданный художник, он окинул всех высокомерным взглядом и подошел к официанту, который держал на подносе кучу использованных жвачек. Повисла тишина, гости замерли в ожидании. Через секунду великий мастер, про которого пишут почти все газеты, рассказывает радио и телевидение, сотворит чудо, и они станут свидетелями создания очередного шедевра под брендом «Дали». Художник подошел к подносу, аккуратно двумя пальцами, словно щипцами, взял кусочек жвачки, потер, а затем понюхал: «О, эта жвачка не того сорта!» Решительно развернулся и исчез в дверях. Все аристократы и самые богатые люди Европы стояли в полном оцепенении, не понимая, что произошло. Потом у них возник вопрос о том, за что они заплатили столько денег. А в следующее мгновение присутствующие разразились веселым хохотом, отдав должное экстравагантной выходке художника.

## Глава 37

Дали все время проводит со своей любимой женой. Они много ездят, веселятся, живут полной жизнью. Но время идет. Популярность Дали продолжала расти из года в год, а доходы супружеской четы не отставали от популярности, и, казалось, их счастью не будет конца, как вдруг среди бела дня разразилась буря. Неожиданно без всякого повода Гала устроила грандиозный скандал. Она была взвинчена, выражение лица – агрессивное, ее истошный крик пронзил воздух обвинениями в адрес ничего не понимающего Сальвадора:

– Мне надоела твоя постоянная опека! Я хочу побыть одна! Я устала от тебя, от твоих дурацких шуток и выходов!

Привыкшего всех удивлять Дали на это раз застали врасплох.

– Что случилось, моя дорогая? Еще вчера все было хорошо.

– Мне все надоело! Надоела эта жизнь! У нас только одно творчество, бизнес и деньги! Я устала. Я хочу пожить для себя! Все! Я уезжаю от тебя на три дня, мне надо побыть одной! – она повернулась и вышла из дома.

– Гала, да что с тобой? Ты куда?!

– Ты что, не понял? Я устала от тебя! – и она презрительно оттолкнула руку, которую ей протянул супруг. Дали остался

стоять в дверях сраженный резкой грубостью жены. Он не смел пойти за ней, хотя душа рвалась вперед, подбежать к своей Гале, обнять ее крепко-крепко, прижать изо всех сил к себе и никуда не отпускать, никогда-никогда. Но жена грубо пресекла все его попытки убедить ее вернуться. Пораженный такой переменой Дали поплелся в сад, он попытался любоваться своими цветами, но сегодня они были серы и безлики. Душа горела болью, обида заливала все сознание. Он понимал, что не может жить без нее. Весь белый свет оказался больше не мил брошенному королю живописи.

Будучи не в состоянии находиться дома, он пошел бродить по городу, не помня себя, в состоянии какого-то дикого иступления. Мир перестал для него существовать. Когда он проходил по одному из переулков, в стороне заметил большой обрыв. Дали подошел к краю и со страхом посмотрел вниз. «А может, прыгнуть туда с этой высоты? Что моя жизнь без Галы?» Страшная обида вновь прорезала его и без того больную душу. Он подошел еще ближе к краю и закрыл глаза: «Всё, нет смысла больше жить! Сейчас сделаю еще один шаг, и все мои мучения пройдут». Он приготовился сделать последний шаг в пропасть, но открыл глаза и посмотрел вниз. Ужас охватил все его тело, когда он представил, как летит в пропасть, по пути разбиваясь о каменные выступы, и падает на дно оврага весь окровавленный, со сломанными костями, в грязной одежде, перепачканной кровью, с проломленным черепом, из которого вытекает ге-

ниальный мозг. В испуге он отпрянул назад. Дали чуть не стошнило от мысли о том, что его гениальный мозг разбросает в грязной яме и он растечется по нечистотам. «Нет-нет! Без Галы мне очень плохо, но я ни при каких условиях не позволю своему мозгу валяться в грязи!»

Напуганный смертью Дали поспешно вернулся домой. Сейчас он думал не о жене, а о том, как мог погибнуть в этом грязном и отвратительном овраге, в этой канаве, полной нечистот. И представив, как его грязное и плохо пахнущее тело с отвращением тащат люди с неприятной внешностью, а его гениальный мозг просто собирают лопатой, он чуть не лишился чувств.

Гала, покинув дом, унеслась в отель, где ее ждал молодой красавец с приятным лицом и атлетической фигурой, они вбежали в заранее снятый номер. Красавец набросился на Галу, она изо всех сил впиалась своими губами в его рот. Она больше не могла терпеть, рвала на нем одежду, желая только одного. Молодой человек оказался настоящим жеребцом, вся его страсть рвалась наружу, он не сдерживал себя, и необузданная потребность излилась на Галу. Она прижималась к нему, закидывала голову, стонала, кричала и неистово вонзила ногти в спину красавца. Тот от дикой боли вскричал, тигрица рвала все, но ей было все мало, и вот крик молодого человека вознес ее на небеса в этом страстном порыве, она обхватила его красивое стройное тело и со страшной силой прижала к себе, утопая в его объятиях. Так они про-



вели три дня. И только на четвертый день уставшие вышли из отеля. Молодой человек выглядел несколько измотанным, а Галя светилась, как юная девушка, возвращающаяся с первого свидания.

– Увидимся через неделю? – спросил красавец.

– Посмотрим, – с хитрой улыбкой ответила Галя. – Я позвоню, – она нежно поцеловала своего любовника в щеку, поймала такси и направилась домой, где ее ждал муж. К ее большому удивлению, он пил кофе и напевал себе под нос какую-то песенку.

– Ну и чем ты тут без меня занимаешься? – сердито начала Галя.

– Пью кофе, – Дали сделал вид, что ничего особенного не произошло. – Как погуляла?

– Тебя не волнует, где я была?!

– Нет!

Озадаченная Галя пошла в ванную, абсолютно не представляя, что пережил ее муж за это время. Утром они опять обнимались, и Сальвадор прижимал свою Галу к себе, прося у нее прощение за вчерашнее равнодушие.

Целых пять дней они прожили душа в душу, пока ее раздражение бурлящей кислотой снова не выплеснулось наружу: «Я устала! Мне надоели эти твои сопли. Мне нужно побыть одной». Неприятные чувства зашевелились в душе Дали, но он только тихо промолвил: «Ну если тебе надо, иди...» И с болью в сердце остался на месте, не посмотрев больше в

сторону жены. Гала вновь куда-то уехала. Через полчаса она снова встречалась с молодым красавцем, и несколько дней они не выходили из номера. Так продолжалось полгода.

– Гала, я все-таки муж и требую от тебя объяснений, куда ты постоянно уходишь?

Она посмотрела на супруга с презрением.

– Тебе будет неприятно, если я скажу, куда ухожу и почему.

– Твое дело, – равнодушно ответил художник. Он уже привык, что жена раз в неделю уходит из дома, а через несколько дней возвращается обратно.

Гала стала проводить с любовником много времени, но сейчас в номере с ним она поняла, что его одного, даже такого жеребца, ей мало. Ей нужен был еще один любовник, не просто любовник, а страстный и ненасытный хищник, каким была она сама. Гала всегда добивалась желаемого, и вскоре у нее появился еще один молодой человек: высокого роста, с мощной мускулатурой и не самым выразительным лицом. Теперь она уходила из дома чуть ли не каждый день, ничего не объясняя мужу, а возвращалась домой уставшая, но счастливая. Дали пытался устроить скандал, подолгу готовясь к серьезному разговору с женой, но сильно побаивался ее. Художник терялся, когда она начинала повышать на него голос. Ему сразу вспоминались детские годы и мать, которую он очень любил и одновременно боялся. Набравшись мужества, Дали величественной походкой подошел к жене. Он всеми

силами пытался внушить себе мощь и силу, чтобы сломить строптивую жену:

– Гала, мне надо с тобой серьезно поговорить!

– Мне некогда с тобой болтать! Я опаздываю!

– Я запрещаю тебе уходить из дома! – со всей силы рявкнул Дали. – А ну-ка сядь! И послушай меня! Ты живешь в моем доме и должна слушать меня! Я твой муж!

От неожиданности Гала вздрогнула, никогда еще муж не повышал на нее голос. Она послушно села.

– Чего ты от меня хочешь? – и женщина заплакала.

Сердце Дали не выдержало:

– Гала, моя милая Гала, прости меня! Прости! Я не хотел тебя обидеть...

– Как ты мне надоел! Тряпка, вот ты кто, – она встала и демонстративно, не спеша вышла из дома. Долго еще ругал себя Дали за то, что не смог проявить характер и поддался порыву сочувствия.

Не спрашивая разрешения у мужа, Гала тратила на утехи все больше и больше денег, покупая своим любовникам сначала дорогие безделушки, а потом и автомобили. Дали долго терпел выходки и измены жены, прекрасно понимая, куда она постоянно исчезает.

Наконец чаша его терпения переполнилась. «Ну что же, раз ты так, я тоже в долгу не останусь!» – решил опозоренный муж. И когда уставшая Гала после очередного свидания подъехала к дому, мечтая только о том, чтобы доползти до

кровати и сладко заснуть, завернувшись в теплое одеяло, она обнаружила, что в окнах горит свет и звучит громкая музыка. «Это еще что такое?» – удивилась супруга Дали. Не успела она войти в дом, как навстречу ей выскочила голая девушка, а за ней с тростью в руках неся ее муж. Через мгновение еще одна голая девица проскочила мимо Галы. В доме оказалось семь молодых женщин, которые бегали по всем комнатам в чем мать родила, а ее тихоня муж, как истинный ковбой в широкополой шляпе, пытался поймать этих диких кобылиц. Остолбневшая посреди зала Гала изо всех сил завопила:

– Что здесь происходит?!

Девушки испугались крика, хотели было бежать в комнату, чтобы побыстрее одеться и покинуть этот гостеприимный дом, но спокойный тон Дали остановил их:

– Не волнуйтесь, девочки, эта одна из наших подруг, которых я вызвал сюда, она так нервничает, потому что опоздала к нам.

И они опять начали весело бегать по дому, дурачась и хохоча. Озверевшая было Гала устало окинула взором все это безобразие и сильно разозленная и разочарованная поплелась в свою комнату. Всю ночь ей мешали спать не на шутку разыгравшиеся новые подружки мужа. Она несколько раз порывалась прекратить эту сумасшедшую вечеринку, но в самый последний момент останавливалась, понимая, что сама спровоцировала мужа на такой поступок.



## Глава 38

К утру все стихло, дамы разъехались, и уставший художник направился в свою мастерскую. Он упал в кресло, его усталый взгляд скользил по мастерской. Вдруг его внимание зацепилось за комод с множеством ящичков, который стоял в углу. Дали вспомнил, как эта вещь загадочно появилась в доме, он тогда спросил: «Моя дорогая, а зачем ты принесла эту рухлядь в дом?» – «Мой гений, твой талант найдет ему применение».

Как его любимая женщина была права. Дали сперва не оценил идею Галы, хотя был заинтригован комодом, но в самые трудные минуты своей жизни Сальвадор всматривался в него и видел в нем человека. Он подошел к одной из своих законченных картин, закрытой накидкой, и стянул ткань. Перед ним предстала работа «Антропоморфный шкафчик». На полу сидел обнаженный человек. Было трудно понять, мужчина это или женщина. Дали специально изобразил фигуру такой. Самое главное, что это человеческое существо. Как сейчас эта фигура напоминала его самого. Ты сидишь на полу обнаженным, на тебе уже ничего нет, одной рукой опираешься об пол. Но люди хотят снять с тебя все, они уже всего добились. Часто поклонники спрашивали Дали, что означают ящички на теле человека. Художник вспомнил, как он всегда отвечал: «Мои картины не для средних умов. По-

старайтесь понять картину сами, пропустив все через себя». И озадаченные почитатели сюрреализма часто уходили, так и не поняв глубинный смысл картины.

В любом шкафчике всегда хранятся какие-нибудь вещи и предметы. И когда в чужой комнате стоит комод, людям интересно узнать, что же там лежит. Там можно найти тайные письма, спрятанные в самый дальний угол от назойливых посторонних глаз, дорогие сердцу безделушки как напоминание о близком тебе человеке, которого сейчас нет рядом, там есть фотографии твоих любимых и еще много-много всевозможных маленьких тайн, которые так притягивают внимание посторонних. Дали вздохнул: «Как долго я трудился над этой картиной! Сколько сил в нее вложил и с каким трудом и болью она далась мне! Никто до конца не понял скрытый смысл этого послания – ведь это же я сижу на полу, опершись одной рукой об пол, а другой прося людей не трогать меня. Рука умоляет: «Не трогайте меня», растопыренные пальцы показывают всю ту боль, которую я испытываю в такие моменты. Что обозначают шкафчики? Пустоту. Люди раздели меня догола, что я могу еще показать? А теперь они лезут в душу, стараясь вытащить всё и оттуда на всеобщее обозрение. Но я и так вынул из себя всё, все свои страдания, боли, тайны и секреты. Всё, у меня больше ничего нет, и мне нечего больше показать. Но люди не верят, они продолжают шарить по полочкам моего шкафа, ища в них пикантные вещички, которые можно еще посмаковать».

Дали закрыл глаза. Боль от дикого одиночества отозвалась во всем теле: «У меня нет ничего, вы забрали у меня все, перерыли все полки и всё вытащили оттуда, но вам этого мало. Не трогайте меня! Пожалуйста, оставьте меня одного! Пожалуйста! Дайте мне хоть чуть-чуть побыть одному». От отчаяния человек на полу роняет голову на грудь, у него все внутри разрывается, и последним душераздирающим жестом руки он умоляет: «Не трогайте меня!» Дали тяжело вздохнул: «Вся моя жизнь – это сплошной крик отчаяния и одиночество». Он посмотрел на старый комод и тихо заплакал.



## Глава 39

Утром уставшие от скандалов супруги решили поехать в Париж, а заодно организовать несколько выставок, отдохнуть от глухой деревни. Дали позвал дворецкого: «Собери-ка, дружок, мне чемодан! Мы едем в Париж!» Но Гала оттолкнула слугу мужа и взялась за чемодан сама.

Через несколько часов машина неслась в столицу Франции. За рулем сидела Гала, «кадиллак» мчался по живописным горам. Внизу виднелось бесконечное море, дорога виляла вдоль береговой линии, а на границе устремлялась через огромный мост на юг Франции. Теперь внизу золотом расстилались леса, мост был длиною больше километра, и Дали казалось, что он не в автомобиле, а в реактивном самолете, пролетающем над всей этой земной красотой.

Он закрыл глаза и задремал. Сальвадору снилась картина, которая навеяла столько грусти. Человек набрался сил, приподнялся и стал закрывать все свои шкафчики, не спеша и не обращая никакого внимания на посторонних. Наконец, все было закрыто. Он встал, нашел покрывало и укрылся им. «Что будем делать?» – спросил его Дали. Человек с картины посмотрел вокруг, в его глазах была пустота, та безликая бездна, которая остается в человеке после переживания страшного стресса, когда ему уже все равно. Художник еще раз посмотрел в его глаза. Там ничего не было. «Это

смерть!» – понял Дали. Человек жив, а душа мертва. От ужаса Сальвадор вскрикнул во сне: «Нет! Нет! Не умирай!» Глаза человека больше ни о чем не говорили. «Так больше не может продолжаться! Ты должен бороться! Не сдавайся этой бездушной толпе! Ты не одинок, я рядом с тобой! Не уходи, останься со мной!» – закричал Дали. Глаза человека потемнели, и он постепенно стал растворяться и исчезать. «Не уходи! Мы вместе сможем защититься! Ты же знаешь, как это сделать». Но фигура медленно растворялась и постепенно теряла очертания и облик, превращаясь в легкое темное облако, витавшее в комнате, где была создана картина «Антропоморфный шкафчик». «Неужели и я так уйду? Ну уж нет, так просто я вам не дамся!» – прокричал художник во сне и проснулся. Гала с тревогой посмотрела на разговаривающего во сне мужа и про себя отметила, что надо быть менее эгоистичной и бережнее относиться к нему.

Вскоре их встречал Париж. Гала вела машину по знакомым бульварам, далее по улице Риволи и наконец подъехала к их любимому отелю «Мерис», солидной пятизвездочной европейской гостинице, в которой любили останавливаться коронованные особы, главы правительств и богатейшие люди мира. Когда Гала подъехала прямо к центральному входу, молодой служащий в безукоризненно сидящем на нем черном костюме выбежал встречать гостей.

– Что донья желает?

– Возьми чемоданы и отнеси их в мой номер!

– Извините, а какой номер у вашей комнаты?

Тут из машины вышел Дали.

– Милейший, ты что, не знаешь мой номер?

Служащий работал здесь недавно.

– Извините, дон! – он обращался так потому, что на машине был испанский номер.

– Бери чемоданы и тащи их в номер короля Альфонса Тринадцатого. Да, вот тебе двадцать долларов! Постарайся все сделать быстро, – Дали сунул мятую зеленую бумажку в руку служащему. Тот сначала хотел позвать носильщика, но потом схватил чемоданы и самолично потащил их на пятый этаж. В номере Дали прошелся по всем комнатам королевских апартаментов и сразу направился в спальню. Он завалился на дорогую кровать прямо в одежде и ботинках. Гале ничего не оставалось, как разбирать чемоданы и устраиваться на новом месте.

Утром она проснулась, потягиваясь и нежась на шелковых простынях королевской кровати, посмотрела на часы, было уже десять часов утра.

– Сальвадор, доброе утро!

Но никто ей не отвечал. Она встала с кровати, накинула на себя шелковый китайский халат с вышитым на спине огромным драконом. Галя обошла все комнаты, Дали нигде не было. «Эх, что-то не так у нас все идет». Она сильно расстроилась. Приняв душ, супруга Дали спустилась вниз и заказала в баре чашечку кофе. Ей было уже шестьдесят семь лет, и

больше всего на свете она боялась старости. Разве муж мог понять ее страхи, ведь она была старше его на одиннадцать лет. «Женщины увядают быстрее мужчин. Они расцветают только два раза в жизни. В свои семнадцать лет, потом постепенно теряют свежесть и яркость и после сорока пяти опять вспыхивают на некоторое время. И затем навсегда превращаются в старого человека», – думала Гала, которая больше всего не хотела стать старухой. Она постоянно делала пластические операции и держала свое тело в отличной физической форме, стараясь всеми силами остановить время и продолжать цвести ярким благоухающим цветком, на который еще слетались бы красивые мотыльки. Гала пила кофе и размышляла. Нет! Однозначно Сальвадор не мог ее понять. Он жил в каком-то своем иллюзорном мире и не понимал тех диких страхов, которые одолевали ее с возрастом.

Пока Гала предавалась философскому общению сама с собой, Дали наслаждался атмосферой Парижа. Каждый раз гуляя в этом неповторимом городе, он снова и снова влюблялся в его бульвары, красивые дома, небольшие романтические кафе, в старинную брусчатку, по которой в разное время ходили известные персонажи романов великих писателей. У него захватывало дух, когда он пытался представить, сколько художников бродили здесь в поисках новых идей и вдохновения. Дали любовался Парижем осенью, когда город становился особо прекрасен, золотая листва придавала культурной столице мира совсем иной облик, наделяя ее неповтори-

мым шармом.

Он не заметил, как очутился в «Мулен Руж», знаменитом театре, сердце веселья и красок Парижа. Решив заглянуть в одно из заведений, Сальвадор купил билет в отдельную ложу, заплатив за это уйму денег. Он поудобнее уселся в кресле, представление началось. Свет в зале погас. Вдруг вдалеке появился маленький лучик. Медленно открылся занавес, и луч стал расти, внезапно еще несколько лучей ворвались на сцену, и возникла панорама старой Франции с древними крепостями и старинными деревенскими домиками. Заиграла музыка, на сцену по импровизированной дорожке выбежали несколько девушек. Дали посмотрел на них в бинокль: «О, какие красотки! Какие ножки! А фигуры!» Он с огромным удовольствием растянулся в кресле, наслаждаясь лицезрением прелестных танцовщиц, исполнявших национальные танцы, правда, вместо традиционных костюмов на них были короткие юбочки и небольшие накидки на груди. Они впечатляли своими пропорциями и формами. Одни девушки уступали место другим, сменялись декорации и танцы, а Дали как замороженный смотрел на это действие. Он ощущал себя правителем некой сказочной страны, сидящим на огромном троне, а вокруг порхают красивые утонченные бабочки разных расцветок. Дали понял, что ему сейчас нужно. Ему нужен был этот райский сад, где бы он мог любоваться красивыми телами прекрасных дам.

Но вот на сцену вышла высокая стройная девушка, кото-

рая ошеломила Дали своими идеальными пропорциями тела, изумительно красивыми ногами и потрясающим лицом с пухлыми губками и завлекающими глазами. «Не могу поверить! Это просто настоящая богиня!» – не выдержав, воскликнул Дали, когда девушка завершила свой номер. В этот момент спектакль закончился, и опустился занавес. Почувствовав грусть от того, что праздник завершился, прилично уставший художник направился в свой номер в отеле «Мерис».

Ожидавшая его Гала хотела пойти на примирение, но Дали был не склонен к беседам. Он прошел в свою спальню и вновь в одежде и ботинках улегся на королевское ложе. Утром он покинул отель, пока Гала спала.

В Париже у Дали было много друзей, и когда он заходил к ним в гости, всегда интересовался «Мулен Ружем». Как правило, все его знакомые отвечали, что не посещают такие места. И вдруг один из друзей сказал, что частенько там бывает. Дали сразу же оживился:

- А певицу, такую высокую и красивую, не знаешь?
- У нее такой низкий голос еще? Ты эту имеешь в виду?
- Да! – радости художника не было предела.
- Так это Аманда Лир!
- Ты ее знаешь?
- Я был ее продюсером. Она эстрадная артистка.
- Прекрасная девушка, – восхищенно добавил Сальвадор.
- О да! Но она не женщина!

– Как это? – Дали чуть не свалился со стула.

– Раньше она была мальчиком, но юноша страдал раздвоением личности, всем говорил, что он женщина. Наверное, он сошел бы с ума. Я знал его еще тогда, у него потрясающий голос, симпатичная мордашка и просто изумительное тело. Пришлось найти деньги и сделать парню операцию. Так появилась Аманда Лир, которой сейчас восхищается весь Париж. Но, Сальвадор, это только между нами. Я ушел от нее, сейчас у нее более успешный продюсер, я обещал сохранить все в тайне.

– Поверь мне, я – могила! – Дали пожал руку другу и ошеломленный новостью помчался опять в «Мулен Руж». Он купил билет в ложу и снова погрузился в мир волшебной сказки в томном ожидании выступления загадочной певицы. Так он стал постоянным зрителем и главным поклонником Аманды Лир. Его перестало волновать, где проводит свое время его дорогая супруга.

## Глава 40

А Гала сидела в кафе и вспоминала одного из своих любовников. Ему было двадцать два года. Ален был законченным наркоманом, и жить ему оставалось совсем немного, без денег, брошенный всеми, он болтался по улицам Нью-Йорка в ожидании страшного конца. Парень, медленно угасая без наркотиков, еды и жилья, сидел у входа в метро и желал только одного – быстрее умереть, чтобы не мучиться. Гала пожалела его. Она подобрала парня, накормила, одела, привела в порядок. Несмотря на то что ей тогда было уже шестьдесят пять лет, молодой человек страстно влюбился в свою спасительницу и не мог без нее жить. Она все свободное время уделяла ему, получая взамен горячие ласки, а Ален свою энергию отдавал только Гале, единственному человеку, ради которого хотелось жить. Она устроила его на курсы танцев и пения и помогла участвовать в кастинге популярного мюзикла. Гала бескорыстно и очень горячо любила молодого человека, но он провалился на отборе. Она не смогла смириться с этим, мужчины-неудачники были ей не нужны. Ее магия заключалась в умении возвращать в них талант. Сейчас Гала читала письмо от Алена. «Я больше не принимаю наркотики, не пью и не курю, но я не могу без тебя, каждый день для меня превращается в пытку, я умираю от одиночества, без тебя мне не жить. Вернись, я готов ради тебя на все».



Гала вспомнила его красивое лицо, густые светлые волосы, его бездонные голубые глаза. А как он любил ее, сколько страсти было в нем, как нежно целовал. В его глазах она видела собственное отражение, но то была совсем молоденькая девочка, ради которой Алэн был готов на все. Она жалела этого парня, который, пожалуй, был самым бескорыстным и искренне любил ее. Но Алэн был неудачником. Душа Галы говорила: «Он любит тебя, не бросай его, дай ему хотя бы шанс, чтобы Алэн жил». Но практичность твердила о другом: «Неудачник! Зачем он тебе нужен? Ты создана для другого! Ты богиня, которая пробуждает в мужчинах Божий дар! Неудачники тебе не нужны». И Гала бросила парня. Он чуть ли не каждый день писал ей письма. Но она была создана для других и не могла растрчивать себя на посредственность.

– Извините, Вы Гала Дали? – чей-то мягкий голос отвлек ее от воспоминаний.

– Да! А что Вы хотели?

– Вам телеграмма!

– Откуда?

– Из Нью-Йорка, сначала она была отправлена в Испанию, а потом оттуда – сюда, по адресу, который Вы оставили.

– Спасибо! – она взяла сообщение. Оно было от ее приятельницы: «Дорогая Гала, ты помнишь Алэна Тепа? Он сегодня умер от передозировки наркотиков. Приношу свои соболезнования».

Женщина уронила телеграмму. Ее любимый мальчик, так она называла Алена, лежал мертвый в морге. Слезы выступили на глазах Галы. Ведь он был совсем еще юным, ему исполнилось всего лишь двадцать четыре года. Он мог бы еще долго жить и радоваться миру, а он лежит в холодном морге, брошенный всеми и никому не нужный. Она зарыдала. «Это я его убила, сначала подобрала на улице, дала надежду, а затем бросила умирать, – рыдая, она повернулась к бармену: – Налей мне, дружок, водки!»

Дали шел в номер через большой вестибюль отеля «Мерис», когда к нему подбежал управляющий:

– Дон Дали, там Ваша супруга.

– И что?

– Она пьяна!

– Ну что же, голубчик, попросите своих людей привести ее в номер! – и художник спокойно пошел дальше.

На следующий день Гала встала очень поздно, голова раскалывалась. Она не помнила, где была и как оказалась в своей комнате, ее тошнило. Мужа опять не было. «Как я устала от всего этого», – простонала Гала и направилась в ванную комнату, чтобы принять холодный душ. Она вспомнила вчерашнюю новость и своего юного Алена, который полюбил ее чистой юношеской страстью. Слезы вновь выступили на глазах у женщины при одном упоминании этого падшего ангела, как она его называла. Гала придала ему силы и окрылила, казалось, ангел вновь вознесся в небеса, но в самый послед-

ний момент она своим равнодушием обрезала ему крылья, и он камнем рухнул на грешную землю и продолжил убивать себя наркотиками из-за дикого одиночества и бесконечного страдания. «Я его убила! – горестно подумала Гала. – А что я, собственно, могла ему дать? Любовь? А способна ли я на нее? Конечно способна!»

Она вспомнила всех своих любовников, своего первого мужа – всех этих мужчин она любила. Ей нужна была многогранная любовь. И все, кого Гала любила, дарили ей то, в чем она так нуждалась. Она всегда это ценила. Мужчины приходили в ее жизнь и уходили, и каждого она помнила, берегла в своей душе подаренную ими теплую частицу. Мужчины покидали Галу по разным причинам, но никто из них не мог забыть эту необыкновенную женщину. И она это знала. «Что-то я совсем раскисла! Надо немного проветриться и найти успокоение», – пробормотала она себе под нос, вызвала такси и направилась в бар, который славился своими свободными нравами, искать нового спутника на парижский период жизни.

## Глава 41

В Париже Дали снял большую холостяцкую квартиру, куда пригласил девочек из «Мулен Руж». Он ждал ее. Но ее не было. Сальвадор заказал много шампанского, заставил все комнаты цветами, на столе стояли закуски и много конфет. Раздался звонок в дверь. На пороге стоял сам хозяин: «Здравствуйте, девочки». Танцовщицы неохотно шли на контакты с поклонниками, но перед ними был сам Сальвадор Дали. Они с опаской прошли в квартиру. «Смелее, мои киски. Обещаю сильно Вам не докучать. Я просто хочу повеселиться. А, вот еще, каждая получит по пятьсот франков». Настроение девушек сразу поднялось. Других мужчин в апартаментах не наблюдалось, а провести время в компании великого художника, про которого ходило столько слухов, было даже забавно. Дали начал открывать шампанское и угощать девушек. «Ах да, пардон, мои дорогие, я же забыл представиться! – воскликнул он. – Перед Вами сам он – великий и ужасный Сальвадор Дали. Вы его, наверное, видели?!» – и он достал флакон духов, выпущенных под собственным брендом, и показал на свой портрет на флаконе. Все засмеялись.

– Предлагаю игру!

– Какую? – поинтересовались девушки.

– Играем в дурака, на раздевание! Согласны?

– А Вы, дон Дали, не боитесь уйти отсюда без штанов?

– Я? Не боюсь!

Художник оказался очень интересным собеседником и создал вокруг себя непринужденную обстановку. Шампанское лилось рекой. Когда Дали выкидывал свои шутки, все хваталось за животы от смеха. Вскоре гости оказались голыми, и Дали предложил сыграть в прятки. Ему завязывали глаза, а он, как настоящий охотник, гонялся за девушками. Они, весело визжа, носились по квартире, запрыгивали на диван, стол, кто-то пытался залезть на шкаф. Когда он ловил очередную жертву, ощупывал лицо и пытался угадать, кто это. Если художник правильно угадывал ее имя, она получала еще пятьсот франков. Теперь все девушки хотели непременно попасть в руки Дали.

Утром уставшие, но веселые гости расходились по домам. Время пролетело быстро, страхи куда-то исчезли, каждая девушка получила обещанные ей деньги, также Дали лично преподнес флаконы дорогих духов «Сальвадор Дали». Веселые, они выходили из квартиры, и каждая тепло целовала художника на прощание. Всего за несколько часов он стал очень близок им. Уходя, они испытывали ощущение, что давно знают этого доброго престарелого человека с его искрометным юмором и нестандартным поведением. Дали тоже был весел, но он ждал ее, которая почему-то не пришла.

Две недели художник организовывал вечеринки, на них приходило все больше и больше танцовщиц и певиц. И де-

ло было не в пятистах франков, которые он выдавал девушкам. Их прельщала обстановка, царившая в этой квартире, но главной причиной был сам Сальвадор Дали. Находиться рядом с ним было большой честью для многих особ королевских кровей, а простым девушкам и присниться не могло, что они будут весело проводить время рядом с самим Дали.

Прошла неделя, а ее все не было. Сальвадор загрустил, ему не доставляли радости все эти красавицы, он хотел видеть только ее. Художник уже почти потерял надежду, как вдруг в дверь позвонили. Дали открыл дверь. В прихожей стояла она. Сальвадор подошел к ней с изумленным видом:

– О, какой прекрасный скелет я вижу перед собой! Еще ни разу не видел такой красоты.

– Вы хотите сказать, что я слишком тощая? – спросила обиженным тоном девушка.

– Ах, какой прекрасный череп! – Дали подошел ближе. – Такого я еще никогда не видел!

– Что Вы хотите этим сказать? – возмутилась Аманда Лир. Дали обошел девушку со всех сторон.

– Я еще ни разу не встречал такой красавицы! – он нежно взял ее за руку. – Пройдемте, моя принцесса! – И они вошли в большую залу.

– Минуточку внимания! – громко объявил хозяин. Все повернули головы в сторону Дали. – Разрешите представить мою фаворитку, мою прекрасную донью, моего лучшего друга – Аманда Лир!

Все громко зааплодировали и дружно закричали. Девушка вся покраснела, но деваться было некуда. Она оценивающе посмотрела на Дали: «Ему уже лет шестьдесят, волос мало, на голове лысина, лицо морщинистое, от него дурно пахнет изо рта». Но стоило ей поднять глаза и встретиться с Дали взглядом, как непостижимое тепло, исходящее от него, поманило девушку с такой необъяснимой силой, что ей стало как-то не по себе. А когда он стал веселить публику, ее первое впечатление о нем изменилось, перед ней предстал абсолютно другой человек с бьющей через край энергией и совершенно другим лицом. Девушка вдруг осознала, что этот художник, в общем-то, ничего и очень даже красив. Его юмор покорила ее, и его лысина куда-то исчезла. Да и вообще, разве это играет какую-либо роль?! Ведь рядом с ним она почувствовала себя так комфортно, как не чувствовала никогда до этого. Сальвадор притягивал ее. Одиночество Аманды, связанное с ее тайной, рядом с ним растворялось, зажигая жизнь новыми красками и смыслом.

## Глава 42

В Париже Дали открывал свою персональную выставку. В этот раз он щедро наградил папарацци сюрпризом, посетив торжественную церемонию в неожиданной компании. И вскоре эта самая горячая новость попала в издания и на телеканалы, а потом устремилась к читателям и телезрителям в виде крупных заголовков репортажей.

Гала сидела в баре с двумя молодыми людьми, которые явно намеревались продолжить знакомство в более интимной обстановке, когда по телевизору показали открытие какой-то выставки. «Интересно, чья это презентация?» – подумала она. И тут Гала увидела мужа: «Как он посмел пойти без меня и ничего мне не сказать?» Не успела она от обиды как следует покраснеть, как получила другой более сокрушительный удар. Оператор показал девушку, которая горячо обнимала ее мужа.

– А это что такое? – воскликнула она, не в силах сдержать эмоции. – Эй, бармен, сделай звук громче!

– Но, мадам, кроме Вас в баре много других людей!

Гала выхватила из кармана купюру в пятьсот франков и сунула бармену:

– На! Только сделай звук громче.

Ведущий сообщал:

– Сегодня мы приветствуем вас на открытии выставки из-



вестного испанского художника Сальвадора Дали. Давайте попросим автора картин рассказать о творческих планах и современном искусстве. Дон Дали, скажите, Вы выставляете свои картины, которые были написаны в сюрреалистическом стиле?

– Да, эти произведения написаны в новом стиле. Основы современной живописи заложили великие мастера эпохи Возрождения, все остальное было попыткой достичь их высот в искусстве.

– Скажите, кто-нибудь смог повторить их успех?

– Вы что, смеетесь? Повторить да Винчи или Тициана? Нет на земле таких людей. Живопись – это итальянские мастера, все остальное – это попытка подражать.

Корреспондент не отставал от Дали:

– А кто, по-вашему, на сегодняшний день лучший художник?

– Как кто? – выразил недоумение хозяин выставки. – Вы что, не видите, сколько людей пришло посмотреть на эти картины? Подойдите сюда, видите картину «Тайная вечеря»? Повторить картину да Винчи не смог никто, но посмотрите на это полотно – это картина, которая дает более глубокую трактовку событий, чем полотно великого итальянца.

Корреспондент долго смотрел на картину Дали, ничего не понимая в ней.

– И что Вы хотите этим сказать?

– Как что? – удивился художник. – Величайший художник

современности – это я. Дали не дал живописи превратиться в однообразные копии, которые штампуют почти все художники, он придумал ей новую форму, которая заставляет по-иному смотреть на мир.

Журналист, полностью сбитый с толку словами Дали, задал последний вопрос:

– А где Ваша муза?

– Вот! Вы, что, не видите? – невозмутимо ответил Дали и нежно поцеловал Аманду.

– Ах ты гад такой! – не выдержала Гала перед экраном телевизора. – Я его взращивала, всю жизнь за ним убирала, пестовала в нем талант, а он новую музу нашел! – ее нос как будто стал длиннее, глаза поползли ближе к переносице, лицо вытянулось и больше напоминало мордочку крысы, глаза блестели злостью и ненавистью. Молодые люди, наблюдавшие за переменой в этой похотливой даме, с которой мгновение назад они хотели провести вечер, постарались ретироваться из бара и больше не встречаться с этой колдуньей, умевшей превращаться в милую и привлекательную даму.

– Бармен, водки! – она опять не смогла сдержать свои эмоции, которые сейчас извергались страшной лавой, грозя разнести все вокруг.

## Глава 43

Пьяную Галу привезли в отель и подняли в номер. Служащие отеля аккуратно уложили ее в постель. Во сне Гала услышала блеяние коз. Что это такое? Она с огромным трудом открыла глаза. Было почти двенадцать часов дня, а рядом с ней стояла коза, которая, почтительно кивая головой, ела цветы в вазе.

– Ах ты! – закричала Гала. – Пошла вон отсюда! – она схватила трубку телефона: – Портье, у меня в номере козы! Как вы смеете? Быстро уберите их!

– Извините, мадам, но это Ваш муж приказал пустить коз! Я ничем не могу Вам помочь!

Женщина решительно вскочила. Она схватила трость Дали, которая стояла в прихожей, и начала гонять бедных животных по всем комнатам. Но они умело изворачивались и быстро ретировались от разбушевавшейся доньи. «Ну погодите у меня!» Гала прибавила скорости, набросилась на коз с новой силой. Они разбегались в разные стороны, ловко прыгая то на старинные диваны, то на антикварные столы, на кровати и тумбочки, разбивая при этом дорогую хрустальную посуду и приводя в негодность все, что попадалось на их пути. Гала еще долго носилась с тростью за козами, пока обессиленная не села на ковер посреди большой залы. И тут раздался истерический хохот мужа:

– Моя дорогая, это бесподобное зрелище! Подумать только, моя муза гоняется в поисках моих идей!

Женщина не сдержалась и изо всех сил швырнула в появившегося мужа его трость. Дали едва успел увернуться и опять разразился заразительным хохотом. Гала не выдержала и тоже рассмеялась, представив, как погоня за козами выглядела со стороны.

Так они прожили в Париже целый месяц. У каждого своя жизнь, и только по утрам они встречались и смотрели друг на друга с дикой ненавистью и страстью одновременно. Дали везде размещал фотографии со своей возлюбленной Аmandой Лир. Но утром он обнаруживал, что на фотографиях вырезано лицо прекрасной девушки. Дали тут же заказывал новые фотографии, и через час они висели на прежнем месте в целостности и сохранности. Утром все повторялось вновь. Так могло продолжаться до бесконечности.

И тут Гала заметила, что в этой суете Дали совсем перестал писать картины, заниматься дизайном и разрабатывать новые рекламные кампании. Вся его энергия уходила на войну с ней. «Ну нет, – решила она, – мое предназначение – созидать, раскрывать талант, я создана для успеха, а не для разрушения». Преодолев в себе гордыню, она подошла к мужу. Дали в это время расплачивался с сотрудниками отеля за пойманных мух. Они по его распоряжению наловили насекомых, и сейчас он выдавал им деньги согласно установленной таксе.

– Спасибо, мои друзья! Мухи хорошие! Такие брюшки блестящие – это хорошо! А вот эту я не возьму: она больная и Вы помяли ей брюшко, такого качества мне не нужна.

Он внимательно осматривал каждую муху, как будто выбирал бриллианты в дорогом антикварном магазине. Гала стояла и терпеливо ждала, когда муж закончит очередную свою забаву. Наконец, он завершил процесс отбора мух и расплатился. Служащие отеля ушли, пересчитывая на ходу полученные деньги.

– О, Гала, как тебе мои мухи? Посмотри, какая прелесть!

– Да-да, они прекрасны, но у меня есть разговор к тебе. Послушай, Сальвадор, так больше жить нельзя, мы разрушаем друг другу жизнь! Нам надо с тобой договориться и больше не ссориться.

– Мне договариваться с тобой? Зачем? Тебе всего мало. У нас есть слава, деньги, прекрасный дом, у нас с тобой неограниченные возможности, но тебе все мало. Ты ненасытна, и это твоя беда.

Женщина спокойно выслушала все обвинения:

– Сальвадор, милый мой, зачем мы ссоримся? Мы стали известными и богатыми только благодаря тому, что мы вместе. Тебе хочется наслаждаться обществом молодых девушек – это твое желание, и я его уважаю!

– Послушай, Гала, конечно, я люблю красивые женские формы, но я к этому отношусь только с позиции художника, а ты мне постоянно изменяешь и предаешь меня.

– Ах, Сальвадор, Сальваторе, я никогда тебя не предавала... То, что иногда бывало у меня с мужчинами, – это не моя вина, и ты сам это знаешь. Ведь я женщина, и мне просто нужен мужчина. Понимаешь, мужчина, а не человек. Больше всего на свете я люблю тебя, потому что только с тобой я почувствовала себя великой женщиной, – на глазах Галы выступили слезы. Дали не выдержал:

– Моя Гала, иди ко мне! – и он крепко обнял ее.

Вскоре Гала познакомилась с Амандой Лир, и теперь их часто видели вместе на приемах, званых вечерах и официальных мероприятиях: Сальвадор, Гала и Аманда. При этом все удивлялись тому, какие теплые отношения сложились у Галы с ее молодой соперницей.

– Все, я устал от Парижа! Гала, поехали домой! Все эти праздники мне надоели, хочется побыть в уединении.

Уже утром супруга давала команды сотрудникам отеля «Мерис», грузившим в машину чемоданы и вещи. Сальвадор стоял у окна и молча прощался с Парижем: «Вот и закончился праздник! Пора за работу!» Он в последний раз окинул взглядом апартаменты и не спеша пошел к лифту. Когда Дали проходил через вестибюль, служащие отеля провожали его, махая рукой. Им всем стало немного грустно: «Конечно, этот художник – немного странный человек, но с ним всегда было весело, у него было много причуд, и еще он щедро платил».

Дали сел в машину, Гала нажала на газ, и машина тро-

нулась, покидая Париж и унося великого художника в новую историю его жизни. Ему не жаль было расставаться с этим прекрасным городом, с вечеринками и даже с его любимицей Амандой Лир. Все это уже порядком поднадоело Сальвадору, корабль души художника опять отчаливал от гавани, чтобы отправиться в странствие по поиску самого себя. Он смотрел на Париж, его улочки и широкие авеню, которые сейчас его не трогали. Опустошенный Дали возвращался домой и закрывал все ящички души, чтобы больше туда никого не пускать.

## Глава 44

Уже поздно вечером они добрались до своего дома. Га-ла сразу пошла спать, а Сальвадора мучила бессонница. Он вышел во двор и долго смотрел на звездное небо. Ему уже шестьдесят шесть лет. Он вспомнил свою картину «Всадник смерти», которую нарисовал почти тридцать четыре года назад. Тогда у него произошел разрыв с его друзьями из Ассоциации сюрреалистов, которые в свое время очень тепло отнеслись к нему, еще неизвестному молодому художнику. С ними было весело, но Дали не разделял их марксистские взгляды, и на этой почве они расстались. Нет, все было не так! Они пытались убедить его в правильности своих идей, а он остался при своем мнении. Дали вспомнил, с какой болью он воспринял сообщение о том, что Ассоциация сюрреалистов исключила его из своих рядов. И как заносчиво он ответил на их решение: «Сюрреализм – это я».

Сейчас художник ходил по своему саду и смотрел на небо. Как быстро пролетело время. Казалось, еще только вчера он был мальчишкой, потом студентом, умерла его мать, началась гражданская война, погиб его лучший друг, опять началась война, Америка. Да, Америка, какое веселое было время. Но все ушло. Его Гале уже семьдесят семь лет. Она страшно страдает из-за того, что стареет, и всячески пытается отсрочить старость, она боится превратиться в немощную



старуху. Вот почему она хочет быть в окружении молодых людей! Она как бы питается их молодостью и этим останавливает свое старение! «Почему же я не понимал этого раньше? Теперь мы становимся чужими людьми. Но кем бы я был без нее? Наверное, я нехорошо поступал к ней. Надо что-то делать. Ведь кроме Галы у меня больше никого нет. Да и кому я нужен? Так, только ради денег».

И он опять вспомнил свою картину «Всадник смерти». Всадник в виде скелета подъезжает к скалам на скелете коня. Вокруг все мрачно и тоскливо. Огромные скалы возвышаются перед всадником. Дали нередко спрашивали, что же обозначают скалы на картине.

– Это старость, – отвечал он, – человек не способен их преодолеть и поселиться в радостном замке бессмертия, над которым всегда сияет солнце и простирается голубое небо. Темные скалы – это немощность, болезни, одиночество и голод. Такая старость ждет нас, и выход из нее – смерть, которая приходит за нами как единственное спасение от всех страданий.

– А что обозначает радуга в углу картины? – часто спрашивали художника.

– Радуга – это надежда, что не все так плохо бывает и в старости.

«Надо самим создавать эту радугу друг для друга», – подумал Дали.

С такими тяжелыми мыслями и слабой надеждой он вер-

нулся в дом и лег спать. Дали проснулся рано утром и пошел в комнату супруги.

– Гала, а помнишь, сорок лет назад я обещал тебе подарить замок?

Она еще не проснулась, так как не привыкла рано вставать.

– Да! – ответила Гала, еще не понимая, чего хочет от нее Сальвадор.

– Я решил подарить его тебе! Одевайся! Поехали!

Ничего не понимая, Гала встала, быстро оделась, привела себя в порядок, и они отправились в небольшое селение Пуболь. Гала все еще не могла понять, чего хочет от нее муж. Они подъехали к небольшому селению, где проживало чуть больше ста человек, в стороне располагался небольшой старинный замок, когда-то принадлежавший какому-то барону. Сейчас он стоял заброшенный, крыша провалена, стены в трещинах. Дали дождался хозяина замка, который приехал с нотариусом, и недолго думая оформил все документы на Галу.

– Но здесь невозможно жить, – возмутилась Гала.

– Не волнуйся, моя дорогая, я сделаю из этой старинной развалины самый знаменитый в Испании замок, в котором ты будешь королевой.

Теперь Дали пропадал в Пуболе все свободное время. Он отреставрировал и украсил в своем вкусе стены, заменил крышу, даже сад оформил так, чтобы его королева, выходя

на балкон, могла любоваться пейзажем, который напоминал бы им их лучшие годы. Дали горел этой работой. Он покрасил стены внутри замка, учитывая вкусы и пожелания жены. В большой зале установил небольшой каменный помост, на который вели ступени, и на нем разместил трон королевы, чтобы она почувствовала себя богиней в этом оазисе молодости и радости.

Через год упорного труда Дали привез супругу в замок.

– Моя дорогая, этот замок твой, мечта всей твоей жизни сбылась – ты здесь королева и богиня! Моя Гала, это все твое. Только ты здесь хозяйка.

Женщина ходила по замку. Ее потрясло, с каким вкусом ее Сальвадор создал этот шедевр, иначе нельзя было назвать это произведение архитектуры, дизайна и живописи.

– Замок Пуболь теперь – твоя официальная резиденция, – с этими словами Дали опустился на одно колено и как настоящий испанский рыцарь вручил даме ключ от дворца и своего сердца, которое и так давно принадлежало величественной донье. Гала подпрыгнула от радости.

– Мой милый друг, спасибо! Я так рада! Ты просто не можешь себе представить... – но тут она умолкла, по ее лицу еле заметно пронеслось облачко сомнений. – Мой друг, у меня есть еще одна просьба!

– Какая? – весело спросил Дали.

– Понимаешь, мой милый Сальваторе, я хотела бы жить одна в этом замке!

– Я знаю, моя королева, ты будешь жить в нем одна, а я буду часто приезжать к тебе. Ты согласна?

– Конечно! Но есть еще одно условие.

– Какое? – удивился художник.

Гала немного запнулась, ей было неудобно выдвигать условия при получении такого шикарного подарка.

– Конечно, ты будешь приезжать ко мне, но только с одним условием.

– Я приму любое твоё пожелание! – живо ответил Дали.

– Ты будешь приезжать ко мне, когда я разрешу тебе, но ты обязан подать заявку заранее и получить от меня письменное разрешение.

– Конечно, моя дорогая Гала! Я принимаю твои условия.

Дали с большой теплотой наблюдал за тем, как искренне радуется подарку его жена, и понимал, что сейчас она будет вдалеке от него. Но это был единственный способ сохранить их отношения.

## Глава 45

Впервые Дали вернулся домой без Галы. В углу стояла очень странная картина, которую он написал два года назад. Художник достал полотно и вновь окунулся в свои страшные грезы, пока изредка, но все-таки навещавшие его. Это была картина «Всадники апокалипсиса». Дали понимал, что время уходит. Как сложится мир в будущем? Есть ли Бог на свете? Что творится на Земле? Уроки войны прошли даром. Все снова возвращается на круги своя. Две сверхдержавы встали друг против друга, угрожая всему миру. И именно в это время, незадолго до конца света, Бог посылает на землю предупреждение в виде всадников апокалипсиса.

Дали вспомнил период создания этой картины. Постоянные ссоры с Галой изматывали его. Однажды в порыве гнева он столкнул ее с лестницы, и она, кубарем слетев вниз, сломала два ребра. «Почему я становлюсь таким, почему нетерпение и агрессия все чаще одолевают меня?» Дали понял: надо все менять в жизни. А если оставить все как есть, то будет плохо.

Расстроенный, он лег спать, долго мучаясь оттого, что сделал близкому человеку очень больно, а мог бы и убить. Ночью из глубоких тайников его подсознания явились во сне всадники апокалипсиса, они неслись ему навстречу с огромной скоростью, уничтожая все на своем пути. Дали вскочил:

«Господи, помоги! Не дай случиться беде». Он долго молился, прося у Бога прощения за все допущенные прегрешения. Художник просил прощения у Бога и молился за здоровье Галы, которую он так боялся потерять.

Еще ночью он пошел в свою мастерскую, перед глазами у него стояли всадники. Дали достал мольберт и чистый холст. Подобрал нужные кисти, развел краски, все сознание полыхало. Всадники неслись прямо в его голове, приводя художника в состояние дикого ужаса. Мазок, еще мазок. Взмах кисточки, еще один. Он остановился: нет, не так! Дали поменял холст и снова начал писать картину. Опять не так! Снова новый холст. Всадники с дикой скоростью неслись у него в голове. Он закрыл глаза, кисточка сама повела руку по холсту. Так, вот так... Еще немного здесь и здесь. Художник почти на ощупь писал свою картину. Всадники замерли. Рука выводила контуры, когда все опять понеслось с дикой скоростью, размазывая очертания картины. Дали остановился, сел на стул. Впереди мчался посланник Бога на белом коне «Истина Благословенная» – предупреждение людям, что нельзя взращивать в себе ненависть и злобу. Дали понял намек божьего посланника. Первый всадник несется с большой скоростью, пытаясь предупредить о надвигающейся опасности. Но его пока мало кто замечает. Люди часто не способны слышать мудрые предупреждения, эмоции и злость застилают им глаза.

И вот, догоняя первого посланца Бога, сзади мчится вто-

рой всадник на красном коне. Красный цвет – символ крови и огня, он старается догнать посланника Бога, опередить его и воспользоваться укоренившейся в сознании людей агрессией, он провоцирует выплескивание их злобы наружу и порождает войну. Дали запечатлел этот момент на картине. Война! Война! Сколько людей она унесла, сколько прекрасных личностей уничтожила. Он опять вспомнил своего друга Гарсию Лорку. Ведь если бы жители Испании тогда прекратили вражду, сколько бы их осталось в живых. Но никто не прислушался к первому всаднику, которого послал Бог, его просто проигнорировали. И чем все закончилось? Красный всадник войны несся с бешеной скоростью по миру.

В голове опять ожила картина, и уже третий всадник мчался вдогонку красному коню. Это был черный конь. Он рвался вперед, стараясь не особо отставать от красного коня. Черный знак, пугающий всех, – символ голода. Голод на картинах Дали обычно символизировали вареные бобы – пища самых бедных людей. Начиная войны, люди обрекали себя на голод и нищету. Дали мучительно всматривался в картину. Бог говорит ему: «Остановись, Сальвадор, усьмири злобу и ненависть к Гале, война тебе не нужна! Ты тратишь свои силы на разрушение!» И в это время в сознании Дали возник последний всадник, он был бледным и почти невидимым. Это символ смерти и ада, в который превращается все вокруг. Дали осенило: ведь так он может потерять Галу, а без нее у него не будет жизни, и тогда только сплошной ад ждет

его впереди. Картина была готова.



## Глава 46

В сознании Дали произошло полное переосмысление его отношений с Галой. Каждую зиму они покидали Испанию и улетали в Калифорнию или Париж. Каталонское дождливое время навевало на них скуку, и они устремлялись на пляжи Калифорнии. Гала, несмотря на свой возраст, сохранила красивую фигуру, когда она шла по пляжу своей величественной походкой, многие мужчины бросали заинтересованные взгляды в ее сторону. Дали льстило, что на его супругу так оценивающе смотрят. Когда они возвращались в Испанию, Гала удалялась в свой замок, который был полон убажжающими ее молодыми людьми. Кто-то приходил в замок на день, кто-то – на неделю, а некоторые даже на год. Но ей все было мало. Каждый день вокруг нее появлялись новые молодые красавцы, которые ради денег, а порой из-за любопытства посещали дворец. Однако в основном их прельщало внимание самой музы великого Дали. Галу знал весь мир, и веселое времяпрепровождение с такой знаменитостью было честью для многих горячих испанских парней. Она сама определяла, с кем и когда встречается, Дали в этом графике времени не находилось. Он написал ей письмо: «Дорогая Гала, сможешь ли ты уделить мне свое драгоценное время?» Гала отвечала: «Мой милый друг, я всегда рада тебя видеть, но пока я очень занята, как только освобожусь, буду очень

рада тебе». Дали немного расстроился, но долго переживать он не очень любил и срочно звонил в Париж: «Моя крошечка, папик хочет тебя видеть!» И Аманда сразу неслась в аэропорт, чтобы побыть с Дали. Они прекрасно проводили время в большом доме художника в шумной, веселой компании друзей. Они веселились, дурачились, катались по морю на скоростном катере, посещали самые дорогие рестораны. Так проходил месяц, и Аманде нужно возвращаться в Париж, где ее ждали концерты, звукозаписывающие студии, телевидение и зрители. Дали тепло прощался со своей фавориткой, которая была выше его ростом:

– До свидания, моя малышка! Я буду ждать тебя, мой поющий птенчик, – он нежно целовал ее и провожал на самолет, а потом возвращался к своим друзьям.

– Как вам моя Аманда?

– О, очень приятная девушка! Просто потрясающей красоты!

– Ха-ха! Девушка?! Это мужик, и я весело провел с ней время, – он заливался диким смехом, а окружающие озадаченно смотрели, не понимая, как реагировать на очередной розыгрыш Дали, хотя все уже привыкли к его чудачествам.

Приближалась юбилейная дата, Дали исполнилось семьдесят лет. Весь мир готовился торжественно отметить это событие. Но главные торжества должны были состояться на родине художника. В честь Дали организовали грандиозный праздник в традиционном испанском стиле. Где еще мож-

но было отметить день рождения великого испанца, как не на корриде, все обширные трибуны которой были заполнены зрителями: здесь были королевские особы, министры, высокопоставленные гости из-за рубежа, известные писатели, художники, музыканты, певцы, знаменитые спортсмены и самые известные люди со всех уголков мира. Все ждали появления юбиляра.

Заиграла торжественная музыка, и под грохот барабанов на поле выбежали несколько десятков быков. Что задумал этот Дали?! Пока никто ничего не понимал. И вдруг заиграла музыка тореадора, на поле появился сам Дали в костюме укротителя быков и с большим красным плащом – капоте, накинутым на плечи. В его облике особо выделялись дорогой вышитый костюм и треугольная шляпа. Все одеяние говорило о мастерстве тореадора. Еще немного – и художник отчаянно бросится на огромных свирепых животных. Музыка ускорила темп, и среди мычащих и в нетерпении бьющих копытом о землю быков Дали странно проскочил вперед. Он выхватил две красочные палки – бандерильи и со всей силы стал наносить удары по спинам быков. Но почему-то палки тут же отскакивали от мускулистых спин быков, равнодушно смотрящих на Дали. Художник со свирепым видом подпрыгивал вверх, его усы поднимались, а глаза округлялись до невообразимых размеров. Он махал своим капоте направо и налево. Мужеству непревзойденного мастера сюрреализма завидовали в этот момент даже тореадо-

ры. Так он лавировал между быками, которые к тому времени успокоились и с недоумением смотрели на юбиляра. Через мгновение Дали выехал из стада быков на своем дорогом «кадиллаке» с открытым верхом и чувствовал себя победителем нескольких десятков быков. Он радостно победоносно махал зрителям рукой. «Вы думаете, что мне семьдесят и я старая рухлядь, – думал про себя Дали. – Посмотрите, на что я еще способен!» Он выскочил из машины и хотел броситься на одного из быков, но животное уже успокоилось и воевать как-то не рассчитывало. Бык повернул голову в сторону бегущего на него художника, до безобразия тощего и длинного. Он, боевое животное, должен воевать с этим доходягой? Бык наклонил голову и протяжно замычал: Му! Муу! Мужественный Дали сразу оценил ситуацию, дал здоровому быку возможность еще немного побыть живым и с несвойственной его возрасту прытью бросился в машину. Дорогой автомобиль сделал три круга почета и убыл в неизвестном направлении. Зрители громко приветствовали своего кумира и после отъезда автомобиля долго еще ждали появления юбиляра, но все было в стиле Дали: ярко, спонтанно, неординарно и очень коротко. Так весь мир отметил семидесятилетие великолепного Сальвадора Дали.

## Глава 47

Художник сидел в мастерской и творил свое очередное произведение, когда в помещение вбежал дворецкий Каминада:

– Дон Сальвадор, Вы слышали, умер генерал Франко!

– Когда?

– Сегодня ночью.

Дали уронил кисть.

– Не может быть!

– Он умер! Сообщили по радио и телевидению.

Дали обмяк на стуле. Страх стал заполнять его сознание.

Перед глазами появилась картина «В предчувствии гражданской войны», написанная ровно сорок лет назад. Опять из одного прекрасного человека страна может превратиться в двух страшных монстров, пожирающих друг друга. Но сейчас уже вторая картина – «Всадники апокалипсиса» – предстала перед ним, и первый посланник на белом коне вдруг вырос в его сознании. Бог посылал предупреждение: не позволяйте злобе взрастить войну, берегите мир и страну.

Дали вышел на улицу, в городе все было спокойно, никто не шел на баррикады, никто не звал в бой. «Уфф, – вздохнул художник, – может быть, и пронесет». Многие ругали генерала Франко, но он держал страну в железном кулаке, не давая больше людям уничтожать друг друга. Дали теперь смот-

рел в будущее с большой опаской, помня, что первый всадник апокалипсиса промчался по стране. Догонит ли его второй, красный или все-таки люди прислушаются к голосу разума? Сальвадор очень переживал за будущее любимой Испании, он помнил, к чему привела гражданская война, сколько невинных душ было погублено, сколько несчастья и бед выпало тогда на долю его прекрасной земли. Где-то там, в Мадриде, Барселоне, Валенсии, Гранаде, Севилье, миллионы людей выходили на манифестации в поддержку проведения демократических реформ, а здесь, в маленьком городке, где жил Дали, было тихо и беззаботно. Но художник дико страдал, ожидая, что все изменится и вскоре понесется по Испании красный всадник войны.

## Глава 48

В то время как Гала развлекалась со своими любовниками в замке Пуболь, старый друг художника, дворецкий Каминада, всегда находившийся с хозяином, вызвал скорую помощь для Дали, состояние которого резко ухудшилось. Сальвадора госпитализировали, и преданному слуге не оставалось ничего другого, как коротать долгие тревожные часы в больнице, ожидая, когда выйдет врач и расскажет о состоянии его хозяина. Прошло больше четырех часов. Каминада стал сильно волноваться. Вскоре вышел врач.

– Вы кто?

– Я дворецкий дона Дали.

– Хм. Вы знаете, что Ваш хозяин – наркоман?

– Не может быть! Дон Сальвадор практически никогда не пил, он не принимал наркотиков. Единственное, что он принимал, это таблетки от депрессии.

– А кто настоял на этих лекарствах?

– Его супруга Гала! – ответил пораженный такой новостью дворецкий.

– Странно! У него в крови обнаружена очень большая концентрация валиума и амфетамина. Это довольно сильные наркотики, и, судя по всему, их ему давали довольно продолжительное время. – Врач посмотрел на управляющего. – Не позволяйте больше давать дону Дали никаких таб-

леток, кроме тех, которые выпишу я. Сейчас Вашему хозяину придется провести несколько недель в больнице, у него страшная интоксикация организма, он будет несколько дней лежать под капельницей, затем мы будем бороться с ломкой, физической зависимостью. Затем надо восстанавливать психику. Наркотики давали временное успокоение и одновременно разрушали его мозг. Вы должны оберегать дону Дали от любых попыток дать ему наркотики. Вы поняли?

– Да, конечно, доктор! Я работаю у него больше тридцати лет, и он мне глубоко не безразличен.

Вскоре в больницу прибежала Гала.

– Где мой муж? Что Вы с ним сделали? А ты куда смотрел, старый дурак? – набросилась она на дворецкого.

Каминада опустил голову. Он не хотел, чтобы она видела его ненависть к этой страшно неблагодарной женщине, которая вытягивала из мужа все деньги на свои похотливые похождения и при этом травила его наркотиками.



## Глава 49

Через два месяца Дали выписали из больницы, его здоровье было сильно подорвано, буквально за пару лет из энергичного искрометного человека он превратился в дряхлого старика. Дворецкий больше не оставлял Галу наедине с Дали. Он проверял все тумбочки, полки и стол хозяина после ухода его супруги. Художник много времени проводил в своем саду, любуясь цветами. Вскоре его пошатнувшееся здоровье постепенно стало приходить в норму. Смотря в небо, Дали осознавал, что жизнь уходит: «Странно, я всю жизнь шифровал в своих картинах заклинание на вечность. Но вечная жизнь разбитым стариком мне не нужна. Видимо, я не закончил свое колдовство, надо сделать еще несколько шагов, чтобы свершилось пророчество».

Он попробовал писать картины, но сейчас идеи покинули его. Муза витала где-то далеко, оставив пожилого человека, который сейчас тратил свои силы не на созидание, а на борьбу с болезнями, атаковавшими его со всех сторон.

Гала проводила все свое время в замке Пуболь, где всю веселилась с молодыми красавцами, приезжающими к ней со всех концов Европы. Она была очень обходительной и доброй. Юноши и мужчины дарили ей свою молодость и энергию, которыми она заряжалась на некоторое время. Но эта энергия уходила все быстрее и быстрее. Она с невероятной

скоростью меняла любовников и часто стала заниматься любовью с двумя, а иногда и с тремя молодыми людьми. Все они покидали замок не только с воспоминаниями о волнующих минутах с голодной пестрокрылой хищницей, но и с солидным заработком. Кто-то получал дорогие подарки, кто-то – новый автомобиль, а самые трудолюбивые и способные – квартиры. Гала не жадничала, она понимала, что молодость не купить ни за какие деньги, а вот иллюзию можно измерить определенным количеством нулей на банкноте.

В это время Дали думал о будущем. Деньги потихоньку уходили, ничего нового он уже создать не мог. Надо было что-то предпринимать. С Галой он больше не хотел иметь дела. Сидя во дворе, Дали неожиданно обратился к дворецкому:

– Мой друг, пригласи ко мне Аманду Лир, я хочу ее видеть!

Уже на следующий день знаменитая певица и модель была в доме Дали.

– Привет. Что случилось, милый? – она поцеловала Сальвадора. Ей было больно смотреть на этого разбитого болезнью старика. А ведь когда-то он был весел, жизнерадостен и излучал огромную жизненную силу.

– Дорогая Аманда! Моя девочка! Мне нужна твоя помощь! – Аманда помнила, как много хорошего сделал для нее в свое время Дали, как помог стать известной певицей и моделью, и теперь ей хотелось как-то отблагодарить этого

прекрасного старика и исполнить его желание. – Я хочу создать театр-музей таким, каким он был, когда мы с тобой познакомились: веселый, необычный, дикий и потрясающий.

Втроем они взялись за дело. Аманда и Каминада оформляли покупку дома, Дали следил за ремонтными работами внутри театра, он тщательно подбирал краски для стен, потолков, устанавливал свои картины, придумывал нестандартные решения. Но вскоре Аманде нужно было возвращаться в Париж. Это была их последняя встреча. Дали вышел проводить свою любимую девочку.

– До свидания, Аманда! Мы уже не увидимся, но я тебя очень любил и благодарю за те счастливые дни, что ты подарила мне. Я не всегда был тактичен с тобой, но мне всегда было с тобой хорошо! Спасибо тебе, моя девочка! – он тепло ее обнял. Аманда поцеловала его в небритую щеку и заплаканная бросилась к машине, она не могла больше сдерживать слез. Машина уносила ее на север, а в ее заплаканных глазах стоял образ еще нестарого веселого и сумасшедшего Дали. Она прекрасно понимала, что это их последняя встреча, и от этого на душе становилось нестерпимо больно. Теперь Дали горел только одной целью – создать свой музей. Слух об открытии музея дошел до Галы, и она сразу же нашла время, чтобы навестить дом Дали.

– Сальвадор, зачем ты вбухиваешь все наши деньги в этот музей, кому он нужен? Твои картины и так висят во всех крупных музеях мира.

– Ах, Гала, моя Гала, музей – это мое последнее гнездо. У тебя есть свой замок, где ты правишь бал, а я хочу иметь свой уголок в этом мире.

– У тебя хватает домов по всему миру. Зачем тебе еще?

– Я хочу свой личный уголок.

Но Гала не успокаивалась:

– Но тут будет собираться много людей, и они не дадут тебе покоя.

– Гала, это мои люди, мои поклонники, благодаря им я стал тем, кто я есть сейчас. Без них и ты, и я были бы никем.

Донья еще долго ворчала, она сильно переживала, что ее супруг все деньги спустит на музей и на ее прихоти ничего не останется. Но Дали в этот раз проявил редкостное упрямство, и женщине ничего не оставалось, как молча смотреть на утеkanie их совместных сбережений.

Когда Гала была в Париже, она познакомилась с молодым певцом, солистом популярного в мире музыкального спектакля «Иисус Христос – суперзвезда», который посмотрели десятки миллионов людей. Гала была на одном из этих представлений и после его окончания решила заглянуть в гримерку.

– Здравствуйте, Джеффи! Я восхищена Вашим выступлением! Можно пригласить Вас на чашечку кофе?

Актер посмотрел на женщину в возрасте и подумал: «Что ей от меня нужно?», но вслух произнес: «А с кем я имею дело?»

– Гала Дали!

От удивления он чуть не лишился дара речи.

– Вы та самая Гала, которая изображена почти на всех картинах самого Дали?

– Да! – равнодушно ответила дама. – Так что же насчет чашечки кофе?

Только теперь Джеффи понял, какая необыкновенная женщина стоит перед ним.

– Конечно, одну минуту, я только переоденусь.

– Ничего, я подожду Вас здесь.

Он стал переодеваться, а Гала с жадностью поглощала взором красивое тело рок-певца. Через полчаса две знаменитости вошли в ресторан. Они долго сидели за столиком и разговаривали о музыке, искусстве, о жизни. Молодой человек чувствовал себя особенно комфортно рядом с этой женщиной. Она встала из-за столика:

– Я сегодня улетаю в Барселону. Хочу пригласить Вас в свой замок.

– Когда к Вам можно приехать? – Джеффи тоже встал, чтобы попрощаться.

– Я сообщу, – и она быстро покинула ресторан.

## Глава 50

Кошелек четы Дали худел на глазах, даже многочисленные интервью Сальвадора на телевидении не способны были исправить положение, хотя телеканалы платили неплохие деньги. Определенный доход приносили книги, издававшиеся во многих странах, но этого было мало. И Галя придумала новый способ пополнения своей личной копилки. Она пришла к мужу:

– Послушай, дорогой, тебе надо вот здесь поставить свой автограф.

– Зачем? – удивился Дали.

– Послушай, милый, тебе какая разница? Ставь подпись!

– А зачем так много?

– Вот тебе тридцать долларов за каждый лист! – и она подсовывала ему все новые и новые листы. За три часа он заработал почти три тысячи долларов. Удивленный такой щедростью жены, Дали покрутил пальцем у виска – этот жест чаще применяли по отношению к нему, но в данной ситуации он больше подходил Гале – совсем на старости лет с ума сошла.

Галя отнесла эти листы в одну из мастерских и поручила молодым художникам нарисовать рисунки по мотивам картин ее мужа.

– Нарисуйте только отдельные детали картины: ты – вот эту, а ты – это, – она по-деловому раздавала указания.

За каждый рисунок Гала выдала по десять долларов. Через месяц эти рисунки неожиданно появились в Лондоне, Нью-Йорке, Гонконге и Токио, где их продавали за десятки тысяч долларов. Подпись Дали была подлинной, и сомнений в том, что это рисунки великого художника, не возникало.

Уставший Джеффи закончил выступление и вошел в свою примерную комнату. На столе лежал бумажный пакет. Он с радостью схватил конверт и достал оттуда билет до Барселоны, адрес и тысячу долларов. Через два дня молодой человек был в замке Пуболь. Гала встретила его в красном платье от «Диор». Она нежно обняла Джеффи.

– Проходи, мой мальчик, посмотри мое убежище.

Специально для него она купила рояль, на котором певец стал играть ей каждый вечер. Ей было уже семьдесят пять лет, когда она безумно влюбилась в рок-звезду.

Дали сообщили, что более ста его рисунков были выставлены и проданы в крупнейших городах мира.

– Какие рисунки? Я ничего не писал в последнее время, а все мои наброски хранятся в театре-музее. Откуда они появились?

Прошло несколько дней. Дали сидел в своем офисе.

– Адория, пригласи ко мне мою супругу.

Секретарша набрала номер замка Пуболь, через час Гала была в офисе.

– Почему ты меня дергаешь и заставляешь, бросив все, мчаться к тебе? – возмущалась она.

– Моя дорогая, скажи мне, откуда появились эти рисунки на торгах в «Сотбис»?

– Я откуда знаю? Твои рисунки, вот и разбирайся сам! – Гала вновь превратилась в маленького хищника, готового броситься на обидчика.

– Я в курсе, что ты своему любовнику купила дом за миллион двести тысяч долларов. Откуда у тебя такие деньги?

– Твое какое дело! – зашипела Гала. – Мне надоело терпеть твою алчность! – она стала наступать на мужа, готовая вцепиться в него своими когтями.

– Мою алчность? Ты тратишь миллионы на мальчишек, чтобы они тебя ублажали! Ты что, не видишь, что уже старуха и эти детки спят с тобой только из-за денег? Я мало их тебе даю? Ты еще и мошенничеством стала заниматься? Ты подрываешь репутацию марки «Дали!» Ты это понимаешь! Все, хватит! Мне все это надоело! Чтобы больше в твоём замке не было никого! Ты поняла?

Тут Гала закричала:

– Ты будешь меня учить, как жить? Посмотри на себя! Ты старая рухлядь, кому ты нужен? Кому нужен твой бренд? Это я раскрутила всю твою маразматическую мазню, внушая людям, что это высокое искусство. И теперь ты будешь меня учить?

– Замолчи! – рявкнул задетый за живое Дали, он схватил трость и изо всех сил начал колотить жену.

От боли она закричала:



– Сальвадор, успокойся! Сальвадор! Не надо! Не бей! Не надо!

Но Дали разошелся не на шутку:

– Маразматическая мазня?!

Гала, вся в крови, выскочила из кабинета, следом за ней неся с палкой в руках весь трясущийся художник. Галу отвезли в больницу, ей наложили несколько швов, она пробыла там несколько дней.

## Глава 51

После той ссоры с мужем в замке Пуболь больше никто не жил. Гала страшно переживала расставание со своей последней любовью, обожаемым Джеффи. Она сидела одна в комнате и вспоминала, как ее любимый мальчик играл ей на фортепьяно. Она закрывала глаза, представляя себя семнадцатилетней невинной девочкой, впервые влюбившейся и охваченной чистым порывом безграничной любви. Как мечтала она именно о такой любви, благодаря которой можно было утонуть в безграничной теплоте и нескончаемой радости. Все в жизни уходит: молодость, красота, энергия, здоровье, и только любовь удерживает человека на плаву, прежде чем его накроет темная страшная волна пустоты и безразличия. Сейчас Гале не интересна была жизнь – все ушло в прошлое, и она покорно ждала последнюю свою спутницу – смерть.

Такое подавленное ее состояние быстро спровоцировало болезнь. Ей срочно нужно было удалять желчный пузырь. У нее еще были силы и здоровье, чтобы жить, но смысла в этой жизни она уже не видела. От большого количества пластических операций кожа на лице Галы стала лопаться, и вскоре она стала покрываться язвами, которые никак не заживали. Дали привез ее к себе домой и положил в свою комнату, из окна которой открывался вид на море. Она могла

видеть водную гладь и небо, этот пейзаж напоминал многие картины ее мужа. Гала часто теряла сознание, и Сальвадор страшно боялся, что она умрет. Она превращалась в беспомощное существо, лицо ее было в гнойных язвах. Дали не мог без боли смотреть на свою Галу. Он поставил между своей кроватью и кроватью жены ширму. Он всегда восхищался красотой своей избранницы, ее красивым телом любовались миллионы поклонников его искусства. Дали винил себя в ее быстром угасании, она лежала пока еще живая в ожидании своего страшного будущего. Белый всадник предупреждал его: не проявляй злобы. Но он сорвался, не послушал посланника Бога, и вот красный всадник апокалипсиса принес войну. Дали знал, что черный посланник уже мчится по его земле, но сделать известного художника нищим он сможет нескоро. Больше всего Сальвадор боялся прозрачного всадника, который вскоре заберет Галу и посеет в его жизни ад. Об этом Дали знал прекрасно. Художник понимал, что супруга принесла ему много боли и разочарований, но, когда последний всадник заберет ее от него, страшная темная волна накроет его и впереди его будет ждать только ад.

Каждое утро он прислушивался к ее дыханию:

– Моя дорогая Гала, только не умирай! Не оставляй меня одного! Гала! Гала! – он начинал рыдать. Весь день он сидел рядом, слушая, как она стонет, и его сердце разрывалось на куски: «Его милая Гала, как она страдает! Как мучается! Почему я не послушал вестника Бога и не удержал свою зло-

бу?» Только сейчас он понял, как страшно остаться в этом мире в одиночестве. По ночам он часто вскакивал и прислушивался, жива ли его Гала.

Газеты писали о том, что жена Дали при смерти. Узнав из газет о болезни матери, дочь Галы Сесиль Элюар примчалась в дом Дали, но Сальвадор не пустил ее к ней, мотивировав отказ тем, что его Гала не хотела бы, чтобы ее видели в таком состоянии. Сесиль умоляла пустить ее к матери, чтобы в последний раз взглянуть на женщину, которая так равнодушно бросила ее в детстве. Она стояла у дверей большого дома и громко рыдала, умоляя разрешить ей провести последние минуты с самым дорогим для нее человеком – ее матерью.

Дали молил Бога не забирать у него Галу, оставить ее еще на несколько лет и забрать их к себе вместе. Больше всего он боялся остаться один. Утром он встал рано, лучи солнца били в окно, голубое небо звало к себе, а яркое солнце говорило о прелести жизни. Настроение Дали улучшилось.

– Гала, сегодня прекрасный день! Я открою окно, и ты сможешь насладиться прекрасной погодой! Гала, ты слышишь меня? – он прислушался: никаких стонов больше не было. Дали побежал к жене: – Гала, моя Гала, ты слышишь меня?

Она молчала. Он потрогал ее распухшее и обезображенное тело. Оно было холодным. Дали сел. Все мигом рухнуло. Небо потемнело. Он сидел рядом с умершей Галой без слез, без боли, лишь с пустотой в душе. Последний всадник апо-

калипсиса промчался по его дому.

## Глава 52

Тело Галы отвезли в морг. Дали безучастно смотрел на происходящее вокруг. Ничто его не интересовало. Он сидел дома, когда ему позвонили.

– Дон Дали, мы приносим Вам свои соболезнования, скажите, когда Вам удобнее забрать тело Вашей жены?

– А для чего? – непонимающим голосом ответил художник.

– Вам ведь надо ее похоронить?

– Да, конечно. Я приеду сегодня и заберу свою Галу.

Он беспомощно положил трубку и позвал дворецкого:

– Каминада, позови водителя, мы отправляемся за ней.

Он устало встал и отправился в морг. Машина подъехала к служебному входу центральной больницы Барселоны. Дали направился в дальнюю часть территории, где одиноко стояло здание морга. Его встретил санитар:

– Проходите вот сюда.

Сальвадор прошел по белым холодным коридорам и вошел в светлую комнату. На хромированном столе лежала его Гала. Она была укрыта белой простыней. Санитар хотел поднять простыню, чтобы открыть лицо, но Дали тихо сказал: «Не надо, я сам».

Он откинул белую ткань и посмотрел на свою супругу. Лицо ее было спокойным и умиротворенным. Смерть она при-

няла с распростертыми объятиями. Ушли все мучения, страхи, и теперь лицо светилось удовлетворенностью. Дали долго стоял у тела Галы. Мыслей не было, но сознание окутывало новое ощущение: «Как я буду жить без нее?» Кто-то тронул его за плечо.

– Где Вы будете хоронить Вашу супругу?

– Что? – Дали вздрогнул. – Хоронить? – тут страшная боль прорезала всю его душу. – Хоронить Галу? – он до крови закусил губы. – Она просила похоронить ее в своем замке, – тихо прошептал он.

Медик удивленно посмотрел на художника:

– Но по закону можно хоронить только на официальных кладбищах.

– Мою Галу похоронят в земле на общем кладбище? Но она этого не хотела...

– Но закон есть закон, – санитар понимающе кивнул головой.

– Хорошо! – Дали вдруг встрепенулся, в нем внезапно проснулась решительность. – Гала будет похоронена там, где она хотела! Возьмите деньги! Оденьте мою жену и отнесите в мою машину!

– Но, дон Дали, этого нельзя делать!

– Я дам Вам в три раза больше! Выполняйте, что я сказал!

Санитар понял, что спорить бесполезно. Тело Галы одели в платье и отнесли на заднее сиденье «кадиллака», Дали попросил медсестру сопровождать его до замка Пуболь.

Дорогой автомобиль выехал из ворот больницы. Охрана видела водителя, рядом сидел пожилой солидный человек с большими усами, а сзади – две женщины. Автомобиль рванул вперед. Машина ехала по улицам Барселоны, на голубом небе светило яркое солнце, нарядные люди гуляли по тротуарам, радуясь жизни, и никто не обращал внимания на проезжающий автомобиль. Никто не догадывался, что это был последний траурный путь легендарной женщины, которую видел, наверное, каждый житель страны, Европы и мира на знаменитых картинах Сальвадора Дали. Уходила целая эпоха. Тихо, незаметно, нарушая законы и ища своего полного успокоения. Автомобиль въехал во двор замка Пуболь. Слуги достали тело Галы из машины и отнесли в дом. Вскоре пришли санитары, они забальзамировали тело, одели его в самое любимое Галой красное платье от «Диор» и положили в специальный прозрачный гроб в заранее приготовленный склеп. Теперь она напоминала Белоснежку из сказки, которая лежала в хрустальном гробу. Казалось, она просто прилегла на некоторое время. Сейчас она откроет глаза и потянется, обнажая свое точеное красивое тело. Дали сидел рядом и любовался женой. Даже сейчас она была необычайно красива, красное платье подчеркивало линии ее тела. Дали не выдержал и разрыдался:

– Гала, на кого ты меня оставила?

Он вспомнил ту безобразную ссору, когда в порыве ярости избил ее своей тростью. «Зачем я это сделал? Зачем? Как



мы не умеем дорожить теми, кого любим...»

Он устало встал. Гроб опустили в склеп и накрыли стеклянной крышкой. Только сейчас Дали осознал, что остался в этом мире абсолютно один.

## Глава 53

Художник поселился в замке, где покоилась его жена. Она мечтала жить в своем замке, и теперь он стал ее домом навсегда. Год назад врачи выявили у Дали болезнь Паркинсона. Тогда художник не придавал этому значения, но сейчас болезнь начала прогрессировать. Ушла Гала, и Дали остался один. Однако у него еще оставалась главная зацепка – живопись, ради которой он трудился, и только она была смыслом его жизни. Дали пришел в свою мастерскую, трясущимися руками достал мольберт и холст. Где-то в углу лежали кисти, художник долго их искал. Он развел краски и попробовал начать писать, но руки тряслись и все время смазывали штрихи, которые он наносил на холст. Художник пытался взять себя в руки: «Сальвадор, успокойся! Все пройдет! Сейчас посидим и начнем заново!» Но все повторялось вновь. Свою боль Дали держал в себе, никого не посвящая в свои беды. Единственным его желанием было создание картины.

Превозмогая себя, он вновь приступил к работе. Дали закрыл глаза. Воспоминания унесли его на пятьдесят лет назад в рыбацкий поселок Кадакес. Большой пустынный пляж, голубое небо, облака, где-то вдалеке виднеется море. Как хорошо все эти пейзажи запечатлелись в сознании. Дали вспомнил, каким он был молодым, как хотелось проявить себя, совершить нечто невозможное. Этот пляж, море, потрясающей

красоты небо в лучах сияющего солнца. Художник, стараясь удержать кисть в руках, наносил первые мазки его будущей картины. Дали пока не понимал, что он напишет. «Начиная картины, я еще не знаю, что будет на них. Моей рукой правит что-то бессознательное, глубоко сидящее во мне. Но сейчас я знаю одно: эта картина должна быть посвящена Гале. Нет, она не умерла, пока живы мои картины – жива и она». Он долго сидел у полотна, нанося мазок за мазком, перенося на холст все свои воспоминания. Было уже поздно, художник не заметил, как прошел день. Идея не приходила. Он отправился спать. Ночью Дали мучили кошмары, то он с пеной у рта начинал кричать на Галу, то бил ее тростью, то толкал с лестницы. Темные страшные руки выползали из разных углов комнаты, пугая его длинными костлявыми пальцами с грязными ногтями. Дали ворочался в кровати, ночное видение пугало его. Он несколько раз просыпался, вскакивал с кровати со словами: «Что? Что? Где я?» и опять измученный падал на матрас.

Под утро Дали успокоился, к нему пришло умиротворение. Рядом на кровати на боку лежала его Гала. Она закрыла глаза, ее подбородок выступал вперед. Дали залюбовался ею: «Какая она у меня красивая! Какие черты лица!» В ней было что-то необычное, очертания ее губ, которые так манили к себе, до боли знакомые щеки, любимый нос – все поражало художника в этом лице. Он не видел глаз, лба – они закрыты спадающими волосами. Сейчас она повернется, потянет-

ся в своей мягкой кошачьей манере, от которой у Дали захватывает дух. Она спокойно спит, умиротворенная, чистая, с мягкими чертами лица. Дали хотел поцеловать ее в щеку, но в этот момент Гала превратилась в облачко, которое потихонечку растворилось в небытие.

Утром художник не стал завтракать, а сел за картину. В это время он превращался в другого человека, только работая он становился тем, кем был на самом деле – серьезным, сосредоточенным тружеником. Он писал по двенадцать, четырнадцать часов в день, забывая про отдых и еду. Дали смотрел на холст, где были набросаны очертания пейзажа близ столь любимого им Кадакеса. Руки тряслись, голова постоянно подергивалась, болезнь прогрессировала, и нужно было спешить. Художник, напрягая всю свою волю, начал выводить очертания профиля любимой Галы, которая лежала на чистой постели. Сейчас ее профиль переносился на пейзаж. Сначала он хотел изобразить ее в ярких тонах, но потом понял, что картина будет не о том. Он бросил кисть, закрыл глаза и подумал о Гале. Сейчас она лежала в хрустальном гробу, бледная и холодная. Можно было подумать, что прекрасная женщина наслаждается спокойствием. Губы Дали затряслись от одного воспоминания о ней. Слезы потекли по его морщинистым щекам. Рука потянулась к кисти, сейчас она не тряслась. Мощными, быстрыми мазками он стал писать столь знакомый и родной образ жены.

Дали не заметил, как прошел день. Он ничего сегодня не

ел. Раньше его Гала принесла бы еду в мастерскую, он не отрывался от работы, она кормила его с ложечки, осторожно вытирая усы и испачканное лицо. Дали помнил, как он сердился, ругался, но она, не обращая внимания, кормила его, заботясь о здоровье великого художника. Сейчас некому было думать о старом человеке, кроме обслуги, но кто он был для них. Художник устал, он отправился в склеп, чтобы побеседовать со своей Галой. Дали молча стоял у могилы жены, моля ее о прощении.

Утром Сальвадор встал рано и поспешил к своей картине. «Моя Гала, я должен принести тебе свой последний подарок». Рука уверенно держала кисть, и вот появились очертания лица любимой женщины. Оно было почти мраморным и холодным, художник придал ему нежно-голубой оттенок – символ величия и монументальности, это была маска смерти. Дали горестно посмотрел на картину. Холодная мраморная маска, а ведь раньше это было яркое, живое лицо удивительного человека. Время было позднее, целый день художник не ел, но он не думал о себе. Все мысли были только о Гале. Ночью Дали снился добрый сон: он с женой в Америке, в Лос-Анджелесе, они гуляют по набережной, любясь красивым золотым закатом. Легкие розоватые облачка светятся над головой Галы. Теплый морской бриз развеивает волосы – кажется, вся жизнь еще впереди.

Утром Дали отправился в мастерскую, он не думал ни о чем, его главной задачей была трансформация маски смерти

в живое лицо дорогой ему женщины. Теперь оно приобрело более теплый цвет, цвет жизни, когда они трудились, вместе создавая незабываемые произведения, покорившие весь мир. Гала ушла в прошлое, растворившись в облаках памяти.

Несколько дней художник творил живую маску Галы, но картина не была закончена. Дали сидел напротив холста, наполненного новым содержанием его главной модели и смыслом большинства картин, в которых хорошо проявлялась его собственная жизнь. В этой картине он прощался с Галой уже навсегда.

Он смотрел на маску жены, и вновь память уносила его в те времена, когда ему было двадцать пять лет. Первая встреча с Галой. Дали понравилась эта женщина, он не мог тогда оторвать от нее взгляда. И в то же время ему было страшно рядом с ней. Она была такая свободная, раскованная, а он, очень стеснительный, с кучей комплексов, боялся ее. Дали вспомнил как, чтобы скрыть свою скованность, он стал хамить Гале. Она посмотрела на него своими удивительными глазами, в которых он утонул в море ее тепла и мягкости. Дали упал в эту бездну, понимая, что более комфортного места он уже не найдет. В этих глазах он увидел себя не дерзким мальчиком, а серьезным художником. И чем больше Дали погружался в них, тем больше видел собственное величие. В них он сумел оторваться от грешной земли и взлететь выше неба, покоряя своим величием весь мир. Дали разрыдался, понимая, что больше ему уже не летать. Без этих глаз не бу-

дет неба, простора, не будет больше крыльев за спиной.

На картине высоко в облаках появилось лицо Галы, оно уносилось в далекую высь, в те лучшие времена его юности, которая исчезает вместе с ее обликом. Дали вспомнил себя. Какое было замечательное время. Вот он сидит на песке и делает наброски Галы, которая сияет в лучах теплого каталонского солнца. И опять все возвращается в настоящее – монах в белом одеянии читает молитву у изголовья смерти, прося у Бога принять Галу в свои широкие объятия, простив ей все прегрешения. Рука опять затряслась, и кисть выпала из рук художника. Он пытался еще добавить какие-то штрихи, но болезнь обострилась. Свой последний подарок Дали повесил в комнате Галы. Что означает эта картина? Наверное, никто не сможет понять этого. Боль утраты, благодарность Гале за поддержку, которую она оказывала Дали на жизненном пути, и самое важное – это восхищение любимой женщиной, которое он пронес через всю жизнь с тех первых минут, как увидел ее, и до последнего вздоха. Она жила в его душе, в его воспоминаниях, его сердце, картинах и в этом замке, где каждая деталь говорила только о Гале.

В голове Дали вдруг потемнело, и он упал без сознания. Прислуга нашла его в комнате час спустя. Он сильно ударился головой, в ушах звенело, он ничего не видел вокруг. Приехали врачи. Они долго колдовали над ним, пытаясь вернуть к жизни. Дали смотрел на всех пустым взглядом, не понимая, где он и что с ним. Врачи прописали лекарства, назна-

чили процедуры.



## Глава 54

Больше всего Сальвадор не хотел лежать в кровати. В детстве он ненавидел тихий час, когда его заставляли спать днем. Это было подавлением его личности, он бунтовал, умолял и опять бунтовал, но мать была непоколебима и стояла на своем. Сейчас все повторялось, как в детстве.

– Нет, я не буду лежать! – кричал Дали.

– Но доктор прописал Вам постельный режим! – уговаривала его сиделка.

– Нет, я здоров, и мне нужно писать картины, без этого мне не жить – он несколько раз вскакивал и пытался отправиться в свою мастерскую, но медсестра вновь укладывала его в кровать. – Эх, придется подчиниться...

Ночью он тихо поднялся с кровати и на цыпочках тихо покинул спальню. Художник спустился в мастерскую. По привычке достал мольберт, чистый холст и начал писать. В голове было много идей, он хотел все их изобразить на картине, наносил мазки. Утром его застали за работой.

– Дон Дали, почему Вы не в кровати? – сердито буркнула сиделка.

Старик посмотрел на женщину в белом халате.

– Хорошо, я иду!

Он лег в кровать, ему принесли кашу, руки тряслись, и он не мог ее есть. Сиделка стала кормить с ложки. Ночью Дали

опять спустился в мастерскую и продолжил писать картину. Рука еще удерживала кисть, он пытался передать свои мысли, но болезнь тормозила мышление. Тонкие линии передавали что-то очень глубокое и очень личное. Эти линии перекрещивались, создавая некое подобие хвоста, вверху сквозь белое полотно еле заметно проявлялся чей-то непонятный образ, и лишь усы указывали на то, что это портрет самого Дали. В левой стороне картины художник писал виолончель. Уставшее сознание Дали переносило всю его боль на холст. Эта боль шла откуда-то из глубины, где не было Галы. Художник посмотрел на белый холст, на котором были изображены помятый лист и несколько линий. Рука еще пыталась писать, но из глубины подсознания раздался монотонный голос: «Все, мой друг, прощайся с живописью». Дали старался отогнать страшные мысли: «Нет, я не могу жить без Галы, хотя это очень трудно, мне не надо славы, денег, ничего не надо, даже свободы! Но не лишай меня живописи! Это единственное, что у меня осталось». Но тайный внутренний голос повторял: «Это твое последнее произведение». – «Нет, я буду писать! Я буду!» И тут Дали опять упал со стула, потеряв сознание. Раздался грохот, и наступила тишина. Последняя картина, как страшный крик души, обращалась ко всем: «Я могу! Я хочу жить! Не лишайте меня последней радости в жизни! Не лишайте меня возможности писать...»

Дали очнулся несколько часов спустя. Он лежал на кровати, рядом на металлической стойке висела бутылка с какой-то

жидкостью, от которой к руке тянулась прозрачная трубка. Сальвадор спал под капельницей, с помощью которой врачи пытались продлить его жизнь. Дали осмотрелся.

– Что это такое?

– Дон Дали, приезжали врачи, Вам поставили капельницу, – объяснила сиделка.

Он в бешенстве схватил трубки и со всей силы швырнул их на пол. Бутылка упала и разбилась вдребезги. Сиделка подскочила к художнику:

– Дон Дали, успокойтесь, успокойтесь!

– Уходите прочь из моего дома! Каминада! – он истошно звал своего дворецкого. – Каминада! Выгони всех вон из моего дома!

На шум прибежал его старый слуга:

– Успокойтесь! Успокойтесь!

Но Дали орал во всю мощь:

– Все вон из моего дома! Вон!

Сзади подошла медицинская сестра, она быстро сделала Дали укол. Он еще пытался кричать: «Вон из моего дома!», но силы покидали его, вскоре старик обмяк, успокоился, голова медленно опустилась на грудь и веки закрылись, художник впал в сонное состояние.

Утром Дали уже ничего не помнил. Первым его желанием было встать и пойти в свою мастерскую, но ноги его не слушались.

– Что со мной? – прошептал Дали. Рядом посапывала си-

делка. – Почему я не могу ходить?

Его голос был слабым. На столике стоял стакан с водой, старик схватил стакан и с силой бросил его на пол. Женщина подскочила.

– Что, что случилось?!

Дали опять начал кричать:

– Почему я не могу ходить? Что Вы сделали со мной?

На шум прибежал дворецкий:

– Дон Дали, все нормально! Просто Вам надо отдохнуть!

– Надоело мне лежать! Я что, больной! Или Вы хотите меня убить?

– Успокойтесь, дон Дали! Все нормально!

Но старик был непреклонен, он хватал все, что было под рукой, и швырял в бедную женщину, обзывая ее последними словами. Она заплакала, закрыла руками лицо и выбежала из комнаты.

– Дон Дали, все нормально, здесь больше никого нет. Только я, Ваш старый слуга.

– Чтобы этой дуры больше не было здесь!

– Не волнуйтесь, ее не будет больше здесь, – успокаивал хозяина Каминада.

## Глава 55

Болезнь Паркинсона прогрессировала, руки тряслись все сильнее и сильнее. Микроинсульт оказал негативное воздействие на подвижность ног. Дали оказался прикован к постели. Часто разум покидал его, и он становился похожим на ребенка. Ему было трудно угодить, он капризничал, стали проявляться признаки провалов в памяти. Медсестры и сиделки не соглашались находиться с ним в одной комнате. Женщинам предлагались большие деньги, но после нескольких дней дежурства они наотрез отказывались ухаживать за Дали. Чтобы как-то решить вопрос, был установлен электрический звонок, с помощью которого больной вызывал сиделку. Но и в этом Дали проявил талант неутомимого провокатора. Художник просыпался ночью с мыслью: «А где моя сиделка? Она, наверное, спряталась за шкафом и хочет убить меня». Он вглядывался в темноту, любая тень пугала его, и вдруг истошно начинал кричать: «Помогите! Убивают!» и изо всех сил нажимать на кнопку звонка. Через несколько секунд в комнату вбежала сиделка. Увидев ее, Дали еще сильнее кричал: «Помогите! Убивают!» На шум прибежал дворецкий, интересовался, что так напугало старика.

– Она хотела убить меня, – жаловался художник, – я видел у нее в руках нож! – и продолжал кричать: – Помогите! Убивают!

Приходилось приглашать дежурную медсестру, делать успокоительный укол и ждать очередной выходки художника. Так продолжалось каждую ночь. Дворецкий умолял женщин подежурить рядом с Дали:

– Он старый человек, да, он стал невыносимым, но не бросать же старика одного. Пожалуйста, не бросайте его. У него умерла жена, он очень сильно ее любил, и на этой почве у него возник невроз.

Только проникнувшись сочувствием к старику и силе его любви, женщины оставались в доме.

Теперь Дали выбрал другую тактику. Он просыпался ночью и начинал нажимать на кнопку звонка. Тут же прибегала сиделка.

– Что случилось, дон Дали? Вам что-то нужно?

– Да, милочка, но я забыл, что мне было нужно... Это... Э... Идите, отдыхайте, если что, я позову.

Через пятнадцать минут он повторял свой трюк. И так он мог изматывать женщин по десять-пятнадцать раз за ночь. Днем художник спал крепким сном, готовясь к новым ночным вылазкам. Наступала ночь, дом затихал, и только Дали готовился устроить прекрасную жизнь своим сиделкам. Он опять нажимал на кнопку. Вбегала сиделка.

– Дон Дали, что-нибудь случилось?

– Да, я хочу воды!

Через минуту женщина приносила стакан чистой воды. Дали подносил стакан к губам.

– Ой, она слишком холодная!

Сиделка приносила теплую воду. Дали пробовал ее:

– Вы что, разве можно пить такой кипяток?

Женщина много раз приносила ему попить, а он пробовал и пробовал, и его все время не устраивала температура. Когда сиделка выходила из себя, он спокойно говорил:

– А знаешь, милочка, я передумал пить. Я хочу в туалет.

Женщина клала под него утку, Дали начинал тужиться, потом с серьезным видом заявлял:

– Ой, я забыл открыть краник. Ты не поможешь мне?

Сиделка краснела и с шумом выбегала из комнаты, а Дали опять начинал давить на кнопку. В конце концов сиделки и дежурные медсестры перестали реагировать на звонки. И все попытки Дали поиздеваться над дежурными были обречены на провал.

Однажды ночью он опять проснулся. Было темно. Дали было страшно, за окном выл ветер, тени от деревьев бегали по всей комнате. Он нажал на кнопку звонка, никакой реакции не последовало, нажал во второй раз. «Ах, они не хотят меня слушать! – старик нажимал и нажимал на кнопку, от злости он стал бить тощим кулаком по кнопке. – Где же Вы? За что я Вам деньги плачу?» Он изо всех сил дернул звонок и оторвал его от кровати, со злости стал рвать провода. Вдруг что-то заискрилось, провода накалились докрасна, загорелись простынь и одеяло. Дали закричал: «Помогите! Горю!», но его голос был слабым, да и выходки его всем уже

надоели.

Вся кровать горела. Повалил дым. Дали кричал от страшной боли и задыхался от густого дыма. Загорелась вата в матрасе. Дали пытался выпрыгнуть из кровати, но ноги не слушались его. Он надышался дыма и стал задыхаться. Еще немного – и все бы кончилось дикой болью и страшной мучительной смертью. Тут за стеной послышались шаги. Дворецкий, почувствовав запах дыма, мчался на помощь хозяину, а в соседней комнате мирно дремала сиделка. Каминада подскочил к ней и велел срочно вызвать пожарников и врачей. Он ворвался в комнату, схватил полуобгоревшего Дали на руки и потащил его в другое помещение. Слуги, поднятые сиделкой, тушили пожар. Через пять минут пожарники справились с огнем. Обгорелый, без сознания Дали лежал на диване в соседней зале. «Дон Дали, не умирайте!» – рыдал дворецкий. Врачи осмотрели больного. Положение было очень тяжелым. Срочно требовалась госпитализация, и машина скорой помощи с диким ревом сирены неслась в Барселону.

Дали открыл глаза. Все вокруг было белым: потолок, стены, шторы, пол. Рядом сидел его старый слуга. Увидев, что хозяин открыл глаза, он обрадовался: «Дон Дали, Вы живы!» И на глазах дворецкого выступили слезы радости. Он служил великому художнику более тридцати лет. У него не было семьи, друзей, был только Дали, ради которого он и жил. Это была его миссия – служить гению, который своим искус-



ством изменил мир. Верный Каминада понимал, что, жертвуя своей личной жизнью ради великого художника, он тоже вносит свою, хоть и очень маленькую, частицу в развитие мировой живописи.

Все тело горело, Дали не мог лежать, дикая боль пронзала ноги, живот, спину, руки тоже пострадали. Художник потрогал свои усы, они почти полностью сгорели. Дали застонал. Слуга срочно вызвал врача. Пришли три медика, они долго осматривали больного, через несколько минут в палату вошла медсестра. Дали сделали укол и начали перевязку. Ночью Дали просыпался со страшной болью, и опять дворецкий звал на помощь врачей. Так продолжалось почти месяц. Врачи сделали операцию по пересадке кожи. Боли постепенно утихли, и наступил момент, когда Дали почувствовал себя лучше.

– Отпустите меня в мой замок, – просил он врачей.

После долгих консультаций было решено отправить художника домой, но продолжить лечение под присмотром медперсонала.

## Глава 56

Сальвадор опять оказался в замке Пуболь и первым делом навестил свою Галу. Дали сидел рядом с ее могилой, вспоминая те веселые дни, когда они были молоды. Вот и жизнь пролетела! Быстро, незаметно, как один миг. Казалось, жизнь будет долгой, засыпая каждый вечер, надеялся, что новый день будет более счастливым, чем этот. Но уходил день, а с ним и жизнь. День за днем, неделя за неделей, год за годом.

Художник разговаривал с Галой:

– Тебе, моя дорогая, там скучно без меня? Ну потерпи еще немного, я приду к тебе. Мы не будем больше ссориться и заживем душа в душу.

Он просидел рядом с могилой больше часа, потом позвал дворецкого:

– Каминада, отвези меня в Кадакес.

Дали хотелось побыть на природе. Через два часа они были на берегу моря. Мягкий бриз обдувал лицо художника. Ему захотелось разуться и побежать босиком по теплomu песку, прыгнуть в море и плыть вдаль. Старик смотрел на море, ноги его не слушались, и, сидя в инвалидной коляске, он мысленно бегал по пляжу, прыгал и радовался окружающему миру. Впереди возвышался мыс, который присутствует на всех картинах великого художника. Наверное, весь мир знает это место благодаря его полотнам.

Ему страшно захотелось прыгнуть с коляски и добежать, доковылять, пусть даже доползти, но добраться до этого мыса. «Почему я так люблю эту скалу? – подумал Дали. Он задумался. – А правда, почему?» Старик стал вспоминать. Вихри памяти унесли его в детство. Вот маленький Сальваторе бежит по пляжу и тянет за собой маму. Теплая женская рука крепко держит его руку. Мальчик впервые приехал на море. Он не видел его никогда. Там впереди слышится глухой гул. Ребенок спешит потрогать море. Это был самый яркий момент в жизни. Темное море, белые волны и запах. Разве его можно забыть? Сальвадор стоит по колено в воде, а рядом его мама. Вот малыш видит утес. Тогда это была огромная скала.

– Мама, пойдём туда!

Женщина, осторожно ступая между камнями, ведет сына к скале.

– Какая она красивая! Такая же, как ты, мама!

Женщина смеется, ее улыбка озаряет все вокруг: скалу, море, пляж, даже солнце стояло ярче и теплее. «Почему я так люблю этот утес? – Дали смотрит на скалу. – Все идет из детства». Мать – вот разгадка этой вечной любви. «Какая красивая эта скала, такая же, как ты!» Дали открыл глаза. Матери давно уже не было на этой земле, она умерла, когда он был еще юношей. Время прошло, ушли все, кого Дали любил, но осталась скала как символ красоты и доброй энергии, которую дарила ему мать. Скала – это память о матери.

ри, о самом дорогом человеке, который дал ему жизнь. Дали смотрел на утес. Мысли опять закрутились в его голове. Он помнил тот момент в колледже, когда его вызвали с урока: «Сальвадор, иди к директору! Тебя ждет отец». Он вбежал в кабинет. Уставшее и опустошенное лицо отца. «Папа, что случилось? – Отец отвернулся. – Папа, что случилось?» – «Мама умерла». Он опустил голову. Сильный, решительный человек, отец не хотел показывать слез, но душа его рыдала и стонала. Сальвадор закричал: «Мама! Мама!»

Старик вытер слезу. Всю жизнь он мечтал возродить мать. Читал много оккультных книг, серьезно увлекся магией и символами, способными сотворить чудо. Во всех своих картинах он старался использовать силу магии и символизма, пронеся через жизнь пейзаж Кадакеса и этой скалы как напоминание о горячо любимой матери.

Дали позвал слугу:

– Поехали в замок! Я устал!

Дворецкий отвез его к машине, осторожно пересадил на заднее сиденье. Машина стала медленно удаляться от пляжа.

## Глава 57

Художник много времени проводил рядом с телом Галы, он подолгу разговаривал с ней. Часто смеялся над шутками, которые когда-то выкидывал. Она внимательно слушала своего гения и главнокомандующего, который покорил почти все страны. Войска под его руководством заняли все пространство на Земле. И теперь Наполеон сидел в кресле – о чем можно еще мечтать?! Все, чего можно было достичь в этой жизни, все покорено. Все мечты сбылись. «Спасибо тебе, Гала! Ты единственная, кто верил в меня! Ты давала мне советы и указывала путь, по которому надо было идти. Только благодаря тебе наша армия стала самой сильной в мире и мы смогли покорить планету».

Дали теперь был везде: в музеях, самых престижных галереях, в книгах, газетах, фильмах, парфюмерии, в костюмах и декорациях, но главное, Сальвадор Дали был в умах практически всех людей на планете. Все, что только можно покорить, было покорено армией великого талантливое художника. Сальвадор смотрел на мир спокойно. Да, сейчас он немощный старик, но след после себя оставил просто гигантский. Часто Дали сидел на балконе замка и созерцал сад, который сам же придумал, здесь все было необычным, и каждая деталь напоминала о его творчестве, о его картинах, которые он воплотил в деревьях, кустах, цветах и траве.

– Что я здесь сижу? Мне надо ехать! – Дали заволновался. – Каминада, нам надо ехать в мой театр.

Дворецкий вез художника в другой город, где находилось его главное произведение, дом его картин. Несмотря на болель, Дали осматривал все помещения, давал советы, где что поменять. «Это будет мой дом!»

Дали вернулся в замок Пуболь поздно, но с хорошим настроением. Его подняли в спальню. Он сильно устал и лег спать. Ему снились сны: мальчик в треуголке с игрушечной саблей штурмует кухню, битва предстоит нешуточная, и Наполеон бросается на неприступный бастион. Неожиданная атака застает противника врасплох, и кухня почти захвачена. Еще немного, и можно вешать флаг победы, но розовощекие кухарки, временно отступившие под напором великого полководца, приходят в себя и всей своей мощью набрасываются на юного агрессора. Маленького Сальвадора с позором выставляют из кухни.

Вот он в Мадриде, совсем молодой, знакомится со своим другом Гарсией Лоркой. Долгие разговоры о живописи и поэзии. Восхищение своим другом, которого знала тогда вся Испания. Молодость брызжет энергией, превращая жизнь в яркий нескончаемый фейерверк.

Прекрасный солнечный день, голубое небо, берег теплого моря. Дали сидит на песке и пишет картину, рядом лежит Лорка, он заснул, большая соломенная шляпа падает в сторону, и молодой художник запечатлевает этот момент на

своей картине. Пейзаж тает, как утренний туман, и новые впечатления из прошлого приходят к спящему старику. Париж, узкие улочки, раннее утро, кругом тишина, город только-только просыпается, вот первые художники-жаворонки трудятся над своими картинами, они стараются передать всю красоту рассвета, краски будущего дня, который готовится войти в город.

Дали перевернулся на другой бок, яркая вспышка ослепила его. Что это? Во сне к нему пришла Гала, это солнце, которое сделало его жизнь другой. Огромная лавина теплой энергии обрушилась на художника. Он смотрит ей в глаза и тонет в море нежности и любви. От яркого света Дали открывает глаза. Солнечные лучи пробиваются сквозь плотные занавески. В окно входит новый день. Как прекрасна жизнь! Тело плохо слушается Дали, но чистые мысли создают ему хорошее настроение. В комнату вошел дворецкий.

– Как Вы спали, дон Дали?

– Прекрасно! – улыбнулся художник.

– Вам принести завтрак?

– Нет, мой друг, не надо! Открой, пожалуйста, окно!

Слуга откинул шторы, вся комната наполнилась ярким светом.

– Может быть, дон Дали, Вы выпьете горячего молока?

– Нет, Каминада, не надо!

– Вы сегодня очень хорошо выглядите и улыбаетесь! Мне так приятно видеть Вас таким! – слуга искренне радовался

за своего хозяина.

– Сегодня у меня самый счастливый день! – с улыбкой проговорил художник. Дворецкий ответил теплой улыбкой. – Сядь ко мне, мой друг! – слуга сел на кровать рядом с Дали. Старик взял его руку. – Сегодня я ухожу! Моя Гала ждет меня! – он сжал руку Каминады и закрыл глаза.

Дали вспомнил, как рыдал в своей кроватке, когда случайно подслушал разговор родителей. Они имели неосторожность назвать его «копией брата». «Я не копия! Я – это я», – хотелось ему тогда подбежать и крикнуть. Всю ночь горькие слезы текли по лицу малыша. Он съежился в кроватке, завернувшись в одеяло и уткнувшись в подушку. А утром поклялся, что докажет всем, всему миру, что он – Сальвадор Дали – единственный и неповторимый.

Потом старик мысленно вернулся в другой поздний вечер, когда маленький Сальвадор встал с постели и вышел в коридор. Струйка света падала из комнаты отца. Он со страхом вошел в кабинет. Загадочная комната, уставленная книгами, и стол, на котором лежал большой том. Эта книга манила к себе, притягивала, как магнит. Мальчик берет ее в руки. Открывает. Яркие непонятные блестящие картинки. Зачем только Сальвадор зашел в этот кабинет и достал эту книгу. Пройдут годы, и изображения этого издания будут страшным кошмаром приходить в его снах. Эта книга вселит ужас в мальчика, который потом станет мужчиной. Те картинки породят животный страх перед женщинами, какими бы они



ни были красивыми, и этот страх до конца жизни будет преследовать его...

Дали открыл глаза. У кровати стоял его старый друг и слуга, который был теперь все время рядом. Художник вновь закрыл глаза. Мальчик рассматривает картинки в книге. Позднее Дали понял, что отец оставил пособие по венерическим заболеваниям, но мальчик больше всего в жизни боялся заболеть такими болезнями. Юноша загорался романтикой, его тянуло в новый мир сексуальных переживаний, но страшная тень картинок из книги, наложенная на его сверхчувствительность, дико пугала молодого человека, что создало феерическое полотно страхов в подсознании Дали. Он увидел в книжке цветные картинки со страшными язвами и гниющей плотью и, став взрослым, на всю жизнь запомнил, как выглядит гниющее мясо со страшными гнойниками и кровавыми подтеками, обезображенные конечности. Все это страшной аллегорией пролегло через всю его жизнь, именно поэтому он отталкивал от себя женщин. Дали вспомнил, как он мечтал о нормальной жизни, о ярких сексуальных отношениях, но был лишен всего этого только из-за одного – этой книги.

Художника вдруг скрутила судорога, лицо перекосило от боли, но сознание было чистым. К Дали явилось видение: мальчик выходит из комнаты и идет по коридору. Вот комната отца, оттуда струится луч света. Сальвадор постоял рядом. Он хочет открыть дверь, но в последний момент пово-

рачивается и идет к себе в комнату. Жизнь сложилась бы совсем иначе. Дали открыл глаза. Сейчас ему стало очень хорошо! Он сильнее сжал руку дворецкого.

– Каминада, мой друг, я ухожу! Я хочу домой!

Огромная энергия вырвалась из Дали. Душа стала тихо покидать брренное дряхлое тело. Она поднялась над художником. На кровати лежало его тело, рядом стоял дворецкий. Душа еще некоторое время парила в комнате, а потом стала медленно струиться вверх. Как радостно покидать этот брренный мир, Дали подарил много прекрасного, но его время в этой жизни закончилось. Теперь душа Сальвадора возноси-лась в небо, ближе к Богу, где его ждала любимая Гала, друг Гарсиа Лорка и мама. Душа Дали метнулась к прекрасной женщине, от которой исходило необъятное тепло. Сальвадор обнял ее: «Мама, вот я и нашел тебя».